

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
30 июня 2021 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 2 (2021)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Совершение особо тяжких преступлений лицом, имеющим одну непогашенную судимость за тяжкое преступление к реальному лишению свободы, образует опасный, а не особо опасный рецидив преступлений.

По приговору Свердловского областного суда от 21 декабря 2018 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Х. (судимый 13 июля 2011 г. по п. «а» ч.2 ст. 166 УК РФ к 1 году лишения свободы и 11 июня 2014 г. по ч. 3 ст. 134 УК РФ к 3 годам лишения свободы) осужден по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ к 10 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год, по пп. «ж», «з» ч.2 ст. 105 УК РФ к 17 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев, по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч.2 ст. 105 УК РФ к 10 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений к 24 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 2 года.

В соответствии с п. «г» ч. 1 и ч. 2 ст. 58 УК РФ Х. назначено отбывание первых 5 лет лишения свободы в тюрьме, а оставшегося срока наказания в виде лишения свободы – в исправительной колонии особого режима.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2019 г. приговор оставлен без изменения.

В надзорной жалобе осужденный оспаривал вывод суда о наличии в его действиях особо опасного рецидива преступлений, а также назначение отбывания лишения свободы в исправительной колонии особого режима.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 20 января 2021 г. удовлетворил надзорную жалобу осужденного частично, указав следующее.

Как усматривается из приговора, в действиях Х. признано наличие особо опасного рецидива преступлений на основании положений п. «б» ч. 3 ст. 18 УК РФ, в соответствии с которыми рецидив преступлений признается

особо опасным при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно два раза было осуждено за тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление.

При этом в приговоре указано, что Х. был дважды судим за тяжкие преступления (13 июля 2011 г. по п. «а» ч.2 ст. 166 УК РФ и 11 июня 2014 г. по ч. 3 ст. 134 УК РФ), судимости за которые не были погашены или сняты в установленном законом порядке.

Между тем наказание по приговору суда от 13 июля 2011 г., по которому Х. был осужден по п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ к 1 году лишения свободы, было им отбыто 15 декабря 2011 г.

В соответствии с п. «г» ч. 3 ст. 86 УК РФ в редакции Федерального закона, действовавшей на момент совершения преступления (в октябре 2010 г.), судимость погашается в отношении лиц, осужденных к лишению свободы за тяжкие преступления, – по истечении шести лет после отбытия наказания.

На момент совершения преступлений 22 декабря 2017 г., за которые Х. осужден по приговору от 21 декабря 2018 г., прошло более шести лет после отбытия им наказания по приговору от 13 июля 2011 г., в связи с чем эта судимость была погашена.

В силу ч. 6 ст. 86 УК РФ погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные названным Кодексом, связанные с судимостью.

Таким образом, на момент совершения 22 декабря 2017 г. особо тяжких преступлений у осужденного имелась одна непогашенная судимость по приговору от 11 июня 2014 г. за тяжкое преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 134 УК РФ, что не давало оснований для признания в его действиях особо опасного рецидива преступлений и назначения ему отбывания лишения свободы в исправительной колонии особого режима.

В соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 18 УК РФ действия осужденного образуют опасный рецидив преступлений, поэтому в силу п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ наличие данного вида рецидива преступлений обуславливает назначение отбывания лишения свободы в исправительной колонии строгого, а не особого режима.

Допущенное судом первой инстанции нарушение уголовного закона является существенным, повлиявшим на исход дела, так как повлекло назначение осужденному Х. вида исправительного учреждения с более строгим режимом.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и апелляционное определение: исключил указание о судимости Х. по приговору от 13 июля 2011 г. и вместо особо опасного рецидива преступлений признал в его действиях в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 18 УК РФ опасный рецидив преступлений. Отбывание наказания в виде лишения свободы в течение первых 5 лет назначил

осужденному в тюрьме, а оставшегося срока наказания в исправительной колонии строгого режима.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 130-П20*

2. При назначении наказания в виде исправительных работ суд должен установить размер удержания из заработка осужденного в доход государства.

По приговору Нижегородского областного суда от 3 октября 2002 г. (с учетом последующих изменений) Л. (ранее судимый 13 декабря 1993 г. и 28 сентября 2001 г.) осужден по ч.1 ст. 115 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) к исправительным работам сроком на 10 месяцев, по ч. 2 ст. 139 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) – к 10 месяцам лишения свободы, на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ – к лишению свободы сроком на 10 месяцев. В соответствии со ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров назначено окончательное наказание в виде 12 лет 10 месяцев лишения свободы.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 24 марта 2021 г., рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения по следующим основаниям.

В соответствии с положениями ст. 50 УК РФ в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, действовавшего в период совершения преступления, исправительные работы устанавливаются на срок от двух месяцев до двух лет и отбываются по месту работы осужденного. Из заработка осужденного к исправительным работам производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от пяти до двадцати процентов.

По данному уголовному делу Л., осужденному с учетом внесенных изменений по ч. 1 ст. 115 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), назначено наказание в виде исправительных работ сроком на 10 месяцев.

В нарушение требований уголовного закона судом не установлен размер, подлежащий удержанию в доход государства из заработка осужденного, то есть наказание в виде исправительных работ судом фактически не назначено.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации исключил из судебных решений назначение осужденному наказания по ч. 1 ст. 115 УК РФ и по совокупности преступлений на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 219-П20*

3. В соответствии с положениями ч. 1 ст. 56 УК РФ наказание в виде лишения свободы не может быть назначено лицу, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, при отсутствии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, и если санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ помимо лишения свободы предусмотрены иные виды наказания.

По приговору Иркутского областного суда от 4 апреля 2012 г. (с учетом изменений, внесенных кассационным определением от 20 июня 2012 г.) В. осужден к лишению свободы по пп. «ж», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 13 лет с ограничением свободы на срок 2 года, по ч.1 ст. 222 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) с учетом ч. 1 ст. 62 УК РФ на 2 года, по ч. 1 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) с учетом ч. 1 ст. 62 УК РФ на 1 год, по ст. 317 УК РФ на 18 лет 10 месяцев с ограничением свободы на срок 2 года. В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено окончательное наказание – 21 год 10 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на срок 2 года.

Осужденный в надзорной жалобе просил об изменении судебных решений и о смягчении наказания, указывая, что судом за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), ему необоснованно назначено наказание в виде лишения свободы.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 3 марта 2021 г. изменил судебные решения по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Осужденному В. за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), относящееся к категории небольшой тяжести, назначено наказание в виде лишения свободы.

Между тем он ранее не судим, является лицом, впервые совершившим преступление, отягчающих наказание обстоятельств за это преступление судом не установлено, санкция ч. 1 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), кроме лишения свободы, предусматривает другие, более мягкие виды наказаний.

Поэтому В. по ч. 1 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) не могло быть назначено наказание в виде лишения свободы.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор, кассационное определение и назначил по ч. 1 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) 1 год исправительных работ в местах, определяемых органами местного самоуправления, с удержанием в доход государства 20% заработной платы.

В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных пп. «ж», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 1 ст. 222 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), ч. 1 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), ст. 317 УК РФ, путем частичного сложения наказаний назначил В. наказание в виде лишения свободы сроком на 21 год 9 месяцев с ограничением свободы сроком на 2 года.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 14-П21*

4. Мнение потерпевшего о назначении подсудимому строгого наказания не отнесено законодателем к обстоятельствам, отягчающим наказание, перечень которых установлен ст. 63 УК РФ, и ссылка на это мнение подлежит исключению из приговора.

Установлено, что Л., Д. и Ш. договорились между собой завладеть автомашиной без цели хищения, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Во исполнение задуманного осужденные нанесли потерпевшему руками и ногами множественные удары по различным частям тела, в том числе в голову. Убедившись, что потерпевший не может воспрепятствовать завладению автомашины, Л. и Ш. положили его на заднее сиденье автомашины и продолжили движение на указанной автомашине.

Осужденный Д., осознавая, что они завладели автомашиной неправомерно, с целью сокрытия совершенного преступления предложил Л. и Ш. сжечь потерпевшего. Реализуя высказанное предложение, Л. вместе с Ш. подожгли автомашину с находившимся в ней потерпевшим. От указанных действий осужденных Л. и Ш. при подстрекательстве осужденного Д. наступила смерть потерпевшего, а автомашина полностью сгорела.

По приговору Новосибирского областного суда (оставленному судом апелляционной инстанции без изменения) Л. осужден к лишению свободы по пп. «д», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 10 лет с ограничением свободы сроком на 1 год, по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 166 УК РФ на 3 года, по ч. 1 ст. 167 УК РФ на 1 год 6 месяцев. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений Л. назначено 12 лет лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год.

По этому же приговору осужден Д. к лишению свободы по ч. 4 ст. 33, пп. «д», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 9 лет с ограничением свободы сроком

на 1 год, по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 166 УК РФ на 4 года, по ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 167 УК РФ на 1 год. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений Д. назначено 11 лет лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год.

По делу осужден также Ш.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 3 февраля 2021 г. изменил приговор, апелляционное определение и исключил указание об учете мнения потерпевших о строгом наказании подсудимых по следующим основаниям.

В приговоре указано, что «суд учитывает также мнение потерпевших о строгом наказании подсудимых».

Между тем мнение потерпевшего о суровом наказании виновных лиц не включено законодателем в перечень отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, подлежащих учету при назначении наказания, который расширительному толкованию не подлежит.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 132-П20*

5. В случае устранения обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, приговор суда, вынесенный заочно, по ходатайству осужденного или его защитника отменяется и уголовное дело передается на новое судебное рассмотрение с учетом правил подсудности.

По приговору Московского областного суда от 23 декабря 2010 г., постановленному с участием присяжных заседателей (оставленному без изменения кассационным определением от 18 февраля 2011 г.), Б. осужден по ч. 3 ст. 162, п. «а» ч. 3 ст. 226, ч. 1 ст. 222 УК РФ.

Осужденный в надзорной жалобе просил отменить приговор и кассационное определение в связи с нарушением правил подсудности, поскольку в силу ст. 31 УПК РФ дело подлежало рассмотрению в районном суде. Также осужденный обращал внимание на отсутствие в приговоре ссылки на положения ч. 5 ст. 247 УПК РФ и заявлял, что от следствия и суда он не скрывался.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 3 марта 2021 г. удовлетворил надзорную жалобу, указав следующие.

Из материалов уголовного дела усматривается, что 23 июня 2008 г. уголовное дело в отношении Б., а также других лиц поступило в Московский областной суд и было назначено к рассмотрению в судебном заседании с участием коллегии присяжных заседателей.

27 ноября и 3 декабря 2008 г. подсудимый Б. в судебные заседания без уважительной причины не явился, в связи с чем мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении в отношении его

постановлением судьи изменена на содержание под стражей, он объявлен в розыск. Уголовное дело в отношении Б. приостановлено до его розыска.

По ходатайству прокурора производство по уголовному делу в отношении Б. 2 августа 2010 г. было возобновлено, по делу назначено предварительное слушание.

9 августа 2010 г. по итогам предварительного слушания уголовное дело в отношении Б. по предъявленному ему обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 162, п. «а» ч. 3 ст. 226, ч. 1 ст. 222 УК РФ было назначено к рассмотрению Московским областным судом с участием коллегии присяжных заседателей без учета положений ч. 2 ст. 31 УПК РФ, согласно которым уголовные дела данной категории отнесены к подсудности районного суда.

23 декабря 2010 г. в отношении Б. был заочно постановлен обвинительный приговор, который 18 февраля 2011 г. вступил в законную силу.

17 января 2018 г. Б. задержан и отбывает наказание, назначенное ему по приговору от 23 декабря 2010 г.

В соответствии с ч. 7 ст. 247 УПК РФ в случае устранения обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, приговор или определение суда, вынесенные заочно, по ходатайству осужденного или его защитника отменяются судом кассационной или надзорной инстанции. Судебное разбирательство в таком случае проводится в обычном порядке.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил приговор и кассационное определение, а уголовное дело передал на новое судебное рассмотрение со стадии предварительного слушания в тот же суд иным составом суда для принятия решений, предусмотренных ст. 236 УПК РФ, в том числе о подсудности уголовного дела.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 223-П20*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

6. При разрешении споров о взыскании неосновательного обогащения в связи с бездоговорным потреблением электрической энергии суду необходимо выяснять причины, по которым не был заключен договор в связи с заменой поставщика электрической энергии, была ли доведена до потребителя информация о смене поставщика и

соответствовали ли действия нового поставщика требованиям добросовестности.

Электросетевая компания обратилась в суд с иском к М. (собственнику нежилых помещений в многоквартирном доме) о взыскании неосновательного обогащения, указав, что ответчиком осуществлялось бездоговорное потребление электроэнергии в период с 10 августа 2016 г. по 12 апреля 2017 г.

Решением суда в удовлетворении исковых требований отказано.

Судом апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым исковые требования удовлетворены: с М. в пользу электросетевой компании взыскано неосновательное обогащение, проценты за пользование чужими денежными средствами, государственная пошлина в доход местного бюджета.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала постановления судов апелляционной и кассационной инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм права по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 данного кодекса.

В силу п. 1 ст. 539 ГК РФ по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии.

Согласно положениям ст. 544 ГК РФ оплата энергии производится за фактически принятое абонентом количество энергии в соответствии с данными учета энергии, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или соглашением сторон.

В соответствии с п. 2 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442 (в редакции от 4 февраля 2017 г., действующей на дату составления акта), бездоговорным потреблением электрической энергии является самовольное подключение энергопринимающих устройств к объектам электросетевого хозяйства и (или) потребление электрической энергии в отсутствие заключенного в

установленном порядке договора, обеспечивающего продажу электрической энергии (мощности) на розничных рынках, кроме случаев потребления электрической энергии в отсутствие такого договора в течение 2 месяцев с даты, установленной для принятия гарантирующим поставщиком на обслуживание потребителей.

Как предусмотрено пп. 25, 26 Основных положений, на сетевой организации лежит обязанность удостовериться в том, что все потребители заключили в письменной форме договоры, обеспечивающие продажу им электрической энергии (мощности). При этом в ходе предписываемых мероприятий сетевая организация выявляет лиц, которые не заключили договоры, обеспечивающие продажу им электрической энергии (мощности), и при этом фактически потребляют электрическую энергию; составляет в установленном порядке акт о неучтенном потреблении электрической энергии; рассчитывает объемы бездоговорного потребления электрической энергии за период, истекший с даты, установленной для принятия гарантирующим поставщиком на обслуживание потребителей; принимает меры по прекращению потребления электрической энергии в отсутствие договора и по обеспечению оплаты объемов электрической энергии, потребляемой без заключенного договора лицом, потребляющим электрическую энергию, путем введения полного ограничения режима потребления электрической энергии.

В силу п. 27 Основных положений электрическая энергия (мощность) реализуется на розничных рынках на основании следующих видов договоров, обеспечивающих продажу электрической энергии (мощности): договор энергоснабжения; договор купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности).

Согласно п. 167 Основных положений субъекты электроэнергетики, обеспечивающие снабжение электрической энергией потребителей, в том числе гарантирующие поставщики (энергосбытовые, энергоснабжающие организации) и сетевые организации, в соответствии с данным разделом проверяют соблюдение потребителями (производителями электрической энергии (мощности) на розничных рынках) требований указанного документа, определяющих порядок учета электрической энергии, условий заключенных договоров энергоснабжения (купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности), договоров оказания услуг по передаче электрической энергии, договоров оказания услуг оперативно-диспетчерского управления, а также проводят проверки на предмет выявления фактов безучетного и бездоговорного потребления электрической энергии.

Гарантирующие поставщики (энергосбытовые, энергоснабжающие организации), осуществляющие поставку электрической энергии (мощности) в многоквартирный дом, и (или) сетевые организации вправе провести проверку в отношении надлежащего технологического присоединения строений, зданий и (или) сооружений, расположенных на земельном участке

многоквартирного дома или граничащих с ним земельных участках, к электрическим сетям, в том числе к внутридомовым электрическим сетям многоквартирного дома, с привлечением лиц, отвечающих за содержание указанных сетей, в целях выявления фактов бездоговорного потребления электрической энергии.

В силу п. 192 Основных положений по факту выявленного безучетного или бездоговорного потребления электрической энергии сетевой организацией составляется акт о неучтенном потреблении электрической энергии и не позднее 3 рабочих дней с даты его составления передается в адрес: гарантирующего поставщика (энергосбытовой, энергоснабжающей организации), обслуживающего потребителя, осуществившего безучетное потребление; лица, осуществившего бездоговорное потребление.

Согласно п. 193 Основных положений при составлении акта о неучтенном потреблении электрической энергии должен присутствовать потребитель, осуществляющий безучетное потребление (обслуживающий его гарантирующий поставщик (энергосбытовая, энергоснабжающая организация), или лицо, осуществляющее бездоговорное потребление электрической энергии.

Таким образом, законодательством предусмотрены требования к процедуре проведения проверки и порядку фиксации ее результатов, в частности, сетевая компания должна обеспечить участие потребителя (представителя) в проверке и его присутствие при составлении актов. Ввиду того, что проверка прибора учета завершается составлением сетевой организацией итогового документа о ее проведении, все действия проверяющего лица в отношении прибора учета до составления соответствующего акта являются продолжением проверки.

Как установлено судом, акт о неучетном потреблении был составлен представителем истца 12 апреля 2017 г. в отсутствие ответчика, при этом в нем указаны сведения об имевшем со стороны истца уведомлении ответчика от 4 апреля 2017 г. о времени и месте составления акта. Согласно идентификатору почтового отправления уведомление истца получено ответчиком 13 апреля 2017 г., то есть после составления акта.

Данные обстоятельства оценки со стороны суда апелляционной инстанции не получили.

При этом период бездоговорного пользования электроэнергией определен в акте с 14 апреля 2014 г., хотя электросетевая компания приняла на себя обязательства по снабжению многоквартирного дома электрической энергией только с 4 августа 2016 г., а технологическое присоединение к сетям многоквартирного дома произведено 10 августа 2016 г.

В акте также указано, что произведен осмотр «нежилых помещений» без каких-либо идентифицирующих признаков, что само по себе в отсутствие иных доказательств не свидетельствует о том, что были осмотрены помещения, принадлежащие именно ответчику.

Акт о неучтенном потреблении электрической энергии содержит указание на бездоговорное потребление электрической энергии через сети электросетевой компании и сети многоквартирного дома до приборов учета жилого дома с нарушением правил технологического присоединения, однако данные обстоятельства не подтверждаются иными материалами дела. Факт подключения ответчика к энергетическим сетям до приборов учета жилого дома оспаривался в судебном заседании, но не был проверен судом апелляционной инстанции, вопрос о проведении судебной экспертизы для проверки указанных в акте сведений на обсуждение сторон, в нарушение требований ст. 79 ГПК РФ, не ставился.

Ответчиком в материалы дела была представлена копия договора от 10 ноября 2013 г., заключенного с ТСЖ многоквартирного дома, с указанием на то, что оплата электроэнергии осуществлялась М. согласно показаниям индивидуальных приборов учета, установленных и введенных в эксплуатацию сотрудниками ТСЖ в период действия договора от 2 октября 2010 г., заключенного с сетевой организацией. При рассмотрении спора ответчик также ссылаясь на то, что подключение его нежилых помещений к электросетям было осуществлено после счетчика ТСЖ.

Данные возражения ответчика оценки со стороны суда апелляционной инстанции, в нарушение требований ст. 198 ГПК РФ, не получили.

Судом апелляционной инстанции также не учтено, что обязанность собственников нежилых помещений в многоквартирном доме заключать договоры ресурсоснабжения непосредственно с ресурсоснабжающей организацией в соответствии с п. 4 постановления Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2016 г. № 1498 «О вопросах предоставления коммунальных услуг и содержания общего имущества в многоквартирном доме» возникла только с 1 января 2017 г.

Кроме того, оплата бездоговорного потребления электрической энергии, в отличие от оплаты ее фактического потребления, определяемого приборами учета, осуществляется в повышенном размере исходя из величины допустимой (то есть максимальной) длительной токовой нагрузки каждого вводного провода (кабеля) (п. 2 Приложения № 3 к Основным положениям).

В соответствии с пп. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Согласно ст. 10 этого же кодекса не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке (п. 1).

В случае несоблюдения требований, предусмотренных п. 1 указанной статьи, суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Как следует из п. 3 ст. 307 ГК РФ, при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей в том числе в получении необходимой информации. По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (ст. 56 ГПК РФ, ст. 65 АПК РФ).

Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ), например, признает условие, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона, соответственно наступившим или ненаступившим (п. 3 ст. 157 ГК РФ); указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (п. 5 ст. 166 ГК РФ).

Из установленных судом обстоятельств следует, что помещения ответчика в 2013 году были подключены к электрическим сетям надлежащим образом с надлежащими приборами учета на основании договора с ТСЖ.

Заключение в 2016 году договора на технологическое присоединение многоквартирного дома, в котором находятся помещения ответчика, и само технологическое присоединение произведены без участия ответчика, который продолжал производить оплату ТСЖ по имеющимся приборам учета.

При таких обстоятельствах суду апелляционной инстанции следовало определить соответствие действий сторон требованиям добросовестности, а также установить, какие действия и кто из участников технологического присоединения многоквартирного дома к электрическим сетям должен был совершить по доведению до потребителя информации о смене поставщика электроэнергии, а также о необходимости заключить соответствующий договор и производить оплату новому поставщику.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала постановления судов апелляционной и кассационной инстанций незаконными, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 5-КГ20-91-К2

***Разрешение споров, возникающих вследствие
причинения вреда***

7. Материальный ущерб, причиненный в результате дорожно-транспортного происшествия несовершеннолетним, достигшим возраста 14 лет, подлежит возмещению его родителями в порядке субсидиарной ответственности, если у несовершеннолетнего причинителя вреда отсутствуют доход или иное имущество, достаточные для его возмещения, и если родители не докажут, что вред возник не по их вине.

Ч. обратился в суд с иском к З.С., З.В. о возмещении материального ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, произошедшего с участием автомобиля, принадлежащего истцу на праве собственности, и велосипеда под управлением несовершеннолетнего З., в связи с тем, что автомобилю истца причинены механические повреждения.

Ответчик З.В. и представитель ответчика З.С. исковые требования не признали, просили отказать в их удовлетворении.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из наличия вины родителей несовершеннолетнего ребенка в причинении материального ущерба истцу, которые не подготовили 14-летнего сына к езде на велосипеде по проезжей части автодороги, а также не обучили Правилам дорожного движения. В связи с этим суд пришел к выводу о взыскании с ответчиков в солидарном порядке стоимости восстановительного ремонта автомобиля.

Суды апелляционной и кассационной инстанций согласились с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Согласно п. 1 ст. 1074 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред на общих основаниях. В случае, когда у несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине (п. 2 ст. 1074 ГК РФ). Обязанность родителей (усыновителей), попечителя и соответствующей организации по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, прекращается по достижении причинившим вред совершеннолетия либо в случаях, когда у него до достижения совершеннолетия появились доходы или иное имущество, достаточные для возмещения вреда, либо когда он до достижения совершеннолетия приобрел дееспособность (п. 3 ст. 1074 ГК РФ).

В п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» разъяснено, что, если несовершеннолетний, на которого возложена обязанность по возмещению вреда, не имеет заработка или имущества, достаточных для возмещения вреда, обязанность по возмещению вреда полностью или частично возлагается субсидиарно на его родителей (усыновителей) или попечителей, а также на организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в которой находился причинитель вреда под надзором (ст. 155¹ СК РФ), если они не докажут отсутствие своей вины. Причем эти лица должны быть привлечены к участию в деле в качестве соответчиков. Их обязанность по возмещению вреда, согласно п. 3 ст. 1074 ГК РФ, прекращается по достижении несовершеннолетним причинителем вреда восемнадцати лет либо по приобретении им до этого полной дееспособности. В случае появления у несовершеннолетнего достаточных для возмещения вреда средств ранее достижения им восемнадцати лет исполнение обязанности субсидиарными ответчиками приостанавливается и может быть возобновлено, если соответствующие доходы прекратятся.

Согласно приведенным правовым нормам и разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации для разрешения вопроса о возложении обязанности по возмещению вреда на родителей несовершеннолетнего суду необходимо установить наличие либо отсутствие у несовершеннолетнего причинителя вреда доходов или иного имущества, достаточных для возмещения причиненного вреда.

Как усматривается из материалов дела и состоявшихся по нему судебных постановлений, истец требований о возмещении ущерба к несовершеннолетнему причинителю вреда не заявлял, обратился в суд с иском к родителям несовершеннолетнего о возмещении материального ущерба не в субсидиарном, а в солидарном порядке как к основным должникам, что противоречит приведенным нормам права.

Абзацем вторым ч. 3 ст. 40 ГПК РФ предусмотрено, что в случае невозможности рассмотрения дела без участия соответчика или соответчиков в связи с характером спорного правоотношения суд привлекает его или их к участию в деле по своей инициативе. После привлечения соответчика или соответчиков подготовка и рассмотрение дела производятся с самого начала.

Указанные требования процессуального закона судом не выполнены.

Суд первой инстанции при разрешении спора не учел, что обязанность родителей по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, является субсидиарной и прекращается по достижении несовершеннолетним причинителем вреда восемнадцати лет, то есть по достижении совершеннолетия, и, в нарушение требований п. 3 ст. 1074 ГК РФ, вопрос о возможности возместить вред самим несовершеннолетним не обсудил и не проверил, что возможно только при привлечении несовершеннолетнего к участию в деле в качестве основного должника.

Данная ошибка, допущенная судом первой инстанции, не была исправлена судом апелляционной инстанции при проверке решения нижестоящего суда и оставлена без внимания судом кассационной инстанции.

Определение № 2-КГ20-3-КЗ

***Разрешение споров, возникающих из отношений
по страхованию***

8. В случае неправомерного отказа страховщика от организации и оплаты ремонта транспортного средства в натуре и (или) одностороннего изменения условий исполнения обязательства на выплату страхового возмещения в денежной форме в отсутствие

оснований, предусмотренных п. 16¹ ст. 12 Закона об ОСАГО¹, потерпевший вправе требовать полного возмещения убытков в виде стоимости такого ремонта без учета износа транспортного средства.

Б. обратился в суд с исками к страховой организации и С., ссылаясь на то, что по вине С. произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого был поврежден его автомобиль. По договору ОСАГО в порядке прямого возмещения убытков страховщик выдал ему направление на ремонт на СТОА, однако впоследствии ему было отказано в осуществлении ремонта автомобиля и в одностороннем порядке заменено страховое возмещение на страховую выплату.

Не согласившись с таким страховым возмещением, истец обратился к ответчику с претензиями, которые оставлены без удовлетворения.

Уточнив исковые требования, Б. просил взыскать со страховой организации (ответчика) страховое возмещение, неустойку, штраф и компенсацию морального вреда, а с С. взыскать денежную сумму в счет возмещения ущерба, превышающего страховое возмещение по договору ОСАГО.

Кроме того, истец просил взыскать с надлежащего ответчика – страховой организации или С. – ущерб в размере начисляемого износа на заменяемые детали, расходы на эвакуатор и судебные расходы.

Удовлетворяя частично исковые требования Б., суд первой инстанции указал, что страховая организация в одностороннем порядке, без согласия истца изменила форму страхового возмещения и вместо ремонта автомобиля выплатила страховое возмещение в денежной форме. При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о взыскании с ответчика стоимости ремонта автомобиля без учета износа деталей.

Принимая во внимание, что требования потребителя не были удовлетворены в добровольном порядке, суд также пришел к выводу о взыскании со страховой организации компенсации морального вреда, штрафа и неустойки, а также расходов на эвакуацию транспортного средства и судебных расходов.

При этом суд указал на необходимость взыскания с причинителя вреда С. разницы между стоимостью восстановительного ремонта автомобиля истца без учета износа и фактическими затратами истца на ремонт транспортного средства сверх лимита страхового возмещения.

Суд апелляционной инстанции, указав, что размер возмещения вреда за счет страховщика ограничен в том числе и вычетом стоимости износа комплектующих изделий, снизил размер страхового возмещения на эту сумму и увеличил размер возмещения ущерба с причинителя вреда.

¹ Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Отказывая в удовлетворении требований истца о взыскании расходов на оплату услуг представителя и нотариальных расходов, суд апелляционной инстанции сослался на то, что доверенность и договор на оказание юридических услуг имеют общий характер, без указания на данное дело.

С такими выводами суда апелляционной инстанции согласился суд кассационной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая обжалуемые постановления судов апелляционной и кассационной инстанций вынесенными с существенными нарушениями норм права, руководствовалась, в частности, положениями ст. 15, 309, п. 1 ст. 310, ст. 393, 397 ГК РФ и исходила из того, что должник не вправе без установленных законом или соглашением сторон оснований изменять условия обязательства, в том числе изменять определенный предмет или способ исполнения. В случае неисполнения обязательства в натуре кредитор вправе поручить исполнение третьим лицам и взыскать с должника убытки в полном объеме.

Статьей 12 Закона об ОСАГО предусмотрено, что страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, осуществляется (за исключением случаев, установленных п. 16¹ этой статьи) в соответствии с п. 15² или п. 15³ указанной статьи путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение причиненного вреда в натуре).

Страховщик после осмотра поврежденного транспортного средства потерпевшего и (или) проведения его независимой технической экспертизы выдает потерпевшему направление на ремонт на станцию технического обслуживания и осуществляет оплату стоимости проводимого такой станцией восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего в размере, определенном в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, с учетом положений абзаца второго п. 19 этой же статьи.

При проведении восстановительного ремонта в соответствии с пп. 15² и 15³ ст. 12 Закона об ОСАГО не допускается использование бывших в употреблении или восстановленных комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), если в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства требуется замена комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов). Иное может быть определено соглашением страховщика и потерпевшего (п. 15¹).

Если ни одна из станций, с которыми у страховщика заключены договоры на организацию восстановительного ремонта, не соответствует установленным правилами обязательного страхования требованиям к организации восстановительного ремонта в отношении конкретного

потерпевшего, страховщик с согласия потерпевшего в письменной форме может выдать потерпевшему направление на ремонт на одну из таких станций. В случае отсутствия указанного согласия возмещение вреда, причиненного транспортному средству, осуществляется в форме страховой выплаты (п. 15²).

При наличии согласия страховщика в письменной форме потерпевший вправе самостоятельно организовать проведение восстановительного ремонта своего поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания, с которой у страховщика на момент подачи потерпевшим заявления о страховом возмещении или прямом возмещении убытков отсутствует договор на организацию восстановительного ремонта. В этом случае потерпевший в заявлении о страховом возмещении или прямом возмещении убытков указывает полное наименование выбранной станции технического обслуживания, ее адрес, место нахождения и платежные реквизиты, а страховщик выдает потерпевшему направление на ремонт и оплачивает проведенный восстановительный ремонт (п. 15³).

Перечень случаев, когда страховое возмещение вместо организации и оплаты страховщиком восстановительного ремонта по соглашению сторон, по выбору потерпевшего, по соглашению сторон или в силу объективных обстоятельств производится в форме страховой выплаты, установлен п. 16¹ ст. 12 Закона об ОСАГО.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» разъяснено, что обращение к страховщику с заявлением о страховом возмещении в виде организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания является реализацией права потерпевшего на выбор способа возмещения вреда (п. 53).

Ответственность за несоблюдение станцией технического обслуживания срока передачи потерпевшему отремонтированного транспортного средства и нарушение иных обязательств по восстановительному ремонту транспортного средства потерпевшего несут страховщик, выдавший направление на ремонт независимо от того, имела ли место доплата со стороны потерпевшего за проведенный ремонт (абзацы восьмой и девятый п. 17 ст. 12 Закона об ОСАГО). При возникновении спора суд обязан привлекать станцию технического обслуживания к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора.

Под иными обязательствами по восстановительному ремонту транспортного средства потерпевшего, за которые несет ответственность страховщик, следует понимать надлежащее выполнение станцией технического обслуживания работ по ремонту транспортного средства, в том числе выполнение их в объеме и в соответствии с требованиями,

установленными в направлении на ремонт, а при их отсутствии – требованиями, обычно предъявляемыми к работам соответствующего рода.

В случае нарушения обязательств станцией технического обслуживания по восстановительному ремонту транспортного средства потерпевшего страховая организация вправе требовать возмещения ею убытков на основании ст. 15 и 393 ГК РФ (п. 55).

В силу приведенных положений закона в отсутствие оснований, предусмотренных п. 16¹ ст. 12 Закона об ОСАГО, страховщик не вправе отказать потерпевшему в организации и оплате ремонта транспортного средства в натуре с применением новых заменяемых деталей и комплектующих изделий и в одностороннем порядке изменить условие исполнения обязательства на выплату страхового возмещения в денежной форме.

Поскольку в Законе об ОСАГО отсутствует специальная норма о последствиях неисполнения страховщиком названного выше обязательства организовать и оплатить ремонт транспортного средства в натуре, то в силу общих положений ГК РФ об обязательствах потерпевший вправе в этом случае по своему усмотрению требовать возмещения необходимых на проведение такого ремонта расходов и других убытков на основании ст. 397 ГК РФ.

Из установленных обстоятельств дела следует, что ремонт транспортного средства на станции технического обслуживания, куда страховщик направил потерпевшего, произведен не был. Вины в этом самого потерпевшего не установлено.

Впоследствии страховщик направил истцу письменный отказ в осуществлении ремонта в натуре и в одностороннем порядке перечислил страховое возмещение в денежной форме.

При этом указанных в п. 16 ст. 12 Закона об ОСАГО обстоятельств, дающих страховщику право на замену формы страхового возмещения, судами не установлено.

При таких обстоятельствах выводы судов апелляционной и кассационной инстанций о том, что страховщик правомерно произвел выплату страхового возмещения истцу в денежной форме и не должен возмещать убытки, вызванные отказом в организации и оплате ремонта транспортного средства в натуре, противоречат приведенным выше положениям закона.

Выводы суда апелляционной инстанции в части отказа в возмещении судебных расходов также признаны незаконными, поскольку указание в доверенности и договоре об оказании юридических услуг на реквизиты конкретного гражданского дела не является обязательным условием для возмещения судебных расходов на основании ст. 98 и 100 ГПК РФ.

При разрешении вопроса о возмещении судебных расходов суду необходимо установить, понесены ли в действительности эти расходы по

настоящему делу, в том числе на участие представителя, оценив названные выше доказательства в совокупности с другими доказательствами.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 45-КГ20-26-К7

9. Потерпевший в дорожно-транспортном происшествии, получивший страховое возмещение в денежной форме на основании подп. «ж» п. 16¹ ст. 12 Закона об ОСАГО, вправе требовать возмещения ущерба с причинителя вреда в части, не покрытой страховым возмещением.

Б. обратился в суд с иском к К. о возмещении ущерба, указав в обоснование требований, что в результате дорожно-транспортного происшествия, произошедшего по вине водителя К., был поврежден принадлежащий истцу автомобиль. В обоснование требований Б. сослался на заключение эксперта, согласно которому стоимость восстановительного ремонта автомобиля истца без учета износа составляет 312 000 руб., с учетом износа – 95 200 руб.

По договору ОСАГО в порядке прямого возмещения убытков страховщик выплатил ему 95 200 руб.

Б. просил взыскать с К. как с причинителя вреда разницу между страховым возмещением и действительным размером ущерба.

Определением суда назначена судебная экспертиза для определения размера ущерба. Согласно заключению эксперта стоимость восстановительного ремонта без учета износа составляет 268 000 руб.

Уточнив исковые требования, истец просил взыскать с ответчика в возмещение ущерба 172 800 руб.

Исследовав и оценив доказательства, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что страховое возмещение в денежной форме выплачено страховщиком в полном объеме, и, руководствуясь положениями ст. 15, 1064, п. 3 ст. 1079 и ст. 1072 ГК РФ, взыскал с причинителя вреда разницу между действительным размером ущерба, определенным по результатам судебной экспертизы без учета износа, и суммой выплаченного страхового возмещения.

Отменяя решение суда и отказывая в иске, суд апелляционной инстанции, согласившись с установленными фактическими обстоятельствами дела, признал ошибочным применение судом первой инстанции норм материального права и указал, что истец не вправе требовать возмещения ущерба с причинителя вреда, поскольку сам выбрал получение страхового возмещения в денежной форме, вследствие чего причинитель вреда освобождается от ответственности за возмещение образовавшейся разницы

за счет учета износа, применяемого при расчете страхового возмещения в денежной форме.

Суд кассационной инстанции признал ошибочными выводы суда апелляционной инстанции относительно применения норм материального права, указал на правильное применение норм материального права судом первой инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, оставляя без изменения кассационное определение, исходила из следующего.

Согласно преамбуле Закона об ОСАГО данный закон определяет правовые, экономические и организационные основы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в целях защиты прав потерпевших.

Однако в отличие от норм гражданского права о полном возмещении убытков причинителем вреда (ст. 15, п. 1 ст. 1064 ГК РФ) Закон об ОСАГО гарантирует возмещение вреда, причиненного имуществу потерпевших, в пределах, установленных этим законом (абзац второй ст. 3 Закона об ОСАГО).

При этом страховое возмещение вреда, причиненного повреждением транспортных средств потерпевших, ограничено названным законом как лимитом страхового возмещения, установленным ст. 7 Закона об ОСАГО, так и предусмотренным п. 19 ст. 12 Закона об ОСАГО специальным порядком расчета страхового возмещения, осуществляемого в денежной форме – с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене, и в порядке, установленном Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденной положением Центрального банка Российской Федерации от 19 сентября 2014 г. № 432-П (далее – Единая методика).

Согласно п. 15 ст. 12 Закона об ОСАГО по общему правилу страховое возмещение вреда, причиненного транспортному средству потерпевшего, может осуществляться по выбору потерпевшего путем организации и оплаты восстановительного ремонта на станции технического обслуживания либо путем выдачи суммы страховой выплаты потерпевшему (выгодоприобретателю) в кассе страховщика или перечисления суммы страховой выплаты на счет потерпевшего (выгодоприобретателя).

Однако этой же нормой установлено исключение для легковых автомобилей, находящихся в собственности граждан и зарегистрированных в Российской Федерации.

В силу п. 15¹ ст. 12 Закона об ОСАГО страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, осуществляется (за исключением случаев, установленных п. 16¹ указанной статьи) в соответствии с пп. 15² или 15³ данной статьи путем организации и

(или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение причиненного вреда в натуре).

При этом п. 16¹ ст. 12 Закона об ОСАГО установлен перечень случаев, когда страховое возмещение осуществляется в денежной форме, в том числе и по выбору потерпевшего, в частности, если потерпевший является инвалидом определенной категории (подпункт «г») или он не согласен произвести доплату за ремонт станции технического обслуживания сверх лимита страхового возмещения (подпункт «д»).

Также подп. «ж» п. 16¹ ст. 12 Закона об ОСАГО установлено, что страховое возмещение в денежной форме может быть выплачено при наличии соглашения об этом в письменной форме между страховщиком и потерпевшим (выгодоприобретателем).

Таким образом, в силу подп. «ж» п. 16¹ ст. 12 Закона об ОСАГО потерпевший с согласия страховщика вправе получить страховое возмещение в денежной форме.

Реализация потерпевшим данного права соответствует целям принятия Закона об ОСАГО, указанным в его преамбуле, и каких-либо ограничений для его реализации при наличии согласия страховщика Закон об ОСАГО не содержит.

Получение согласия причинителя вреда на выплату потерпевшему страхового возмещения в денежной форме Закон об ОСАГО также не предусматривает.

В то же время п. 1 ст. 15 ГК РФ установлено, что лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Согласно ст. 1072 названного кодекса юридическое лицо или гражданин, застраховавшие свою ответственность в порядке добровольного или обязательного страхования в пользу потерпевшего (ст. 931, п. 1 ст. 935), в случае, когда страховое возмещение недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред, возмещают разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

В п. 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 58 разъяснено, что причинитель вреда, застраховавший свою ответственность в порядке обязательного страхования в пользу потерпевшего, возмещает разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба только в случае, когда страхового возмещения недостаточно для полного возмещения причиненного вреда (ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ).

Давая оценку положениям Закона об ОСАГО во взаимосвязи с положениями гл. 59 ГК РФ, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 31 мая 2005 г. № 6-П указал, что требование потерпевшего (выгодоприобретателя) к страховщику о выплате страхового возмещения в рамках договора обязательного страхования является самостоятельным и

отличается от требований, вытекающих из обязательств вследствие причинения вреда. Различия между страховым обязательством, где страховщику надлежит осуществить именно страховое возмещение по договору, и деликтным обязательством непосредственно между потерпевшим и причинителем вреда обуславливают разницу в самом их назначении и, соответственно, в условиях возмещения вреда. Смешение различных обязательств и их элементов, одним из которых является порядок реализации потерпевшим своего права, может иметь неблагоприятные последствия с ущемлением прав и свобод стороны, в интересах которой установлен соответствующий гражданско-правовой институт, в данном случае – для потерпевшего. И поскольку обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств не может подменять собой и тем более отменить институт деликтных обязательств, как определяют его правила гл. 59 ГК РФ, применение правил указанного страхования не может приводить к безосновательному снижению размера возмещения, которое потерпевший вправе требовать от причинителя вреда.

Согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2017 г. № 6-П Закон об ОСАГО как специальный нормативный правовой акт не исключает распространение на отношения между потерпевшим и лицом, причинившим вред, общих норм Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах вследствие причинения вреда. Следовательно, потерпевший при недостаточности страховой выплаты на покрытие причиненного ему фактического ущерба вправе рассчитывать на восполнение образовавшейся разницы за счет лица, в результате противоправных действий которого образовался этот ущерб, путем предъявления к нему соответствующего требования. В противном случае – вопреки направленности правового регулирования деликтных обязательств – ограничивалось бы право граждан на возмещение вреда, причиненного им при использовании иными лицами транспортных средств.

Взаимосвязанные положения ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и во взаимосвязи с положениями Закона об ОСАГО предполагают возможность возмещения лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору ОСАГО, потерпевшему, которому по указанному договору выплачено страховое возмещение в размере, исчисленном в соответствии с Единой методикой с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов транспортного средства, имущественного вреда по принципу полного его возмещения, если потерпевший надлежащим образом докажет, что действительный размер понесенного им ущерба превышает сумму полученного страхового возмещения.

При этом лицо, к которому потерпевшим предъявлены требования о возмещении разницы между страховой выплатой и фактическим размером причиненного ущерба, не лишено права ходатайствовать о назначении

соответствующей судебной экспертизы, о снижении размера возмещения и выдвигать иные возражения. В частности, размер возмещения, подлежащего выплате лицом, причинившим вред, может быть уменьшен судом, если ответчиком будет доказано или из обстоятельств дела следует с очевидностью, что существует иной, более разумный и распространенный в обороте способ исправления таких повреждений подобного имущества.

Из приведенных положений закона в их совокупности, а также актов их толкования следует, что в связи с повреждением транспортного средства в тех случаях, когда гражданская ответственность причинителя вреда застрахована в соответствии с Законом об ОСАГО, возникает два вида обязательств – деликтное, в котором причинитель вреда обязан в полном объеме возместить причиненный потерпевшему вред в части, превышающей страховое возмещение, в порядке, форме и размере, определяемых Гражданским кодексом Российской Федерации, и страховое обязательство, в котором страховщик обязан предоставить потерпевшему страховое возмещение в порядке, форме и размере, определяемых Законом об ОСАГО и договором.

Реализация потерпевшим права на получение страхового возмещения в форме страховой выплаты, в том числе и в случае, предусмотренном подп. «ж» п. 16¹ ст. 12 Закона об ОСАГО, является правомерным поведением и соответствует указанным выше целям принятия Закона об ОСАГО, а следовательно, сама по себе не может расцениваться как злоупотребление правом.

Ограничение данного права потерпевшего либо возложение на него негативных последствий в виде утраты права требовать с причинителя вреда полного возмещения ущерба в части, превышающей рассчитанный в соответствии с Единой методикой размер страховой выплаты в денежной форме, противоречило бы как буквальному содержанию Закона об ОСАГО, так и указанным целям его принятия и не могло быть оправдано интересами защиты прав причинителя вреда, который, являясь лицом, ответственным за причиненный им вред, и в этом случае возмещает тот вред, который он причинил, в части, превышающей размер страхового возмещения в денежной форме, исчислен в соответствии с Законом об ОСАГО и Единой методикой.

Такая же позиция изложена в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2019 г. № 1838-О по запросу Норильского городского суда Красноярского края о проверке конституционности положений пп. 15, 15¹ и 16 ст. 12 Закона об ОСАГО с указанием на то, что отступление от установленных общих условий страхового возмещения в соответствии с пп. 15, 15¹ и 16¹ ст. 12 Закона об ОСАГО не должно нарушать положения ГК РФ о добросовестности участников гражданских правоотношений, недопустимости извлечения кем-либо преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения либо осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, о недопустимости действий в обход закона с противоправной целью,

а также иного, заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав (пп. 3 и 4 ст. 1, п. 1 ст. 10 ГК РФ).

Однако, как следует из судебных постановлений по данному делу, судами не установлено каких-либо обстоятельств злоупотребления потерпевшим правом при получении страхового возмещения с учетом того, что реализация предусмотренного законом права на получение с согласия страховщика страхового возмещения в форме страховой выплаты сама по себе злоупотреблением правом признана быть не может.

Определение № 82-КГ20-8-К7

Разрешение споров, возникающих из наследственных отношений

10. При разрешении споров о принадлежности наследственного имущества суду следует иметь в виду, что наследник, принявший наследство, считается собственником причитающегося ему наследственного имущества со дня открытия наследства, независимо от способа принятия наследства.

Получение свидетельства о праве на наследство или на часть этого наследства является правом, а не обязанностью наследника.

Т. обратился в суд с иском к ГБУ г. Москвы «Автомобильные дороги ВАО», ссылаясь на то, что ответчиком с придомовой территории были изъяты два автомобиля, ранее принадлежавшие его супруге Т.Л. и перешедшие к нему в порядке наследования.

После обращения в префектуру ВАО г. Москвы и в прокуратуру выяснилось, что автомобили находятся на ответственном хранении у ответчика и будут возвращены Т. лишь при представлении документов, подтверждающих право собственности на них.

Т. просил истребовать названные автомобили, провести экспертизу их технического состояния, а также взыскать с ответчика убытки и компенсацию морального вреда.

Отказывая в удовлетворении требований, суд указал, что каких-либо нарушений прав истца ответчиком не допущено, хранение на площадке является бесплатным, однако документов, подтверждающих право Т. на истребуемые автомобили не представлено.

При этом суд исходил из того, что документом, удостоверяющим право наследника на имущество, является свидетельство о наследстве, а Т. суду не представлено свидетельство о праве на наследство, в котором были бы указаны названные выше автомобили, а представлена только справка о том, что он является единственным наследником Т.

По мнению суда, Т. не доказал право собственности на автомобили.

С такими выводами суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Поскольку по данному делу заявлен иск об истребовании имущества, то для правильного разрешения спора существенное значение имеет вопрос о праве истца на это имущество.

В соответствии со ст. 1152 ГК РФ для приобретения наследства наследник должен его принять (п. 1). Принятие наследником части наследства означает принятие всего причитающегося ему наследства, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось (п. 2). Принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации (п. 4).

Согласно ст. 1153 указанного кодекса принятие наследства осуществляется подачей по месту открытия наследства нотариусу или уполномоченному в соответствии с законом выдавать свидетельства о праве на наследство должностному лицу заявления наследника о принятии наследства либо заявления наследника о выдаче свидетельства о праве на наследство (п. 1). Признается, пока не доказано иное, что наследник принял наследство, если он совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, в частности, если наследник: вступил во владение или в управление наследственным имуществом, принял меры по сохранению наследственного имущества, защите его от посягательств или притязаний третьих лиц, произвел за свой счет расходы на содержание наследственного имущества, оплатил за свой счет долги наследодателя или получил от третьих лиц причитающиеся наследодателю денежные средства (п. 2).

Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», наследник, принявший наследство, независимо от времени и способа его принятия считается собственником наследственного имущества, носителем имущественных прав и обязанностей со дня открытия наследства вне зависимости от факта государственной регистрации прав на наследственное имущество и ее момента (п. 34).

В целях подтверждения фактического принятия наследства наследником могут быть представлены, в частности, паспорт транспортного средства, принадлежащего наследодателю (п. 36).

Получение свидетельства о праве на наследство является правом, а не обязанностью наследника (п. 7).

Судом установлено, что Т. принял после смерти его супруги Т.Л. часть наследственного имущества, на которое ему выданы свидетельства о праве на наследство, что в силу п. 2 ст. 1152 ГК РФ означает принятие всего причитающегося ему наследства, где бы оно ни находилось и в чем бы оно ни заключалось.

В подтверждение факта вступления во владение названными автомобилями Т. представлен договор ОСАГО от 23 июля 2016 г. в отношении одного из автомобилей, действовавший с 1 августа 2016 г. по 31 июля 2017 г., а также диагностические карты от 16 июля 2016 г., от 19 июня 2015 г., от 29 апреля 2014 г., от 30 апреля 2013 г. о прохождении технического осмотра.

Как следует из судебных постановлений и материалов дела, судами не поставлен под сомнение тот факт, что спорные автомобили принадлежали его супруге Т.Л. и до настоящего времени зарегистрированы за ней в ГИБДД, и то, что Т. является единственным наследником ее имущества.

Не установлено судом и каких-либо правовых оснований для удержания ответчиком автомобилей в случае установления судом факта принадлежности их истцу в порядке наследования.

При таких обстоятельствах отказ в иске об истребовании автомобилей по мотиву непредставления свидетельства о праве на наследство признан противоречащим приведенным нормам права.

Определение № 5-КГ20-166-К2

11. Обязательство наследодателя, возникшее из заключенного им предварительного договора купли-продажи недвижимого имущества, переходит к его наследникам, принявшим наследство.

С.Г., С.К., Л., действующая в интересах несовершеннолетней С.А., обратились в суд с иском к П. о взыскании неосновательного обогащения, указав на то, что 14 декабря 2018 г. между П. (продавец) и С. (покупатель) был заключен предварительный договор купли-продажи жилого дома и земельного участка. Согласно условиям предварительного договора продавец и покупатель обязались заключить и зарегистрировать в территориальном управлении Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии в срок не позднее 31 января 2019 г. договор купли-продажи жилого дома и земельного участка. Во исполнение условий предварительного договора С. по расписке передал ответчику в качестве задатка денежную сумму в размере 1 200 000 руб.

2 января 2019 г. С. умер, не успев исполнить свои обязательства по предварительному договору купли-продажи от 14 декабря 2018 г.

Истцы являются наследниками первой очереди по закону к имуществу умершего С., каждый в $\frac{1}{3}$ доли. Истцы неоднократно обращались к ответчику с просьбой вернуть сумму задатка, уплаченную С. при заключении предварительного договора. Однако возвращать деньги П. отказывается, настаивая на выкупе у него объектов недвижимости.

23 января 2019 г. истцы получили по почте от ответчика предложение заключить основной договор купли-продажи жилого дома и земельного участка на условиях, предусмотренных вышеуказанным предварительным договором.

Истцы полагали, что данное предложение является понуждением к заключению договора и носит незаконный характер, поскольку скоропостижная смерть С., наступившая после заключения предварительного договора и до окончания срока заключения основного договора, является обстоятельством, за которое ни одна из сторон обязательства ответственности не несет, в связи с чем исполнение данного обязательства невозможно.

Таким образом, по мнению истцов, незаконно присвоенные ответчиком денежные средства являются для него неосновательным обогащением, в связи с чем просят взыскать с П. в пользу каждого из истцов по 400 000 руб.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из того, что истцы, являясь наследниками умершего С., вступили в права наследования на наследственное имущество, в связи с чем в порядке универсального правопреемства они унаследовали как имущество, так и обязанности, вытекающие из заключенного наследодателем С. предварительного договора купли-продажи домовладения и земельного участка по заключению основного договора купли-продажи недвижимого имущества. При этом судом установлено, что стоимость наследственного имущества превышает размер денежной суммы, подлежащей передаче при подписании основного договора купли-продажи жилого дома и земельного участка.

Как указал суд первой инстанции, обязательство, возникшее из предварительного договора, не связано неразрывно с личностью должника, гражданское законодательство не содержит запрета на переход обязанности заключить основной договор купли-продажи недвижимого имущества в порядке наследования к наследникам, принявшим наследство. Договорные обязательства наследодателя влекут за собой соответствующие обязанности наследников, основанные на заключенных наследодателем договорах. В частности, в случае если наследодателем заключен предварительный договор купли-продажи, в соответствии с которым у продавца и покупателя возникают определенные договором обязанности, то при принятии наследства к наследнику переходит обязанность исполнения договора купли-

продажи, в обеспечение которого наследодателем в качестве задатка были переданы денежные средства.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об удовлетворении заявленных требований, руководствуясь положениями ст. 418, 429, 445, 1102, 1112 ГК РФ, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что полученные ответчиком по предварительному договору денежные средства являются неосновательным обогащением, он обязан возвратить полученную денежную сумму в связи с невозможностью исполнения обязательств (смерть покупателя), правовые основания для удержания ответчиком полученной суммы отсутствуют.

При этом суд апелляционной инстанции указал на то, что исполнение обязательства по заключению основного договора купли-продажи спорного имущества могло быть исполнено лично С., поскольку неразрывно связано именно с его личностью как покупателя, правопреемство в данном случае не предусмотрено, истцы не имеют намерения заключать основной договор купли-продажи имущества, в том числе на условиях предварительного договора, в связи с чем обязательства, вытекающие из предварительного договора, у наследников умершего С. отсутствуют.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с указанным выводом суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами судов апелляционной и кассационной инстанций не согласилась, указав в том числе следующее.

В силу ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается названным кодексом или другими законами. Не входят в состав наследства личные неимущественные права и другие нематериальные блага.

В п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» разъяснено, что имущественные права и обязанности не входят в состав наследства, если они неразрывно связаны с личностью наследодателя, а также если их переход в порядке наследования не допускается ГК РФ или другими федеральными законами (ст. 418, часть вторая ст. 1112 ГК РФ). В частности, в состав наследства не входят: право на алименты и алиментные обязательства (раздел V Семейного кодекса Российской Федерации), права и обязанности, возникшие из договоров безвозмездного пользования (ст. 701 ГК РФ), поручения (п. 1 ст. 977 ГК РФ), комиссии (часть первая ст. 1002 ГК РФ), агентского договора (ст. 1010 ГК РФ).

Согласно ст. 418 ГК РФ обязательство прекращается смертью должника, если исполнение не может быть произведено без личного участия должника либо обязательство иным образом неразрывно связано с личностью должника.

Из изложенного следует, что обязательство, возникшее из предварительного договора (ст. 429 ГК РФ), не связано неразрывно с личностью должника, гражданское законодательство не содержит запрета на переход обязанности заключить основной договор купли-продажи в порядке наследования к наследникам, принявшим наследство.

Приняв наследство после смерти С., истцы получили его права и обязанности производным способом в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент, ввиду чего юридически значимые действия С. по заключению предварительного договора и выраженное в нем волеизъявление на возникновение обязательства по заключению основного договора купли-продажи спорных жилого дома и земельного участка являются обязательными для истцов, поскольку при наследовании обязательство, по общему правилу продолжает существовать в неизменном виде, тогда как меняется только субъектный состав данных правоотношений.

Предварительный договор купли-продажи жилого дома и земельного участка при жизни С., а впоследствии и его правопреемниками оспорен не был.

При этом волеизъявление истцов производно от ранее выраженного и обремененного в форму предварительного договора волеизъявления С., а вытекающая из него обязанность заключить основной договор является добровольно принятым обязательством, что не противоречит закону и свободе договора.

Таким образом, вывод судов апелляционной и кассационной инстанций о том, что обязательства, вытекающие из предварительного договора, у наследников умершего С. отсутствуют, признан ошибочным.

В установленный предварительным договором срок, то есть до истечения срока заключения основного договора, ответчик направил каждому из истцов предложение заключить основной договор купли-продажи домовладения и земельного участка.

Однако истцы отказались от исполнения обязательства по причине их нежелания заключать основной договор купли-продажи жилого дома и земельного участка.

В соответствии со ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

Согласно п. 1 ст. 401 ГК РФ лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при

наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности.

По условиям предварительного договора в случае отказа продавца от осуществления сделки купли-продажи (подписания основного договора) денежная сумма залога в размере 1 200 000 руб. возвращается покупателю незамедлительно в двукратном размере, а если отказывается покупатель, деньги продавцом не возвращаются.

Вывод судов апелляционной и кассационной инстанций о том, что полученная ответчиком в качестве задатка по предварительному договору купли-продажи денежная сумма является неосновательным обогащением, противоречит материалам дела и основан на неправильном толковании и применении норм материального права.

В соответствии с п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 данного кодекса.

П. получил от С. 1 200 000 руб. в качестве задатка по договору правомерно, поэтому неосновательным обогащением эта денежная сумма быть признана не может.

При таких обстоятельствах вывод суда первой инстанции об отказе истцам в удовлетворении требования о взыскании с П. указанной суммы задатка, уплаченной С. при заключении предварительного договора, признан правильным.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 4-КГ21-3-К1

Разрешение споров, возникающих в сфере жилищных отношений

12. Несовершеннолетним детям, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, имеющим право на внеочередное обеспечение жилым помещением по договору социального найма, соответствующее жилье предоставляется с учетом необходимости проживания в нем по крайней мере одного взрослого члена семьи, осуществляющего уход за этим несовершеннолетним.

При наличии у публичного образования фактических возможностей для предоставления несовершеннолетнему жилого помещения соответствующей площади оно также может быть

предоставлено и с учетом необходимости проживания в нем его родителей и других членов семьи, если их совместное проживание является определяющим для состояния здоровья несовершеннолетнего, его развития и интеграции в общество.

Прокурор обратился в суд в интересах несовершеннолетнего И., а также И.А., И.Н., И.М. и И.Е. к администрации города с иском о возложении обязанности по предоставлению во внеочередном порядке благоустроенного жилого помещения по договору социального найма с учетом права на дополнительную жилую площадь, ссылаясь на то, что И.Н. обратилась в прокуратуру города с заявлением о защите нарушенных жилищных прав ее и членов ее многодетной семьи, воспитывающей ребенка-инвалида. По результатам проверки установлено, что несовершеннолетний И. страдает заболеванием, которое входит в Перечень тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2006 г. № 378, и Перечень заболеваний, дающих инвалидам, страдающим ими, право на дополнительную жилую площадь, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 817. Решением суда от 24 сентября 2015 г. на администрацию города возложена обязанность по включению с 21 апреля 2015 г. семьи в составе пяти человек в список граждан, имеющих право на внеочередное предоставление жилых помещений по договору социального найма. По мнению прокурора, необеспечение И. и членов его семьи жилым помещением нарушает их жилищные права.

Ответчики заявленные прокурором требования не признали.

Дело неоднократно рассматривалось судами.

Удовлетворяя заявленные прокурором требования, суд первой инстанции исходил из того, что несовершеннолетний И. страдает заболеванием, включенным в Перечень тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире, в связи с чем семья И., состоящая из пяти человек, подлежит внеочередному обеспечению благоустроенным жилым помещением по договору социального найма с учетом права И. на дополнительную жилую площадь, приближенно к лечебно-профилактическому учреждению, общей площадью не ниже нормы предоставления.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение о частичном удовлетворении заявленных прокурором требований, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что к вышеуказанной категории граждан, имеющих право на внеочередное обеспечение жилой площадью, относится только несовершеннолетний И., другие члены семьи И. таким правом не обладают.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с апелляционным определением.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов апелляционной и кассационной инстанций не соответствующими нормам материального права ввиду следующего.

В силу п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ вне очереди жилые помещения по договорам социального найма предоставляются гражданам, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, при которых совместное проживание с ними в одной квартире невозможно, указанных в перечне, утверждаемом уполномоченным Правительством Российской Федерации органом.

Положения данной нормы устанавливают особый (льготный) порядок реализации жилищных прав граждан указанных в ней категорий.

К такой категории граждан, как установлено судом, относится несовершеннолетний И., являющийся ребенком-инвалидом, который, как утверждается в кассационном представлении, нуждается в круглосуточном уходе и опеке, которые не могут быть обеспечены в случае его самостоятельного проживания.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 22 января 2018 г. № 4-П по делу о проверке конституционности п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ в связи с жалобой ряда граждан указал, что согласно Конституции Российской Федерации в России как социальном государстве обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливаются гарантии социальной защиты (ст. 7), материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (чч. 1 и 2 ст. 38).

Действующее законодательство, учитывая физическую и умственную незрелость несовершеннолетнего ребенка, а в отношении ребенка-инвалида – также необходимость постоянного обеспечения его особых нужд и потребностей, исходит из того, что местом жительства ребенка является место жительства его семьи (законного представителя), и устанавливает обязанность родителей (иных законных представителей) проживать совместно с ребенком.

Несовершеннолетние дети, страдающие заболеваниями, указанными в Перечне тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире (утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2006 г. № 378), в частности дети-инвалиды, тем более нуждаются в том, чтобы им были обеспечены условия для полноценного развития и интеграции в общество. В этих целях при осуществлении правового регулирования общественных отношений с участием инвалидов необходимо учитывать их интересы и потребности как лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите, что предполагает не только создание специальных правовых механизмов, предоставляющих инвалидам дополнительные преимущества и гарантирующих им право на равные с другими гражданами возможности при

реализации конституционных прав, но и введение мер социальной поддержки для лиц, осуществляющих социально значимую функцию воспитания детей-инвалидов и ухода за ними, связанную с повышенными психологическими и эмоциональными нагрузками, физическими и материальными затратами, с тем чтобы определенным образом компенсировать таким лицам соответствующие обременения, возникающие в связи с необходимостью обеспечивать особые нужды и потребности детей-инвалидов, обусловленные их возрастом и состоянием здоровья.

Исходя из изложенного выше, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 22 января 2018 г. № 4-П признал п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку содержащееся в нем положение по своему конституционно-правовому смыслу предполагает вынесение решения о внеочередном предоставлении жилого помещения по договору социального найма несовершеннолетнему гражданину, страдающему тяжелой формой хронического заболевания, указанного в перечне, предусмотренном п. 4 ч. 1 ст. 51 данного кодекса, с учетом площади, необходимой для проживания в нем также по крайней мере одного взрослого члена семьи, осуществляющего уход за этим несовершеннолетним, и само по себе не может служить основанием для отказа в предоставлении жилого помещения несовершеннолетнему гражданину, страдающему соответствующим заболеванием, с учетом необходимости проживания в нем также его родителей и других членов семьи, если, исходя из обстоятельств конкретного дела их совместное проживание является определяющим для состояния здоровья несовершеннолетнего, его развития и интеграции в общество и при наличии у публичного образования фактических возможностей для предоставления жилого помещения соответствующей площади.

Ввиду того, что указанные выше нормы закона и правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации не были учтены судами апелляционной и кассационной инстанций, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 18-КГПР21-15-К4

Разрешение споров, возникающих из трудовых и пенсионных отношений

13. При проверке в суде законности увольнения работника по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (отказ работника от перевода на другую работу, необходимого ему в соответствии с медицинским заключением, либо отсутствие у работодателя соответствующей работы) работодатель обязан представить доказательства исполнения обязанности по

предложению работнику имеющейся у него работы, которую работник может выполнять с учетом его состояния здоровья. Непредставление работодателем таких доказательств свидетельствует о незаконности увольнения работника по названному основанию.

А. 12 февраля 2019 г. обратился в суд с иском к автономной некоммерческой организации (далее – организация, работодатель) о признании медицинского заключения незаконным, об отмене приказа об увольнении, о восстановлении на работе, признании записи в трудовой книжке о прекращении трудовых отношений недействительной, компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований А. ссылался на то, что он с 3 апреля 2009 г. осуществлял трудовую деятельность в организации в должности водителя.

16 января 2019 г. по результатам внеочередного медицинского осмотра А. в поликлинике ему выдано медицинское заключение о том, что он признан постоянно непригодным по состоянию здоровья к отдельным видам работ (управление наземными транспортными средствами).

Приказом работодателя от 22 января 2019 г. трудовые отношения с А. прекращены и он уволен с работы по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (отказ работника от перевода на другую работу, необходимого ему в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, либо отсутствие у работодателя соответствующей работы (чч. 3 и 4 ст. 73 данного кодекса).

По мнению А., его увольнение по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ произведено работодателем с нарушением порядка увольнения работника, поскольку работодатель не предложил ему перевод на другую имеющуюся у работодателя работу, не противопоказанную ему по состоянию здоровья, уведомление с предложением другой работы ему не направил, хотя согласно штатному расписанию работодателя у него имелись вакантные должности, подходящие А. по состоянию здоровья, квалификации, опыту и образованию, которые работодатель обязан был ему предложить.

В процессе рассмотрения спора по ходатайству истца судом первой инстанции по делу была назначена судебно-медицинская экспертиза, в заключении эксперта сделан вывод о том, что А. по состоянию здоровья не может быть допущен к работам, связанным с управлением наземными транспортными средствами, в связи с высоким риском возникновения осложнений имеющих у него заболеваний сердечно-сосудистой системы.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований А. о признании медицинского заключения незаконным, об отмене приказа об увольнении, о восстановлении на работе, признании записи в трудовой книжке о прекращении трудовых отношений недействительной, компенсации морального вреда, суд первой инстанции, принимая во

внимание заключение судебно-медицинской экспертизы, пришел к выводу об обоснованности медицинского заключения поликлиники от 16 января 2019 г. и ввиду этого о наличии у ответчика оснований для увольнения А. по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ, поскольку в соответствии с данным медицинским заключением А. по состоянию здоровья не может быть допущен к работам, связанным с управлением наземными транспортными средствами, и нуждается в постоянном переводе на другую работу, которой, согласно информации, предоставленной работодателем в справке от 25 марта 2019 г., у него не имелось. Порядок увольнения работодателем А. суд первой инстанции признал соблюденным, а права истца ненарушенными.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований А. об отмене приказа об увольнении, о восстановлении на работе, признании записи в трудовой книжке о прекращении трудовых отношений недействительной, компенсации морального вреда основанными на неправильном толковании и применении норм материального и процессуального права.

Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены (ч. 3 ст. 37), а также право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41). Данные конституционные положения конкретизируются в федеральных законах, в том числе в Трудовом кодексе Российской Федерации.

В числе основных принципов правового регулирования трудовых отношений и иных, непосредственно связанных с ними отношений, согласно ст. 2 ТК РФ, – равенство прав и возможностей работников, установление государственных гарантий по обеспечению прав работников и работодателей, осуществление государственного контроля (надзора) за их соблюдением, обеспечение права каждого на защиту государством его трудовых прав и свобод, включая судебную защиту, обязанность сторон трудового договора соблюдать условия заключенного договора, включая право работников требовать от работодателя соблюдения его обязанностей по отношению к работникам, трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права.

В силу ч. 1 ст. 3 ТК РФ (запрещение дискриминации в сфере труда) каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав.

В соответствии с ч. 1 ст. 73 ТК РФ работника, нуждающегося в переводе на другую работу в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, с его письменного согласия работодатель обязан перевести на другую имеющуюся

у работодателя работу, не противопоказанную работнику по состоянию здоровья.

Частью 3 ст. 73 ТК РФ определено, что если в соответствии с медицинским заключением работник нуждается во временном переводе на другую работу на срок более четырех месяцев или в постоянном переводе, то при его отказе от перевода либо отсутствии у работодателя соответствующей работы трудовой договор прекращается в соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 77 этого кодекса.

Общие основания прекращения трудового договора перечислены в ст. 77 ТК РФ. Одним из таких оснований является отказ работника от перевода на другую работу, необходимого ему в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, либо отсутствие у работодателя соответствующей работы (п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ).

Из изложенных нормативных положений следует, что, если в соответствии с медицинским заключением работник нуждается в переводе на другую работу, в целях соблюдения гарантий по обеспечению прав работника на труд и охрану здоровья работодатель обязан перевести этого работника с его письменного согласия на другую имеющуюся у работодателя работу, не противопоказанную работнику по состоянию здоровья. В случае отказа работника от перевода на другую работу, необходимого ему в соответствии с медицинским заключением, либо отсутствия у работодателя соответствующей работы трудовой договор прекращается по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ.

Прекращение работодателем трудового договора с работником по названному основанию будет правомерным только в случае исполнения работодателем обязанности по предложению работнику имеющейся у работодателя работы, которую работник может выполнять с учетом его состояния здоровья. При проверке в суде законности увольнения работника по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ работодатель обязан представить доказательства исполнения данной обязанности.

С учетом исковых требований А. и возражений ответчика относительно иска, регулирующих спорные отношения норм материального права обстоятельством, имеющим значение для дела, являлось установление выполнения работодателем возложенной на него ст. 73 ТК РФ обязанности по предложению работнику А. всех имеющихся у работодателя вакантных должностей, которые он мог бы занимать по состоянию здоровья в соответствии с медицинским заключением.

Согласно разделу «Штатное расписание» Указаний по применению и заполнению форм первичной учетной документации по учету труда и его оплаты, утвержденных постановлением Государственного комитета Российской Федерации по статистике от 5 января 2004 г. № 1, сведения о наименовании должностей в организации, специальностей, профессий с

указанием квалификации, сведения о количестве штатных единиц, месячной заработной платы по тарифной ставке (окладу) содержатся в штатном расписании организации (форма № Т-3), применяемом для оформления структуры, штатного состава и штатной численности организации в соответствии с Уставом (Положением).

Следовательно, для проверки законности увольнения А. по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ суду необходимо было истребовать у работодателя действующее на день увольнения А. штатное расписание организации, исследовать его и определить, имелись ли у работодателя на эту дату вакантные должности, работу по которым А. по состоянию здоровья с учетом его квалификации мог выполнять; предлагались ли эти вакансии работодателем А.

Суды первой и апелляционной инстанций названные обстоятельства вследствие неправильного применения норм материального права, регулирующих порядок увольнения работника по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ и подлежащих применению по данному делу, в качестве юридически значимых не определили и не устанавливали, оставив без внимания и соответствующей правовой оценки, в том числе с учетом положений ч. 1 ст. 3 ТК РФ (каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав), доводы А. о наличии у работодателя вакантных должностей, подходящих ему по состоянию здоровья, квалификации, опыту и образованию.

Свои выводы об отсутствии у работодателя вакантных должностей, которые А. мог бы занимать в соответствии с его состоянием здоровья, и о законности увольнения А. по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ судебные инстанции мотивировали лишь ссылкой на информацию, содержащуюся в справке от 25 марта 2019 г., представленной стороной ответчика по делу, заинтересованной в соответствующем исходе рассмотрения дела, – работодателем, – не обязав его подтвердить эту информацию данными штатного расписания, нарушив тем самым принцип равноправия сторон (ст. 12 ГПК РФ), иные требования процессуального закона (ст. 56, 57, 196 ГПК РФ) и право А. на справедливую, компетентную, полную и эффективную судебную защиту, гарантированную каждому ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе А. законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций о том, что работодателем порядок увольнения А. был соблюден, и о наличии у работодателя оснований для увольнения А. по п. 8 ч. 1 ст. 77

ТК РФ не отвечающими требованиям закона, отменила обжалуемые судебные постановления в части отказа в удовлетворении исковых требований А. об отмене приказа об увольнении, о восстановлении на работе, признании записи в трудовой книжке о прекращении трудовых отношений недействительной и дело в указанной части направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе суда.

Определение № 5-КГПП20-151-К2

14. Расторжение трудового договора по инициативе работника может быть признано соответствующим требованиям трудового законодательства только в случае установления судом обстоятельств, свидетельствующих о наличии добровольного волеизъявления работника на увольнение по собственному желанию.

М. обратился в суд с иском к обществу (работодатель) о признании приказа об увольнении незаконным, восстановлении на работе, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований М. указал, что с 2 февраля 2018 г. работал в обществе в должности программиста. 25 сентября 2019 г. под давлением работодателя он был вынужден написать заявление об увольнении с работы по собственному желанию с 9 октября 2019 г.

Приказом генерального директора общества от 8 октября 2019 г. трудовой договор с М. прекращен и он уволен с работы с 9 октября 2019 г. по п. 3 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (расторжение трудового договора по инициативе работника).

М. считал свое увольнение по названному основанию незаконным, так как подача им заявления об увольнении по собственному желанию не являлась добровольной, была обусловлена оказываемым на него психологическим давлением со стороны непосредственного руководителя с целью принуждения его к увольнению и физическим воздействием со стороны заместителя генерального директора общества, склонявшего его к увольнению по собственному желанию, по поводу чего он обратился в полицию, прошел медицинское освидетельствование в травмпункте и ему была выдана справка о наличии телесных повреждений.

М. просил суд признать незаконным и отменить приказ генерального директора общества от 8 октября 2019 г. о его увольнении с работы, восстановить его в должности программиста в обществе с 9 октября 2019 г., взыскать с общества средний заработок за время вынужденного прогула за период с 10 октября 2019 г. по дату вынесения судом решения, компенсацию морального вреда.

Представитель ответчика в суде первой инстанции исковые требования не признал.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований М. о признании приказа об увольнении незаконным, восстановлении на работе, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда, суд первой инстанции исходил из того, что изложенные в заявлении об увольнении по собственному желанию доводы М. о нарушении его трудовых прав, а также доводы, приведенные М. в иске о том, что заявление об увольнении по собственному желанию подано им вынужденно под психологическим и физическим принуждением со стороны работодателя, не нашли своего подтверждения в ходе судебного разбирательства.

По мнению суда первой инстанции обстоятельства, на которые М. ссылаясь в обоснование своих требований, свидетельствуют о том, что решение об увольнении принято им самостоятельно с учетом всех факторов и условий работы в обществе. Судом, кроме того, принято во внимание, что свое заявление об увольнении до истечения установленного законом срока предупреждения об увольнении М. не отозвал.

Суд первой инстанции счел, что межличностные отношения М. с работниками общества не указывают на вынужденный характер принятого М. решения об увольнении, так как причины, по которым работник написал заявление об увольнении, не влияют на законность увольнения работника.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, дополнительно отметив, что обращение М. за медицинской помощью в день написания им заявления об увольнении (о чем им было заявлено в судебном заседании суда первой инстанции) не может быть расценено как доказательство оказанного на него работодателем давления с целью принуждения к написанию такого заявления.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала незаконными состоявшиеся по делу судебные постановления в связи со следующим.

Согласно ст. 1 ТК РФ целями трудового законодательства являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей.

Исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации основными принципами правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений признаются, в частности, свобода труда, включая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности, запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда, обеспечение права каждого работника на справедливые условия труда, в том

числе на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, права на отдых, включая ограничение рабочего времени, предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска (абзацы первый, второй, третий и пятый ст. 2 ТК РФ).

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 77 ТК РФ трудовой договор может быть прекращен по инициативе работника (ст. 80 ТК РФ).

Частью 1 ст. 80 ТК РФ предусмотрено, что работник имеет право расторгнуть трудовой договор, предупредив об этом работодателя в письменной форме не позднее чем за две недели, если иной срок не установлен данным кодексом или иным федеральным законом. Течение указанного срока начинается на следующий день после получения работодателем заявления работника об увольнении.

По соглашению между работником и работодателем трудовой договор может быть расторгнут и до истечения срока предупреждения об увольнении (ч. 2 ст. 80 ТК РФ).

До истечения срока предупреждения об увольнении работник имеет право в любое время отозвать свое заявление. Увольнение в этом случае не производится, если на его место не приглашен в письменной форме другой работник, которому в соответствии с данным кодексом и иными федеральными законами не может быть отказано в заключении трудового договора (ч. 4 ст. 80 ТК РФ).

В подп. «а» п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» разъяснено, что расторжение трудового договора по инициативе работника допустимо в случае, когда подача заявления об увольнении являлась добровольным его волеизъявлением. Если истец утверждает, что работодатель вынудил его подать заявление об увольнении по собственному желанию, то это обстоятельство подлежит проверке и обязанность доказать его возлагается на работника.

Из приведенных выше правовых норм и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что правовой механизм, обеспечивающий реализацию права граждан на свободное распоряжение своими способностями к труду, предусматривает в том числе возможность работника беспрепятственно в любое время уволиться по собственной инициативе, подав работодателю соответствующее заявление, основанное на добровольном волеизъявлении, предупредив об увольнении работодателя не позднее чем за две недели, если иной срок не установлен ТК РФ или иным федеральным законом, а также предоставляет возможность сторонам трудового договора достичь соглашения о дате увольнения, определив ее иначе, чем предусмотрено законом. Для защиты интересов работника как экономически более слабой стороны в трудовом правоотношении за работником закреплено право отозвать свое заявление до истечения срока

предупреждения об увольнении (если только на его место не приглашен в письменной форме другой работник, которому не может быть отказано в заключении трудового договора).

Обстоятельствами, имеющими значение для дела при разрешении спора о расторжении трудового договора по инициативе работника, являются: наличие волеизъявления работника на увольнение по собственному желанию и добровольность волеизъявления работника на увольнение по собственному желанию.

С учетом исковых требований М. и их обоснования, возражений ответчика относительно иска и регулирующих спорные отношения норм ТК РФ судебным инстанциям необходимо было выяснить: были ли действия М. при подаче заявления об увольнении по собственному желанию исходя из содержащейся в этом заявлении формулировки «Прошу уволить меня по собственному желанию 9 октября 2019 г. в связи с нарушением со стороны руководства моих трудовых прав» добровольными и осознанными; выяснялись ли работодателем причины подачи М. заявления об увольнении по собственному желанию с учетом его обращения к генеральному директору общества с письменной претензией о том, что его непосредственный руководитель вынуждает его написать заявление об увольнении по собственному желанию, а также произошедшего в день подачи заявления об увольнении по собственному желанию конфликта между М. и заместителем генерального директора, о котором М. также уведомил генерального директора общества в письменной форме до издания приказа об увольнении.

В результате неправильного применения норм права, регулирующих спорные отношения, названные обстоятельства для правильного разрешения спора о расторжении по инициативе работника трудового договора судами первой и апелляционной инстанций определены и установлены не были, предметом исследования и оценки судебных инстанций вопреки требованиям процессуального закона (статей 56, 67 ГПК РФ) не являлись.

Рассматривая исковые требования М. о незаконности его увольнения, суды первой и апелляционной инстанций ограничились лишь указанием на то, что изложенные в заявлении об увольнении по собственному желанию доводы М. о нарушении его трудовых прав и его утверждение о том, что заявление об увольнении по собственному желанию написано им под психологическим и физическим принуждением со стороны работодателя, не нашли своего подтверждения в ходе судебного разбирательства.

Между тем М. в обоснование заявленных требований приводил доводы в исковом заявлении и в судебном заседании суда первой инстанции о том, что прекращать трудовые отношения с обществом по собственному желанию он не хотел, работодатель вынудил его подать заявление об увольнении по собственному желанию, которое он написал в состоянии аффекта в день, когда у него произошел конфликт с непосредственным руководителем и с заместителем генерального директора.

В нарушение положений ТК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению суды первой и апелляционной инстанций не проверили приведенные доводы М., не выяснили обстоятельства, предшествующие написанию М. заявления об увольнении по собственному желанию, мотивы, которыми он руководствовался при написании такого заявления, и не дали надлежащей оценки по правилам ст. 67 ГПК РФ в совокупности всем доказательствам, представленным М. в обоснование исковых требований.

Ввиду этого вывод суда первой инстанции о том, что причины, по которым работник написал заявление об увольнении, не влияют на законность увольнения работника, и утверждение суда апелляционной инстанции о том, что обращение М. за медицинской помощью в день написания им заявления об увольнении по собственному желанию не может быть расценено как доказательство оказанного на него работодателем давления с целью принуждения к написанию такого заявления, не могут быть признаны правомерными, как не соответствующие закону и разъяснениям, содержащимся в подп. «а» п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».

Суд кассационной инстанции, проверяя законность обжалуемых судебных постановлений судов первой и апелляционной инстанций, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе суда.

Определение № 5-КГПР20-165-К2

15. Если гражданин в установленном законом порядке обращался с заявлением о назначении страховой пенсии в орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, однако в этом ему было необоснованно отказано, суд вправе обязать пенсионный орган назначить гражданину пенсию со дня его первоначального обращения с заявлением в пенсионный орган, а в случае обращения гражданина с заявлением о назначении страховой пенсии ранее возникновения права на пенсию – со дня возникновения такого права.

Г. обратилась 11 сентября 2018 г. в суд с иском к территориальному органу Пенсионного фонда Российской Федерации (далее – пенсионный орган) о признании незаконным отказа в досрочном назначении страховой пенсии по старости с 27 сентября 2017 г., об обязании назначить и выплатить страховую пенсию по старости за период с 27 сентября 2017 г. по 27 июня

2018 г., досрочном назначении страховой пенсии по старости с даты первоначального обращения в пенсионный орган.

В обоснование заявленных требований Г. указала, что 27 сентября 2017 г. она обратилась в пенсионный орган с заявлением о досрочном назначении ей страховой пенсии по старости по п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – Федеральный закон «О страховых пенсиях») как лицу, не менее 25 лет осуществлявшему педагогическую деятельность в учреждениях для детей.

Решением пенсионного органа от 27 декабря 2017 г. в досрочном назначении страховой пенсии по старости Г. было отказано в связи с отсутствием у нее требуемого для назначения такой пенсии специального стажа (не менее 25 лет осуществления педагогической деятельности в учреждениях для детей). По состоянию на 27 сентября 2017 г. учтенный пенсионным органом стаж педагогической деятельности Г. в учреждениях для детей составил 21 год 3 месяца 1 день.

Не согласившись с данным решением пенсионного органа, Г. обратилась с иском в суд.

Решением суда первой инстанции от 21 марта 2018 г. и апелляционным определением суда апелляционной инстанции от 6 июня 2018 г. решение пенсионного органа от 27 декабря 2017 г. признано незаконным, на пенсионный орган возложена обязанность включить в специальный стаж Г. спорные периоды ее работы, составляющие в общей сложности 3 года 8 месяцев 3 дня. С учетом включенных в специальный стаж Г. решением суда первой инстанции и апелляционным определением суда апелляционной инстанции спорных периодов работы стаж педагогической деятельности Г. по состоянию на 27 сентября 2017 г. составил 24 года 11 месяцев и 4 дня.

Во исполнение названных судебных актов пенсионный орган включил в специальный стаж Г. спорные периоды работы, однако назначил ей страховую пенсию по старости только с 28 июня 2018 г. – со дня повторного обращения Г. в пенсионный орган с заявлением о досрочном назначении страховой пенсии по старости.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Г. о признании незаконным отказа пенсионного органа в досрочном назначении страховой пенсии по старости с 27 сентября 2017 г., об обязанности назначить и выплатить страховую пенсию по старости за период с 27 сентября 2017 г. по 27 июня 2018 г., суд первой инстанции исходил из того, что у Г. по состоянию на дату ее первоначального обращения в пенсионный орган с заявлением о назначении страховой пенсии по старости (27 сентября 2017 г.) не было требуемого для назначения досрочной страховой пенсии по старости стажа осуществления педагогической деятельности в учреждениях для детей (25 лет), ввиду чего не имеется оснований для возложения на пенсионный орган обязанности по назначению истцу страховой пенсии по старости с даты первоначального обращения в пенсионный орган.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, дополнительно отметив, что по состоянию на 27 сентября 2017 г. (дату первоначального обращения Г. в пенсионный орган с заявлением о досрочном назначении страховой пенсии по старости) с учетом включенных решением суда от 21 марта 2018 г. и апелляционным определением судебной коллегии от 6 июня 2018 г. в специальный стаж Г. спорных периодов работы стаж педагогической деятельности истца в учреждениях для детей составил 24 года 11 месяцев 4 дня. Этот стаж недостаточен для досрочного назначения ей с 27 сентября 2017 г. страховой пенсии по старости по п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона «О страховых пенсиях».

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения состоявшиеся по делу судебные постановления.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций ошибочными, основанными на неправильном применении и толковании норм материального права, указав следующее.

Основания возникновения и порядок реализации права граждан Российской Федерации на страховые пенсии установлены вступившим в силу с 1 января 2015 г. Федеральным законом «О страховых пенсиях».

По общему правилу, право на страховую пенсию по старости имеют мужчины, достигшие возраста 60 лет, и женщины, достигшие возраста 55 лет (ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О страховых пенсиях»; здесь и далее нормы закона приведены в редакции, действовавшей на день первоначального обращения Г. в пенсионный орган с заявлением о досрочном назначении страховой пенсии по старости – 27 сентября 2017 г.).

В соответствии с п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона «О страховых пенсиях» страховая пенсия по старости назначается ранее достижения возраста, установленного ст. 8 указанного федерального закона, при наличии величины индивидуального пенсионного коэффициента в размере не менее 30 лицам, не менее 25 лет осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, независимо от их возраста.

Страховая пенсия назначается со дня обращения за указанной пенсией, за исключением случаев, предусмотренных чч. 5 и 6 ст. 22 Федерального закона «О страховых пенсиях», но во всех случаях не ранее чем со дня возникновения права на указанную пенсию (ч. 1 ст. 22 Федерального закона «О страховых пенсиях»).

Исходя из ч. 2 ст. 22 Федерального закона «О страховых пенсиях» днем обращения за страховой пенсией считается день приема органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, соответствующего заявления со всеми необходимыми документами, подлежащими представлению заявителем.

Согласно ч. 6 ст. 21 Федерального закона «О страховых пенсиях» правила обращения за страховой пенсией и ее назначения устанавливаются в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 17 ноября 2014 г. № 884н в соответствии с ч. 6 ст. 21 Федерального закона «О страховых пенсиях» утверждены Правила обращения за страховой пенсией, фиксированной выплатой к страховой пенсии с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии, накопительной пенсией, в том числе работодателями, и пенсией по государственному пенсионному обеспечению, их назначения, установления, перерасчета, корректировки их размера, в том числе лицам, не имеющим постоянного места жительства на территории Российской Федерации, проведения проверок документов, необходимых для их установления, перевода с одного вида пенсии на другой в соответствии с федеральными законами «О страховых пенсиях», «О накопительной пенсии» и «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (далее – Правила № 884н).

В силу п. 19 Правил № 884н заявление о назначении пенсии по старости может быть принято территориальным органом Пенсионного фонда Российской Федерации и до наступления пенсионного возраста гражданина, но не ранее чем за месяц до достижения соответствующего возраста.

Пунктом 23 Правил № 884н определено, что решения и распоряжения об установлении или об отказе в установлении пенсии принимаются территориальным органом Пенсионного фонда Российской Федерации на основе всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех документов, имеющихся в распоряжении территориального органа Пенсионного фонда Российской Федерации.

В п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 30 «О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии» разъяснено, что, если истец в установленном законом порядке обращался в орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, за назначением пенсии, однако в этом ему было необоснованно отказано, суд вправе обязать орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, назначить истцу пенсию со дня обращения с заявлением в такой орган либо с более раннего срока, если это установлено Федеральным законом № 173-ФЗ (ст. 18 и 19 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»).

Данные разъяснения применимы и при разрешении споров, связанных с реализацией права на назначение страховой пенсии по старости, так как в Федеральном законе «О страховых пенсиях» содержатся аналогичные нормы о порядке установления страховых пенсий и сроках их назначения (ст. 21, 22 названного федерального закона).

Из приведенного правового регулирования и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что страховая пенсия по старости, в том числе назначаемая досрочно в соответствии с положениями ст. 30 Федерального закона «О страховых пенсиях», по общему правилу,

назначается со дня обращения за страховой пенсией, но во всех случаях не ранее чем со дня возникновения права на данную пенсию. При этом заявление о назначении пенсии может быть подано гражданином и до наступления пенсионного возраста, но не ранее чем за месяц до достижения соответствующего возраста.

Назначение и выплата страховой пенсии по старости осуществляются территориальным органом Пенсионного фонда Российской Федерации. Если гражданин в установленном законом порядке обращался в орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, за назначением страховой пенсии, однако в этом ему было необоснованно отказано, суд вправе обязать пенсионный орган назначить гражданину страховую пенсию со дня его обращения с заявлением в пенсионный орган, а в случае обращения гражданина с заявлением о назначении пенсии ранее возникновения у него права на пенсию – со дня возникновения такого права.

Суды первой и апелляционной инстанций при разрешении исковых требований Г. неправильно применили к спорным отношениям нормы пенсионного законодательства, регулирующие порядок установления и выплаты страховой пенсии, в том числе нормативные положения о назначении страховой пенсии со дня обращения за пенсией, но не ранее возникновения права на нее, не учли разъяснения п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 30 «О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии», вследствие чего сделали не соответствующий закону вывод об отсутствии оснований для возложения на пенсионный орган обязанности по назначению и выплате Г. страховой пенсии по старости со дня возникновения у нее права на страховую пенсию по старости.

Между тем Г., обращаясь в суд с исковыми требованиями к пенсионному органу о досрочном назначении страховой пенсии по старости с даты первоначального обращения в пенсионный орган, ссылаясь на то, что заявление о назначении страховой пенсии по старости первоначально было подано ею в пенсионный орган 27 сентября 2017 г. Принимая решение по этому заявлению 27 декабря 2017 г., пенсионный орган необоснованно не включил в специальный страховой стаж периоды ее работы, составляющие в общей сложности 3 года 8 месяцев 3 дня. С учетом периодов работы, включенных в ее специальный страховой стаж решением суда первой инстанции от 21 марта 2018 г. и апелляционным определением суда апелляционной инстанции от 6 июня 2018 г., у Г. имелось право на назначение страховой пенсии по старости уже на день принятия 27 декабря 2017 г. пенсионным органом решения об отказе в досрочном назначении ей страховой пенсии. Однако до вступления в силу названных судебных актов (6 июня 2018 г.) истец из-за неправомерного невключения ей пенсионным органом в специальный стаж периодов ее работы (3 года 8 месяцев 3 дня) фактически была лишена возможности реализовать свое право на досрочное назначение страховой пенсии со дня его возникновения.

Эти доводы Г. не получили с учетом подлежащих применению к спорным отношениям норм материального права правовой оценки судов первой и апелляционной инстанций.

Суды первой и апелляционной инстанций оставили без внимания взаимосвязанные положения ст. 22 Федерального закона «О страховых пенсиях» и п. 19 Правил № 884н, по смыслу которых гражданин вправе обратиться в пенсионный орган за назначением страховой пенсии ранее возникновения у него права на пенсию (до наступления пенсионного возраста), при этом назначение гражданину пенсии будет осуществляться пенсионным органом со дня возникновения у него права на пенсию, что гарантирует своевременное пенсионное обеспечение.

Вследствие неправильного применения норм материального права суды первой и апелляционной инстанций не определили и не установили юридически значимое для правильного разрешения данного спора обстоятельство, а именно: с какого дня у Г. возникло право на страховую пенсию по старости в соответствии с п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона «О страховых пенсиях» как у лица, не менее 25 лет осуществлявшего педагогическую деятельность в учреждениях для детей.

Поскольку Г. первоначально обратилась в пенсионный орган с заявлением о досрочном назначении страховой пенсии по старости 27 сентября 2017 г. и на этот день с учетом включенных решением суда первой инстанции от 21 марта 2018 г. и апелляционным определением суда апелляционной инстанции от 6 июня 2018 г. спорных периодов работы стаж ее педагогической деятельности в учреждениях для детей составлял 24 года 11 месяцев и 4 дня (то есть заявление Г. было принято пенсионным органом с учетом положений п. 19 Правил № 884н ранее чем за месяц до возникновения у нее права на досрочную страховую пенсию по старости – 25 лет стажа осуществления педагогической деятельности в учреждениях для детей), то пенсионному органу следовало досрочно назначить Г. страховую пенсию по старости со дня возникновения у нее права на эту пенсию, а не со дня повторной подачи ею заявления в пенсионный орган (28 июня 2018 г.) после признания судебными инстанциями незаконным решения пенсионного органа от 27 декабря 2017 г., не включившего спорные периоды работы в ее специальный стаж при первоначальном обращении.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе Г. законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального права не устранил.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 16-КГ20-24-К4

16. Наличие у пенсионного органа сомнений в достоверности сведений об имеющейся у гражданина инвалидности не предусмотрено законом в качестве основания для прекращения выплаты страховой пенсии по инвалидности. До принятия решения о прекращении выплаты пенсии пенсионный орган обязан проверить поступившую к нему информацию об отсутствии у гражданина права на страховую пенсию по инвалидности и установить, соответствует ли эта информация действительному положению дел.

Б. 20 августа 2019 г. обратился в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения о прекращении выплаты ему страховой пенсии по инвалидности, возложении обязанности возобновить выплату страховой пенсии по инвалидности.

В обоснование требований Б. ссылался на то, что с 6 июня 2013 г. он является инвалидом II группы и получателем страховой пенсии по инвалидности. Согласно справке, выданной 18 июня 2015 г. бюро медико-социальной экспертизы², Б. повторно установлена II группа инвалидности бессрочно.

Решением пенсионного органа с 1 июля 2019 г. выплата страховой пенсии по инвалидности Б. прекращена на основании п. 3 ч. 1 ст. 25 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» в связи с утратой пенсионером права на назначенную ему страховую пенсию по причине обнаружения обстоятельств или документов, опровергающих достоверность сведений, представленных в подтверждение права на указанную пенсию.

По мнению Б., пенсионный орган незаконно прекратил выплату ему страховой пенсии по инвалидности, поскольку правомерность установления инвалидности и достоверность сведений, содержащихся в справке МСЭ, выданной 18 июня 2015 г., подтверждены следственным органом (по результатам проверки медико-экспертной документации).

Разрешая спор и принимая решение об отказе в удовлетворении исковых требований Б., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что действия пенсионного органа по прекращению выплаты Б. страховой пенсии по инвалидности являются правомерными, поскольку пенсионным органом были обнаружены обстоятельства, подвергающие сомнению достоверность сведений о наличии у истца инвалидности II группы, установленной повторно 18 июня 2015 г. бессрочно. При этом суд первой инстанции сослался на то, что имеются расхождения в датах освидетельствования Б., указанных в справке МСЭ (18 июня 2015 г.) и в федеральной государственной системе «Единая автоматизированная вертикально-

² Далее – МСЭ

интегрированная информационно-аналитическая система по проведению медико-социальной экспертизы»³ (7 августа 2015 г.).

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального и процессуального права, указав следующее.

Согласно ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» признание лица инвалидом осуществляется федеральным учреждением МСЭ.

Из нормативных положений ч. 2, ч. 8 ст. 5¹, ч. 4 ст. 8 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», а также Правил признания лица инвалидом, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2006 г. № 95 и Порядка организации и деятельности федеральных государственных учреждений МСЭ, утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 11 октября 2012 г. № 310н (далее – Порядок), следует, что признание гражданина инвалидом с установлением ему группы инвалидности производится федеральными учреждениями МСЭ в рамках регламентированной нормативными предписаниями процедуры исходя из комплексной оценки состояния организма гражданина. При этом учреждение МСЭ несет ответственность как за существо принятого решения, так и за соблюдение предусмотренного законом порядка признания граждан инвалидами, включая проверку представления необходимых для проведения экспертизы документов. Решение учреждения МСЭ о признании гражданина инвалидом, оформленное справкой об установлении инвалидности, является обязательным для исполнения органами государственной власти, органами местного самоуправления и организациями независимо от организационно-правовых форм и форм собственности. Сведения о лице, признанном инвалидом (группа, причина, ограничение жизнедеятельности, нарушенная функция организма, степень утраты профессиональной трудоспособности инвалида, дата установления инвалидности, срок, на который установлена инвалидность, потребности в мерах социальной защиты), включая сведения о результатах проведенной в отношении его МСЭ, подлежат включению в федеральный реестр инвалидов, оператором которого является Пенсионный фонд Российской Федерации.

Основанием для назначения и выплаты страховой пенсии по инвалидности является наличие у гражданина статуса инвалида, подтвержденного документально, в том числе справкой учреждения МСЭ

³ Далее – ЕИС МСЭ

о признании гражданина инвалидом, сведениями о лице, признанном инвалидом, содержащимися в федеральном реестре инвалидов (ст. 27, 28¹ Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», ч. 1 ст. 9 Федерального закона «О страховых пенсиях»).

Главой 5 «Установление страховых пенсий, выплата и доставка страховых пенсий, фиксированной выплаты к страховой пенсии» (ст. 21–29) Федерального закона «О страховых пенсиях» определены в том числе условия и порядок назначения и выплаты страховых пенсий, а также основания и порядок приостановления и прекращения выплаты страховых пенсий.

Положениями ч. 9 ст. 21 Федерального закона «О страховых пенсиях» предусмотрено, что орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, вправе проверять обоснованность выдачи документов, необходимых для установления и выплаты страховой пенсии, а также достоверность содержащихся в них сведений.

В ч. 1 ст. 25 Федерального закона «О страховых пенсиях» приведены основания прекращения выплаты страховой пенсии.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 25 Федерального закона «О страховых пенсиях» прекращение выплаты страховой пенсии производится в случае утраты пенсионером права на назначенную ему страховую пенсию (обнаружения обстоятельств или документов, опровергающих достоверность сведений, представленных в подтверждение права на указанную пенсию, истечения срока признания лица инвалидом, приобретения трудоспособности лицом, получающим пенсию по случаю потери кормильца, поступления на работу (возобновления иной деятельности, подлежащей включению в страховой стаж) лиц, предусмотренных п. 2 ч. 2 ст. 10 названного федерального закона, и в других случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации).

Приказом Министерства труда и социальной защиты населения Российской Федерации от 17 ноября 2014 г. № 885н утверждены Правила выплаты пенсий, осуществления контроля за их выплатой, проведения проверок документов, необходимых для их выплаты, начисления за текущий месяц сумм пенсии в случае назначения пенсии другого вида либо в случае назначения другой пенсии в соответствии с законодательством Российской Федерации, определения излишне выплаченных сумм пенсии (далее также – Правила выплаты пенсий).

Пунктом 61 Правил выплаты пенсий определено, что территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации приостанавливает или прекращает выплату пенсии в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О страховых пенсиях».

Выплата пенсии прекращается территориальным органом Пенсионного фонда Российской Федерации в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 25 Федерального закона «О страховых пенсиях». Решение (распоряжение) о прекращении выплаты пенсии принимается в течение одного рабочего дня,

следующего за днем, в котором истекает срок приостановления выплаты пенсии в соответствии с ч. 1 ст. 24 Федерального закона «О страховых пенсиях», либо поступили документы (сведения) об обстоятельствах, влекущих прекращение выплаты пенсии (п. 77 Правил выплаты пенсий).

В силу неоднократно выраженной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции Конституция Российской Федерации обязывает государство охранять достоинство личности как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения и ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности. В сфере пенсионного обеспечения это предполагает, в частности, установление такого правового регулирования, которое гарантировало бы гражданину как участнику соответствующих правоотношений уверенность в стабильности его официально признанного статуса и в том, что приобретенные в силу этого статуса права будут уважаться государством и будут реализованы. Правоприменительные органы, уполномоченные на вынесение решений, связанных с реализацией гражданами их пенсионных прав, обязаны основываться на всестороннем исследовании фактических обстоятельств, включая оценку достоверности соответствующих сведений, обеспечивая тем самым реализацию конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства (абзац третий п. 2, абзац четвертый п. 3.2 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2018 г. № 10-П).

Исходя из изложенного выплата страховой пенсии по инвалидности, которая была назначена гражданину на основании решения учреждения МСЭ о признании такого гражданина инвалидом, оформленного справкой об установлении инвалидности, может быть прекращена пенсионным органом только в случае признания в установленном законом порядке (в административном или в судебном порядке) недействительной выданной такому гражданину учреждением МСЭ справки об установлении инвалидности либо в случае подтверждения в установленном законом порядке недействительности содержащихся в федеральном реестре инвалидов сведений о таком гражданине как инвалиде. Наличие у пенсионного органа, осуществляющего выплату гражданину страховой пенсии по инвалидности, не подтвержденной в установленном законом порядке информации об отсутствии у гражданина права на получение такой пенсии, не может служить основанием для прекращения выплаты гражданину страховой пенсии по инвалидности.

Действующее правовое регулирование назначения и выплаты страховой пенсии по инвалидности, определяющее механизм реализации гражданами права на получение такой пенсии, не предполагает возможности произвольного применения его норм уполномоченным органом, который обязан проверить все предусмотренные нормативными положениями условия, необходимые для принятия решения о прекращении выплаты

страховой пенсии по инвалидности. В частности, до принятия решения о прекращении выплаты пенсии пенсионный орган обязан проверить поступившую к нему информацию об отсутствии у гражданина права на страховую пенсию по инвалидности, в данном случае об отсутствии у гражданина инвалидности, установить, соответствует ли информация об отсутствии у гражданина инвалидности действительному положению дел и имеется ли принятое в установленном законом порядке (в административном или в судебном порядке) решение о признании недействительной справки об установлении инвалидности, выданной такому гражданину, а также решение о недействительности сведений о таком гражданине в федеральном реестре инвалидов. Наличие же у пенсионного органа сомнений в достоверности сведений об имеющейся у гражданина инвалидности не предусмотрено законом в качестве основания для прекращения выплаты страховой пенсии по инвалидности.

Однако суды первой и апелляционной инстанций положения приведенных норм материального права, регулирующих условия, порядок назначения и выплаты страховой пенсии по инвалидности, основания для прекращения выплаты этой пенсии в их взаимосвязи с нормативными положениями, определяющими порядок и условия признания гражданина инвалидом, ответственность учреждений МСЭ за принятые ими решения о признании гражданина инвалидом, к спорным отношениям применили неправильно, не учли правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации о стабильности официально признанного государством статуса гражданина и приобретенных в силу этого статуса прав, в данном случае статуса инвалида и соответствующих этому статусу прав. Вследствие этого суды первой и апелляционной инстанций пришли к ошибочному выводу о правомерности действий пенсионного органа по прекращению выплаты Б. страховой пенсии по инвалидности ввиду обнаружения пенсионным органом обстоятельств, подвергающих сомнению достоверность сведений о наличии у Б. инвалидности II группы, установленной повторно 18 июня 2015 г. бессрочно.

Суды первой и апелляционной инстанций не приняли во внимание, что правомерность установления бюро МСЭ 18 июня 2015 г. Б. инвалидности II группы бессрочно в установленном законом порядке (в административном или в судебном порядке) не оспорена, справка об установлении Б. инвалидности, выданная названным учреждением МСЭ, недействительной не признана, следовательно, не опровергнут и факт того, что Б. является инвалидом, что дает ему право на получение страховой пенсии по инвалидности по нормам Федерального закона «О страховых пенсиях». Наличие же у пенсионного органа сомнений в достоверности сведений о наличии у Б. инвалидности II группы, установленной повторно 18 июня 2015 г. бессрочно, в силу приведенного правового регулирования основанием для прекращения выплаты страховой пенсии по инвалидности не является.

Указывая в обоснование вывода о правомерности решения пенсионного органа о прекращении выплаты Б. страховой пенсии по инвалидности ввиду сомнений пенсионного органа в достоверности сведений о наличии у Б. инвалидности II группы также на расхождение в датах освидетельствования Б., приведенных в справке бюро МСЭ об установлении инвалидности от 18 июня 2015 г. и в ЕИС МСЭ от 7 августа 2015 г., суды первой и апелляционной инстанций не учли следующее.

В соответствии с положениями абзаца пятого п. 4 Порядка организации и деятельности федеральных государственных учреждений МСЭ, утвержденного приказом Минтруда России от 11 октября 2012 г. № 310н, специалисты учреждений МСЭ несут персональную ответственность в том числе за формирование сведений, подлежащих включению в ЕИС МСЭ, и за последующее их включение в федеральный реестр инвалидов, то есть ответственность за надлежащее отражение информации в ЕИС МСЭ возложена на учреждение медико-социальной экспертизы, а не на гражданина, в отношении которого проводилась медико-социальная экспертиза.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе Б. законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не устранил.

При таких обстоятельствах вывод судебных инстанций о наличии у пенсионного органа оснований для прекращения выплаты Б. страховой пенсии по инвалидности признан не соответствующим закону.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 41-КГ20-28-К4

***Разрешение споров, связанных с совершением
нотариальных действий***

17. Требование нотариуса об оплате услуг правового и технического характера, которые им фактически не оказываются и необходимость в осуществлении которых отсутствует исходя из существа нотариального действия, за совершением которого заинтересованное лицо обратилось к нотариусу, неправомерно.

Ш. обратился в суд с заявлением к нотариусу Т. о признании незаконным отказа в совершении нотариального действия, возложении обязанности совершить нотариальное действие, указав, что обратился к нотариусу Т. за совершением нотариального действия – заверением копий четырех свидетельств о рождении его несовершеннолетних детей с оплатой

согласно нотариальному тарифу, установленному ст. 333 НК РФ в размере 10 руб. за одну копию. Данные копии были изготовлены им самостоятельно, и он просил удостоверить верность подлинности представленных копий свидетельств о рождении детей. Нотариус Т. отказал в совершении нотариального действия по указанному тарифу, пояснив, что за одну копию стоимость нотариального тарифа составляет 10 руб., 90 руб. – правовая и техническая работа, а всего 100 руб. Ш. сообщил нотариусу Т., что он не согласен оплачивать стоимость услуг правового и технического характера. Ш. получил от нотариуса Т. письменный отказ в совершении нотариального действия, который истец считает незаконным и необоснованным.

Разрешая спор и удовлетворяя заявление, суд первой инстанции исходил из того, что нотариус отказал в совершении нотариального действия – свидетельствования верности копий документов – по причине отказа Ш. оплатить услуги правового и технического характера по 90 руб. за одну копию свидетельства о рождении. Между тем отказ нотариуса не содержит перечня услуг правового и технического характера, которые необходимы для совершения данного нотариального действия. Суду первой инстанции не представлено перечня услуг правового и технического характера за совершение нотариального действия как свидетельствование верности копий свидетельства о рождении, для которых законодательством Российской Федерации не предусмотрена обязательная нотариальная форма, которые необходимы для совершения данного нотариального действия и взимания платы в размере, указанном нотариусом.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции указал на то, что ст. 22 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее – Основы законодательства о нотариате, Основы) дополнена ч. 6, согласно которой нотариусу, занимающемуся частной практикой, в связи с совершением нотариального действия оплачиваются услуги правового и технического характера.

Суд кассационной инстанции согласился с выводом суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала постановления судов апелляционной и кассационной инстанций вынесенными с нарушением норм права в связи со следующим.

Согласно положениям ст. 22 Основ законодательства о нотариате за совершение нотариальных действий, для которых законодательством Российской Федерации предусмотрена обязательная нотариальная форма, нотариус, работающий в государственной нотариальной конторе, должностные лица, указанные в части четвертой ст. 1 Основ, взимают государственную пошлину по ставкам, установленным законодательством

Российской Федерации о налогах и сборах. За совершение действий, указанных в части первой этой статьи, нотариус, занимающийся частной практикой, взимает нотариальный тариф в размере, соответствующем размеру государственной пошлины, предусмотренной за совершение аналогичных действий в государственной нотариальной конторе и с учетом особенностей, установленных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. За совершение действий, для которых законодательством Российской Федерации не предусмотрена обязательная нотариальная форма, нотариус, работающий в государственной нотариальной конторе, а также нотариус, занимающийся частной практикой, должностные лица, указанные в части четвертой ст. 1 Основ, взимают нотариальные тарифы в размере, установленном в соответствии с требованиями ст. 22¹ Основ.

Согласно ч. 6 ст. 22 Основ законодательства о нотариате нотариусу, занимающемуся частной практикой, в связи с совершением нотариального действия оплачиваются услуги правового и технического характера, включающие в себя правовой анализ представленных документов, проектов документов, полученной информации, консультирование по вопросам применения норм законодательства, осуществление обязанностей и полномочий, предусмотренных законодательством, в связи с совершением нотариального действия, изготовление документов, копий, скан-образов документов, отображений на бумажном носителе образов электронных документов и информации, полученной в том числе в электронной форме, техническое обеспечение хранения документов или депонированного имущества, в том числе денежных сумм, иные услуги правового и технического характера.

Частью 7 ст. 22 Основ законодательства о нотариате предусмотрено, что размер оплаты нотариального действия, совершенного нотариусом, занимающимся частной практикой, определяется как общая сумма нотариального тарифа, исчисленного по правилам данной статьи, и стоимости услуг правового и технического характера, определяемой с учетом предельных размеров, установленных в соответствии со ст. 25 и 30 Основ.

В соответствии со ст. 77 Основ законодательства о нотариате нотариус свидетельствует верность копий документов и выписок из документов, выданных органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами, гражданами.

Согласно п. 1.1 Методических рекомендаций по свидетельствованию верности копий документов и выписок из них, утвержденных решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 25 апреля 2016 г., протокол № 04/16, соответствующее нотариальное действие представляет собой свидетельствование верности копии документа с представленным нотариусу его оригиналом.

В силу ст. 16 Основ законодательства о нотариате нотариус обязан оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их

прав и защите законных интересов, разъяснять им права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий, с тем чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред.

Совершение отдельных нотариальных действий не всегда требует от нотариуса дополнительных усилий по правовому анализу представленных документов, консультированию по вопросам применения норм законодательства, изготовлению документов и оказанию иных услуг правового и технического характера. Соответственно, нотариус при разъяснении во исполнение требования ст. 16 Основ законодательства о нотариате лицу, обратившемуся за совершением нотариального действия, его прав и обязанностей должен пояснить особенности нотариального действия, которые могут повлечь необходимость оказания нотариусом услуг правового и технического характера, объявить размер платы за данное действие, в том числе сумму нотариального тарифа и стоимость услуг правового и технического характера (при необходимости их оказания), исчисленную согласно правилам, установленным нотариальными палатами, а также предоставить информацию о существующих льготах при обращении за нотариальными действиями.

Заинтересованное лицо, в свою очередь, вправе не согласиться с необходимостью оплаты нотариусу стоимости услуг правового и технического характера исходя из существа конкретного нотариального действия. Отказ нотариуса в совершении нотариального действия в таких случаях может быть обжалован в суд. При рассмотрении подобных дел суды не вправе ограничиваться формальной ссылкой на подлежащие применению нормативные положения, а обязаны выяснять в каждом конкретном случае необходимость оказания нотариусом услуг правового и технического характера исходя из существа нотариального действия, за совершением которого заинтересованное лицо обратилось к нотариусу, влекущую для этого лица необходимость уплатить нотариусу стоимость услуг в объявленном размере (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2020 г. № 815-О, № 816-О и 817-О, от 28 мая 2020 г. № 1245-О).

Следовательно, в случае оказания нотариусом при совершении нотариального действия услуг правового и технического характера оплата таких услуг является обязательной, и отказ лица, обратившегося к нотариусу за совершением нотариального действия, от оплаты данных услуг влечет невозможность нотариального действия и, соответственно, отказ в его совершении.

В иных случаях, когда какие-либо услуги правового и технического характера нотариусом не оказываются и необходимость осуществления подобных действий отсутствует, требование об оплате данных услуг и последующий отказ в совершении нотариальных действий являются неправомерными.

При этом суды апелляционной и кассационной инстанций при разрешении заявления Ш. ограничились лишь формальной констатацией того, что услуги технического и юридического характера являются неотъемлемой частью нотариального действия. Суды, отменяя решение суда первой инстанции, которым было удовлетворено заявление Ш., не проанализировали существо спора, не установили, какие именно действия со стороны нотариуса (при удостоверении верности копий четырех свидетельств о рождении детей) являются услугами технического и правового характера, не опровергли выводы нижестоящего суда об обратном.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 29-КГ21-1-К1

Процессуальные вопросы

18. Суды в Российской Федерации вправе рассматривать дела, если ответчик, являющийся иностранным лицом, распространяет рекламу в сети «Интернет», направленную на потребителей, находящихся в Российской Федерации, в частности рекламу на русском языке с указанием цен в российских рублях.

К. обратилась в суд с иском к частному медицинскому унитарному предприятию о расторжении заключенного между сторонами договора на оказание медицинской услуги с применением дентальных имплантатов, взыскании стоимости услуг.

В обоснование иска К. ссылалась на оказание ей ответчиком медицинской услуги с существенными недостатками.

Отказывая в принятии иска, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что исковые требования не подлежат рассмотрению в судах Российской Федерации, поскольку ответчик является иностранным юридическим лицом. При этом сведений о наличии на территории Российской Федерации представительства или имущества указанного лица не имеется, а относимых и допустимых доказательств распространения ответчиком рекламы в сети «Интернет» истцом не представлено.

Суд апелляционной инстанции, соглашаясь с выводами суда первой инстанции, дополнительно указал, что сайт ответчика не является национальным доменом Российской Федерации, а размещение на нем информации на русском языке, имеющем в Республике Беларусь статус государственного, не свидетельствует о цели привлечения потребителей, находящихся на территории Российской Федерации.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами судов нижестоящих инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм процессуального права.

В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ суды в Российской Федерации вправе рассматривать дела с участием иностранных лиц в случае, если ответчик имеет имущество, находящееся на территории Российской Федерации, и (или) распространяет рекламу в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», направленную на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации.

Реклама – это информация, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке (п. 1 ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»).

В соответствии с п. 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» профессиональная сторона считается направляющей свою деятельность на территорию страны места жительства потребителя, в частности, в том случае, когда она поддерживает в сети «Интернет» сайт, содержание которого свидетельствует о его ориентации на потребителей из соответствующей страны. Сайт в сети «Интернет» может рассматриваться как ориентированный на российских потребителей, если одним из его языков является русский язык, цены приведены в российских рублях, указаны контактные телефоны с российскими кодами или имеются другие аналогичные доказательства (например, владелец сайта заказывал услуги, направленные на повышение цитируемости его сайта у российских пользователей сети «Интернет»).

Обращаясь с иском в суд г. Мурманска по месту своего жительства, К. ссылаясь на то, что правоотношения между сторонами спора возникли из договора оказания медицинских стоматологических услуг и иск заявлен в защиту прав потребителя.

При этом из контента официального сайта ответчика следует, что на нем размещена информация о предоставлении ответчиком как медицинским учреждением стоматологических услуг иностранным гражданам, в том числе гражданам Российской Федерации, указанная информация размещена на русском языке и приводятся цены на услуги в российских рублях.

Однако эти обстоятельства не были учтены нижестоящими судами.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные акты, направив материал по иску К. к частному медицинскому унитарному

предприятию о защите прав потребителей в суд первой инстанции для решения вопроса о принятии искового заявления к производству суда.

Определение № 34-КГ20-6-КЗ

19. Расходы на оплату юридических услуг, понесенные лицом в связи с обжалованием постановления о привлечении его к административной ответственности, подлежат возмещению независимо от наличия вины должностного лица, вынесшего указанное постановление, и в том случае, если постановление было отменено за отсутствием события правонарушения во внесудебном порядке вышестоящим должностным лицом.

К. обратилась в суд с иском к Департаменту транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры г. Москвы (далее – Департамент транспорта), Департаменту финансов г. Москвы и государственному казенному учреждению г. Москвы «Администратор Московского парковочного пространства» (далее – ГКУ АМПП) о возмещении расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела об административном правонарушении. В обоснование иска указано, что в связи с незаконным привлечением к административной ответственности К. были понесены расходы на оплату юридических услуг. Просила суд взыскать с Департамента транспорта возмещение указанных выше расходов в размере 5000 руб. и судебные расходы по данному гражданскому делу.

Как установлено судом и следует из материалов дела, постановлением контролера-ревизора ГКУ АМПП от 29 августа 2019 г. К. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного п. 2 ст. 8.14 Закона г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 456 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях», за размещение транспортного средства на платной городской парковке без оплаты.

16 сентября 2019 г. К. заключен договор с Н. для подготовки правовой позиции для обжалования вынесенных ГКУ АМПП постановлений.

Решением начальника отдела по рассмотрению жалоб ГКУ АМПП от 27 сентября 2019 г. указанное выше постановление контролера-ревизора отменено, производство по делу прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ за отсутствием события правонарушения, поскольку транспортное средство было размещено вне зоны платной парковки.

При аналогичных обстоятельствах постановлением контролера-ревизора ГКУ АМПП от 27 сентября 2019 г. К. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного п. 2 ст. 8.14 Закона г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 456 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях», которое также отменено решением заместителя начальника отдела по рассмотрению жалоб ГКУ АМПП от 18 октября 2019 г.

Решением мирового судьи исковые требования К. удовлетворены.

Удовлетворяя исковые требования, мировой судья сослался на то, что в связи с обжалованием постановлений об административном правонарушении истцом понесены расходы на оплату юридических услуг, и, оценив объем фактически оказанных услуг, взыскал понесенные истцом расходы с Департамента транспорта.

С выводами суда первой инстанции согласился и суд апелляционной инстанции.

Отменяя указанные выше судебные постановления и отказывая в удовлетворении исковых требований, кассационный суд общей юрисдикции указал, что сам по себе факт отмены постановлений об административном правонарушении не является основанием для взыскания с ответчика денежных средств, а из решений начальника отдела по рассмотрению жалоб ГКУ АМПП и его заместителя не следует наличие вины контролера-ревизора ГКУ АМПП.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая обжалуемое кассационное определение вынесенным с существенным нарушением норм права, отменила его и дело направила на новое кассационное рассмотрение, указав следующее.

Статьей 45 Конституции Российской Федерации закреплены государственные гарантии защиты прав и свобод (ч. 1) и право каждого защищать свои права всеми не запрещенными законом способами (ч. 2).

К способам защиты гражданских прав, предусмотренным ст. 12 ГК РФ, относится в том числе возмещение убытков.

В соответствии с ч. 1 ст. 24.7 КоАП РФ расходы на оплату юридической помощи не включены в перечень издержек по делу об административном правонарушении.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», расходы на оплату труда адвоката или иного лица, участвовавшего в производстве по делу в качестве защитника, не отнесены к издержкам по делу об административном правонарушении. Поскольку в случае отказа в привлечении лица к административной ответственности либо удовлетворения его жалобы на постановление о привлечении к административной ответственности этому лицу причиняется вред в связи с расходами на оплату труда лица, оказывавшего юридическую помощь, эти расходы на основании ст. 15, 1069 и 1070 ГК РФ могут быть взысканы в пользу этого лица за счет средств соответствующей казны (казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации).

Согласно ст. 1064 названного кодекса вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом,

причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда (п. 1). Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда (п. 2).

Статьей 1069 предусмотрено, что вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

При рассмотрении дела о проверке конституционности ст. 15, 16, части первой ст. 151, ст. 1069 и 1070 ГК РФ, ст. 61 ГПК РФ, чч. 1, 2 и 3 ст. 24.7, ст. 28.1 и 28.2 КоАП РФ, а также ст. 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобами ряда граждан Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 15 июля 2020 г. № 36-П указал, что возмещение проигравшей стороной правового спора расходов другой стороны не обусловлено установлением ее виновности в незаконном поведении – критерием наличия оснований для возмещения является итоговое решение, определяющее, в чью пользу данный спор разрешен.

Поэтому в отсутствие в КоАП РФ специальных положений о возмещении расходов лицам, в отношении которых дела были прекращены на основании пп. 1 или 2 ч. 1 ст. 24.5 либо п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ, положения ст. 15, 16, 1069 и 1070 ГК РФ, по сути, восполняют данный правовой пробел, а потому не могут применяться иным образом, чем это вытекает из устоявшегося в правовой системе существа отношений по поводу возмещения такого рода расходов.

Данные правовые позиции в полной мере применимы и к расходам, возникшим у привлекаемого к административной ответственности лица при рассмотрении дела об административном правонарушении, безотносительно к тому, понесены ли они лицом при рассмотрении дела судом или иным органом, и независимо от того, отнесены ли они формально к издержкам по делу об административном правонарушении в силу КоАП РФ. При этом позиция о возможности дифференциации федеральным законодателем правил распределения расходов в зависимости от объективных особенностей конкретных судебных процедур и лежащих в их основе материальных правоотношений во всяком случае в силу ст. 2 и 18 Конституции Российской Федерации не означает возможности переложения таких расходов на частных лиц в их правовом споре с государством, если результатом такого спора стало подтверждение правоты частных лиц или, по крайней

мере, – в случаях, к которым применима презумпция невиновности, – не подтвердилась правота публичных органов.

В связи с изложенным выше Конституционный Суд Российской Федерации постановил признать ст. 15, 16, 1069 и 1070 ГК РФ не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не позволяют отказывать в возмещении расходов на оплату услуг защитника и иных расходов, связанных с производством по делу об административном правонарушении, лицам, в отношении которых дела были прекращены на основании пп. 1 или 2 ч. 1 ст. 24.5 (отсутствие события или состава административного правонарушения) либо п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ (ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановление, решение по результатам рассмотрения жалобы), со ссылкой на недоказанность незаконности действий (бездействия) или наличия вины должностных лиц.

Из приведенных положений закона и актов, их разъясняющих, следует, что, по общему правилу, вред возмещается при наличии вины причинителя этого вреда, однако в случае возмещения в таком порядке расходов по делу об административном правонарушении, понесенных лицом при обжаловании признанного впоследствии незаконным постановления о привлечении его к ответственности, исходя из правовой природы таких расходов критерием их возмещения является вывод вышестоящей инстанции о правомерности или неправомерности требований заявителя вне зависимости от наличия или отсутствия вины противоположной стороны в споре и от того, пересматривалось вынесенное в отношении заявителя постановление судом или иным органом.

Как следует из судебных постановлений, основанием для прекращения производства по делам об административном правонарушении в отношении К. явилось отсутствие события административного правонарушения.

В частности, контролером-ревизором ГКУ АМПП К. была привлечена к административной ответственности за размещение транспортного средства на платной парковке без оплаты, в то время как транспортное средство находилось вне зоны платной парковки.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала доводы суда кассационной инстанции о недоказанности вины должностного лица как основания для отказа в возмещении расходов, понесенных заявителем при обжаловании постановления о привлечении ее к административной ответственности, противоречащими приведенным выше нормам права и актам их толкования.

Определение № 5-КГ20-157-К2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о несостоятельности (банкротстве)

20. В силу подп. 2 п. 5 ст. 18 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» при банкротстве государственных унитарных предприятий принадлежащие им как арендаторам права и обязанности по договорам аренды земельных участков, находящихся в публичной собственности, не могут быть переданы иным хозяйствующим субъектам, в том числе посредством проведения торгов.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) унитарного предприятия (далее – должник, предприятие) его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением об утверждении положения о порядке, сроках и условиях проведения торгов по продаже принадлежащего предприятию права аренды земельных участков (далее – положение о продаже).

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа, положение о продаже утверждено в редакции, предложенной конкурсным управляющим. Суды пришли к выводу, что право аренды земельных участков является оборотоспособным имущественным правом должника, поскольку все земельные участки, находящиеся в публичной собственности, переданы предприятию в аренду на срок, превышающий пять лет. Это право вошло в конкурсную массу и подлежит реализации на торгах в целях удовлетворения требований кредиторов предприятия.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и отказала в удовлетворении заявления конкурсного управляющего по следующим основаниям.

Суть договора аренды заключается в предоставлении арендатору имущества его собственником за плату во временное владение и пользование или во временное пользование (ст. 606 ГК РФ).

При разрешении вопроса о том, является ли полученное арендатором право аренды его оборотоспособным активом, необходимо, прежде всего, определить правомочия арендатора по распоряжению этим правом.

Действительно, по общему правилу, закрепленному в п. 9 ст. 22 ЗК РФ, при аренде земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на срок более пяти лет арендатор имеет право в пределах срока договора аренды земельного участка передавать свои права и обязанности по этому договору третьему лицу без согласия собственника участка при условии его уведомления.

Однако, как указано в п. 9 ст. 22 ЗК РФ, приведенное общее правило о свободной передаче арендатором права долгосрочной аренды публичного земельного участка другим лицам применяется, если иное не предусмотрено федеральным законом.

В отношении государственных унитарных предприятий законодательный запрет на передачу ими прав и обязанностей по договорам аренды земельных участков, находящихся в публичной собственности, иным хозяйствующим субъектам (кроме случаев заключения концессионных соглашений) прямо установлен подп. 2 п. 5 ст. 18 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях».

Поскольку должник является государственным унитарным предприятием, владеющим на праве аренды земельными участками, находящимися в собственности публично-правового образования, право аренды этих участков не было активом, который он до банкротства имел возможность ввести в гражданский оборот путем отчуждения за плату.

Сам по себе факт последующего признания арендатора несостоятельным (банкротом) в судебном порядке не влияет на объем его правомочий по распоряжению правом аренды. Действующее законодательство не содержит положений о том, что право аренды, которым арендатор не вправе был распоряжаться, может быть передано им другому лицу лишь на том основании, что после заключения договора аренды вынесено судебное решение о признании арендатора банкротом. Наоборот, согласно п. 1 ст. 131 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в конкурсную массу должника включается все его имущество, в том числе имущественные права, имеющиеся на день открытия конкурсного производства и выявленные в ходе конкурсного производства.

Коль скоро предприятие не обладало правомочиями по распоряжению правом аренды земельных участков, находящихся в публичной собственности, на день открытия конкурсного производства и впоследствии не возникли законные основания для приобретения соответствующего правомочия, то положение о порядке реализации данного необоротоспособного права не могло быть утверждено судами.

Определение № 305-ЭС16-19742 (6)

21. Суд рассматривает отказ от требований, совершенный инициатором обособленного спора в рамках дела о банкротстве, по правилам гл. 28² АПК РФ, регулирующей сходные правоотношения о рассмотрении дел о защите прав и интересов группы лиц.

В деле о банкротстве должника общество обратилось в арбитражный суд с требованием о признании недействительной сделки должника как совершенной с целью причинения вреда его кредиторам.

Конкурсный управляющий должника и его кредиторы поддержали требования общества.

Впоследствии общество в суде первой инстанции отказалось от заявленных требований в полном объеме. Конкурсный управляющий участвовал в судебном заседании и возражал против прекращения производства по обособленному спору.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа, принят отказ от требований, производство по обособленному спору прекращено. Суды руководствовались ст. 49 и 150 АПК РФ и исходили из того, что отказ от заявленных требований не противоречит закону и не нарушает права других лиц, а понуждение общества к продолжению участия в судебном споре противоречило бы принципу свободного распоряжения гражданскими правами и могло бы его вынудить нести судебные расходы. Прочие лица, участвовавшие в обособленном споре и не являвшиеся заявителями, не лишены правовой возможности по оспариванию сделки должника непосредственно либо через конкурсного управляющего.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Оспаривание сделок должника в деле о банкротстве последнего осуществляется в интересах конкретного заявителя лишь косвенно, поскольку сам заявитель не является стороной оспариваемой сделки и результат судебного спора на права кредитора напрямую не влияет. Прямым результатом применения последствий недействительности сделки является восстановление прав должника – возвращение в конкурсную массу его имущества в натуральном или денежном выражении или освобождение от обязательств. Только за счет этого впоследствии увеличивается вероятность удовлетворения требований инициатора обособленного спора наравне с прочими кредиторами.

Таким образом, при оспаривании сделки в деле о банкротстве материально-правовые интересы группы кредиторов несостоятельного лица противопоставляются интересам выгодоприобретателей по сделке. Действуя от имени должника (его конкурсной массы) в силу полномочия, основанного на законе (п. 1, 2 ст. 61⁹ Закона о банкротстве), инициатор обособленного спора, по существу, выступает в роли представителя должника, а косвенно – группы его кредиторов.

В связи с этим вопрос об обязательности отказа от требований, совершенного инициатором обособленного спора, для прочих лиц, уполномоченных подавать заявления об оспаривании сделки должника,

может быть разрешен применительно к правовым нормам, регулирующим сходные правоотношения: гл. 28² АПК РФ о рассмотрении дел о защите прав и законных интересов группы лиц, п. 2 ст. 65² ГК РФ (здесь и далее нормы гл. 28² АПК РФ и ст. 62² ГК РФ воспроизведены для применения по аналогии).

На рассмотрение требований кредиторов по правилам групповых исков законодательство о банкротстве в некоторых случаях указывает прямо (например, п. 2 ч. 4 ст. 61¹⁹ Закона о банкротстве).

Следуя п. 1 ч. 4 ст. 225¹⁰⁻¹ и ч. 2 ст. 225¹⁵ АПК РФ, в которых урегулированы последствия отказа представителя группы лиц от иска, при отказе инициатора обособленного спора в деле о банкротстве от своих требований прекращаются его полномочия как представителя должника (или группы кредиторов). В таком случае арбитражный суд должен вынести определение об отложении судебного разбирательства и предложить произвести замену инициатора обособленного спора.

Конкурсный управляющий участвует во всех обособленных спорах в деле о банкротстве должника, а лица, участвующие в деле о банкротстве (в частности, конкурсные кредиторы, уполномоченный орган), в силу ч. 6 ст. 121 АПК РФ после получения первого судебного уведомления обязаны и имеют техническую и правовую возможности самостоятельно отслеживать движение дела о банкротстве посредством электронных сервисов. Поэтому у арбитражного суда нет необходимости обязывать инициатора обособленного спора уведомлять о своем отказе иных лиц, как это предусмотрено в ч. 3 ст. 225¹⁵ АПК РФ. Достаточно указать эти сведения в судебном определении и разместить его электронную версию в режиме общего доступа.

В том случае если наряду с инициатором в обособленном споре участвует иной конкурсный кредитор, уполномоченный орган или конкурсный управляющий и в судебном заседании при рассмотрении заявления об отказе от требований он заявил о готовности встать на место инициатора обособленного спора, то суд вправе произвести такую замену в этом же судебном заседании и продолжить рассмотрение обособленного спора.

Если в течение срока, установленного арбитражным судом в определении, в суд поступило заявление о замене инициатора обособленного спора, то после проверки соответствия этого лица требованиям ст. 61⁹ Закона о банкротстве суд прекращает производство по обособленному спору в отношении его инициатора, производит замену заявителя и продолжает рассматривать обособленный спор по существу, о чем выносит определение (ч. 6 ст. 225¹⁵ АПК РФ).

В противном случае суд принимает отказ инициатора обособленного спора от заявления (от иска) как заявленный от имени всей группы и прекращает производство по обособленному спору (ч. 7 ст. 225¹⁵ АПК РФ).

При таком подходе соблюдается баланс интересов всех лиц, участвующих в обособленном споре, в том числе и в вопросе распределения судебных расходов.

Из материалов данного обособленного спора следует, что конкурсный управляющий участвовал в судебных заседаниях по обособленному спору, инициированному обществом, занимал активную процессуальную позицию, представил отзыв на заявление общества, изложив собственные аргументы по квалификации оспоренной сделки и настаивая на ее недействительности. Конкурсный управляющий участвовал и в судебном заседании, где рассматривалось заявление об отказе от требований, возражал против прекращения производства по обособленному спору, настаивая на его продолжении и разрешении спора по существу.

Таким образом, суду первой инстанции следовало рассмотреть вопрос о замене общества на конкурсного управляющего и дальнейшие процессуальные действия предпринять в зависимости от его решения.

Вывод судов о том, что прекращение производства по делу не нарушает прав иных кредиторов и конкурсного управляющего, так как они могут обратиться в суд самостоятельно, неверен и потому, что разумные ожидания кредиторов сводились к разрешению спора по существу. Последующее обращение в суд в данной ситуации с самостоятельным требованием значительно увеличивает риск отказа в его удовлетворении ввиду пропуска срока исковой давности.

Кроме того, по правилам обычного группового иска участник вправе выбирать – присоединиться ли ему к групповому иску или защищать свои права посредством индивидуального обращения в суд. Прекращение дела по групповому иску не лишает его права на индивидуальный. В деле о банкротстве у заявителя такого выбора нет, так как в силу закона требования имеют всегда групповой характер и кредиторы присоединяются к заявлению инициатора обособленного спора вынужденно и автоматически. Поэтому если суд прекратил производство по первоначальному заявлению, то последующее заявление опять будет таким же групповым иском с участием той же группы. Рассмотрение последнего будет противоречить принципу правовой определенности и правилам заявления тождественных исков (п. 3 ч. 1 ст. 150 АПК РФ).

Определение № 302-ЭС20-19914

22. Кредитор вправе изменить способ распоряжения требованием к лицам, привлеченным к субсидиарной ответственности, если он первоначально выбрал взыскание задолженности или продажу требования с торгов при условии возмещения убытков субъектам, понесшим расходы на взыскание задолженности или организацию торгов.

В деле о банкротстве должника определением суда первой инстанции с контролировавших должника лиц взысканы убытки в порядке субсидиарной ответственности.

На собрании кредиторов по вопросу распоряжения требованиями к вышеупомянутым субсидиарным ответчикам общество (конкурсный кредитор) проголосовало за взыскание задолженности в деле о банкротстве (95,72% голосов от числа принявших участие в собрании); а налоговая служба (4,28% голосов) выступала за уступку требований, настаивая на бесперспективности взыскания и нецелесообразности затягивания процедур банкротства. К тому времени ни в добровольном, ни в принудительном порядке денежные средства от субсидиарных ответчиков в конкурсную массу не поступили.

Впоследствии общество изменило свой выбор, потребовав уступить ему требование к субсидиарным должникам, уведомив об этом конкурсного управляющего должника.

По этому вопросу состоялось собрание кредиторов, на котором принято решение об уступке обществу части требования к субсидиарным ответчикам в размере требования этого кредитора, включенного в реестр.

В связи с этим общество, ссылаясь на ст. 48 АПК РФ и ст. 61¹⁷ Закона о банкротстве, потребовало в суде осуществить процессуальное правопреемство – в споре о взыскании задолженности с контролировавших должника лиц заменить должника на общество в части своего требования, включенного в реестр требований кредиторов.

Налоговая служба (второй активный участник обособленного спора) возражала против правопреемства, указав на реализацию кредитором своего права на первом собрании. По ее мнению, прямая передача дебиторской задолженности должника конкурсному кредитору нарушит права иных лиц, участвующих в деле, поскольку задолженность будет погашена с нарушением установленного ст. 134 Закона о банкротстве порядка.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из отсутствия у кредитора права на изменение своего первоначального выбора способа распоряжения требованием к субсидиарным ответчикам, так как закон этого не предусматривает. Суды также указали на нарушение порядка распоряжения правом, установленного п. 2 ст. 61¹⁷ Закона о банкротстве, поскольку не доказаны размещение конкурсным управляющим в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве сообщения о праве кредитора распорядиться требованием к субсидиарным ответчикам, направление конкурсному управляющему в десятидневный срок волеизъявления общества о способе распоряжения указанным требованием, представление в суд отчета арбитражного управляющего.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Закон о банкротстве прямо не регулирует вопрос о возможности последующего изменения кредитором своего выбора способа распоряжения требованием к субсидиарным ответчикам. Это обстоятельство не позволило судам произвести процессуальную замену должника на его кредитора.

Однако отсутствие прямого правового регулирования может быть восполнено общими нормами-принципами гражданского права, поскольку правоотношения по процессуальному правопреемству производны от их материального содержания, а в данном случае материальные правоотношения между кредитором и должником по имущественным требованиям относятся к сфере действия гражданского законодательства (п. 1 ст. 2 ГК РФ).

По принципу дозволительной направленности гражданско-правового регулирования нормы этой отрасли права позволяют участникам гражданского оборота совершать любые действия, не запрещенные законом.

Пределы распоряжения гражданскими правами в общем виде указаны в ст. 10 ГК РФ (запреты на злоупотребление правом, на противоправный обход закона, на намеренный вред другому лицу).

Ни Закон о банкротстве, ни иные правовые акты гражданского законодательства ни прямо, ни косвенно не запрещают кредитору изменять свой выбор в отношении требования к субсидиарному ответчику, по крайней мере, в том случае, если он первоначально выбрал взыскание задолженности или продажу требования с торгов (тем более, если взыскание задолженности не привело к желаемому результату – получению денежных средств в конкурсную массу, а торги не начались или не состоялись). К тому же при таком выборе кредитора требование к нему не переходит и остается у прежнего правообладателя-должника.

Однако во избежание нарушения прав других кредиторов и конкурсного управляющего, кредитор, изменивший свой выбор, обязан возместить лицам, понесшим расходы на взыскание задолженности и организацию и проведение торгов, их убытки.

Этот порядок позволяет, с одной стороны, понудить кредитора ответственно подходить к распоряжению своими правами, а с другой, – сохранить ему возможность самостоятельно удовлетворить свои требования за счет имущества субсидиарных ответчиков, не затягивая на неопределенное время процедуру банкротства должника. Тем самым соблюдается баланс интересов всех лиц, участвующих в деле.

Если кредитор первоначально выбрал уступку требования, то в дальнейшем оснований для изменения способа распоряжения требованием лишь только по воле самого кредитора не имеется: перемена лица в

обязательстве состоялась и обратный переход требования без воли должника нарушил бы принцип автономии воли участников гражданского оборота.

Нормы ст. 61¹⁷ Закона о банкротстве (такие, например, как о сроках совершения действий по выбору способа распоряжения, о публичном размещении информации, о представлении в суд отчета арбитражного управляющего о результатах выбора кредиторами способа распоряжения и др.) в целом носят организационный характер и направлены на упорядочение процедуры первоначального выбора кредиторами способа распоряжения требованиями к субсидиарным ответчикам. Поэтому вопреки выводам судов само по себе несоблюдение буквального содержания этих норм без негативных последствий для сообщества кредиторов никак не должно противопоставляться гражданским правам кого-либо из кредиторов.

При разрешении данного обособленного спора судами не установлено ни злоупотреблений со стороны общества, ни обход закона, ни каких-либо нарушений действиями заявителя прав иных кредиторов или налоговой службы, учитывая, что последняя и сама выбрала в качестве способа распоряжения требованием уступку. По крайней мере, обстоятельства таких нарушений не отражены в судебных актах.

Часть недостатков, если суды действительно полагали их критическими, могла быть устранена в судебных заседаниях. Так, например, участие конкурсного управляющего в судебном заседании позволяло решить вопрос о содержании его отчета о результатах выбора кредиторами способа распоряжения. Следует заметить, что основанием для замены должника-банкрота на его кредитора является волеизъявление самого кредитора на уступку требования, а не отчет конкурсного управляющего.

Следовательно, суды, отказав в удовлетворении требования о процессуальном правопреемстве, косвенным образом и без наличия на то законных оснований воспрепятствовали свободному распоряжению обществом его гражданским правом, что недопустимо. Закон о банкротстве позволяет кредиторам изменять свой выбор со взыскания задолженности по требованию на его уступку.

Определение № 302-ЭС20-20755

23. В ситуации, когда вопрос о сроке исковой давности не разрешен международным договором, подлежащим применению к отношениям сторон по внешнеторговому контракту, применимое право по данному вопросу определяется исходя из соглашения сторон. В данном случае таким правом являлось право Королевства Швеции, уяснение содержания которого входило в обязанности суда.

Общество (должник) в собственных цехах осуществляло сборку автомобилей. С этой целью оно по контрактам, заключенным с поставщиками (компаниями, расположенными в Китайской Народной Республике), приобретало комплектующие для автосборочного производства

(далее – внешнеторговые контракты). Во внешнеторговых контрактах указано, что они «толкуются и регулируются Конвенцией ООН о договорах международной купли-продажи товаров. По всем вопросам, относящимся к контракту, которые не урегулированы указанной Конвенцией, стороны применяют нормы права национального законодательства Швеции».

Требование задолженности по оплате поставленных товаров поставщики уступили компании – дочернему предприятию на территории России.

Общество признано банкротом, в отношении него открыто конкурсное производство.

Ссылаясь на неисполнение обществом обязательств по оплате поставленных товаров, компания обратилась в арбитражный суд с заявлением об установлении его требований в реестре требований кредиторов должника.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного и окружного судов, в удовлетворении заявления отказано.

Суды руководствовались ст. 71, 100, 142 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), ст. 199, 572, п. 2 ст. 1186, ст. 1208, 1210, подп. 1 п. 2 ст. 1211 ГК РФ, нормами иностранного права, указанного во внешнеторговых контрактах, и пришли к выводу о пропуске компанией срока исковой давности для защиты своего права как по российскому, так и китайскому законодательству, а также по Конвенции Организации Объединенных Наций об исковой давности в международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 14 июня 1974 г., далее – Нью-Йоркская конвенция). Одновременно суды указали на недопустимость представленных заявителем доказательств, поскольку переводы внешнеторговых контрактов и договоров уступки нотариально не удостоверены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

1. В силу принципов состязательности и ведения судопроизводства на государственном языке Российской Федерации – русском языке (ст. 9 и 12 АПК РФ), стороны судебного спора обязаны предоставлять в суд надлежаще заверенные копии перевода на русский язык письменных доказательств, исполненных на иностранном языке (п. 5 ст. 75, п. 2 ст. 255 АПК РФ, ст. 81 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате», утвержденных Верховным Советом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-І).

Внешнеторговые контракты, представленные в суд компанией, изготовлены в двуязычном варианте: на английском и русском языках одновременно в параллельном изложении договорных условий, включая

реквизиты и подписи сторон. В таком случае, по общему правилу, перевод не требуется, так как по умолчанию английский и русский текст считаются идентичными и для разрешения спора вполне достаточно последнего.

Перевод английской версии мог потребоваться, если бы между сторонами спора возникли разногласия по поводу интерпретации условий, так как в контрактах стороны согласовали превалирующей английскую версию. Однако ни из судебных актов, ни из материалов дела не следует, что при разрешении обособленного спора кто-либо из его участников заявлял и доказывал неидентичность английской версии русской. Поэтому вопреки доводам конкурсного управляющего общества у суда не было повода усомниться в содержании договорных условий, потребовать их перевод и провести дополнительные судебные исследования данного вопроса.

Заявление конкурсного управляющего о том, что текст на английском языке он не понимает, а тексту на русском языке немотивированно не доверяет – явно недостаточно для таких сомнений, учитывая и то, что общество, от имени которого выступает конкурсный управляющий, является стороной контракта и в равной с компанией степени должно доказывать обстоятельства, на которые ссылается в обоснование своих возражений (ст. 65 АПК РФ).

Следовательно, в данном случае оговорка о применимом праве подлежит буквальному толкованию в варианте, изложенном во внешнеторговых контрактах на русском языке.

2. Спорные контракты автоматически подпадают под действие положений Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г., далее – Венская конвенция), поскольку в силу п. 1(а) ст. 1 этой конвенции Российская Федерация и КНР являются Договаривающимися Государствами.

В данном случае нормы Венской конвенции применяются самостоятельно в качестве альтернативы материальным нормам национальных правовых порядков. Непосредственное регулирование правоотношения материально-правовыми нормами международного договора допускается российским законодательством.

Указание в контрактах на применение к ним Венской конвенции юридически излишне и, по-видимому, направлено лишь на уменьшение риска случайного игнорирования конвенции при разрешении судебных споров.

3. Венская конвенция не охватывает все вопросы, связанные с конкретным договором международной купли-продажи, что следует, в частности, из ст. 4 и 5 самой конвенции. В таком случае по вопросам, которые не разрешены в международном договоре Российской Федерации, применимое право определяется соглашением сторон (ст. 1210 ГК РФ), а в отсутствие последнего – с помощью коллизионных норм международного частного права (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»).

Сторонами внешнеторговых контрактов в данном случае реализован принцип автономии воли сторон гражданско-правового договора и на законных основаниях в качестве применимого права определено иностранное право. Такой выбор не породил непреодолимых противоречий с Венской конвенцией (по крайней мере, иного не доказано). Таким образом, при разрешении спора право Королевства Швеция подлежит применению к правоотношениям поставщиков и покупателя субсидиарно по отношению к нормам Венской конвенции.

4. Ни специальные положения Венской конвенции, ни общие принципы, на которых она основана, не регулируют вопросы исковой давности, поэтому в данном вопросе она не применима для разрешения судебного спора.

Вопреки выводам судов, Нью-Йоркская конвенция является самостоятельным международным договором, а не частью Венской конвенции. Гармонизация этих конвенций не делает их единым документом. Венской конвенции в редакции Нью-Йоркской конвенции не существует.

Следует заметить, что Королевство Швеция не подписало Нью-Йоркскую конвенцию. Как следствие, она не является частью правовой системы этого государства и на этом основании также не подлежит применению в данном деле. Более того, Нью-Йоркская конвенция не действует ни для КНР (страна ее не подписала), ни для Российской Федерации (конвенция не ратифицирована).

Таким образом, по вопросам исковой давности в силу ст. 1208 ГК РФ подлежит применению право Королевства Швеция.

5. Порядок уяснения арбитражными судами содержания норм иностранного права установлен ст. 1191 ГК РФ, ст. 14 АПК РФ и разъяснен в п. 42–46 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» (далее – постановление Пленума № 23).

Согласно указанным нормам содержание норм иностранного права устанавливается судом в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве. Для решения этого вопроса суд может обратиться за содействием и разъяснением в компетентные органы или организации в Российской Федерации и за границей, привлечь экспертов, в том числе образовательных, научных или учебных заведений Российской Федерации, занимающихся исследованиями иностранного права.

Предмет судебного исследования о содержании норм иностранного законодательства касается исключительно вопросов права. Следуя принципу «Jura novit curia» («Суд знает законы») и п. 1 ст. 168 АПК РФ (обязанность

суда по определению законов и иных нормативных правовых актов, подлежащих применению при принятии судебного решения), процессуальная активность суда по исследованию вопросов права должна быть существенно выше, чем при решении вопросов по фактическим обстоятельствам дела.

Так, в данном случае вопрос о содержании шведского права мог быть эффективно разрешен судом посредством судебного запроса в компетентные органы или организации или получением заключения эксперта (пп. 44–46 постановления Пленума № 23, п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»). При этом быстрота и качество решения вопроса достигались бы тем, что в сфере судебного контроля оказываются компетентность и непредвзятость экспертов; суд заблаговременно предъявляет специальные требования к заключению (наличие ссылок на нормы иностранного права, практику их официального толкования и применения, включая разъяснения судебных инстанций, примеры разрешения сходных конфликтных ситуаций, выдержки из правовой доктрины); во избежание последующего упрека экспертов в разрешении конкретного дела вопросы о содержании норм иностранного права формулируются судом применительно к абстрактной правовой ситуации (в данном случае, например, вопросы об исковой давности применительно к предпринимательским правоотношениям по договору поставки, возникшим на определенную дату).

Вопреки указанным правовым нормам, при разрешении данного обособленного спора арбитражный суд первой инстанции, столкнувшись с правовым вопросом, фактически самоустранился от принятия необходимых мер для уяснения содержания норм иностранного права: суд не обратился за содействием и разъяснением в компетентные органы, не привлек экспертов, не возложил обязанности по предоставлению сведений об иностранном праве на стороны спора, отказал в удовлетворении ходатайств компании о проведении судебной правовой экспертизы по вопросу о сроках исковой давности по шведскому законодательству и о запросе в компетентные органы для разъяснения данного вопроса. Обращение в региональное управление Минюста России явно недостаточно, учитывая ответ о его некомпетентности в этом вопросе.

Апелляционным и окружным судами эти недостатки не устранены.

6. Действительно, законодательство допускает уяснение судом норм иностранного права посредством содействия лиц, участвующих в деле, в разрешении данного вопроса, либо выполнении обязанности по доказыванию содержания норм иностранного права по требованию суда. Однако и в данном случае суд не освобождается от обязанности по установлению содержания норм иностранного права (п. 44 постановления Пленума № 23, п. 17 Обзора судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц,

изложенного в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 158).

Следует заметить, что обязанность представления сведений о содержании норм иностранного права не может считаться возложенной на стороны автоматически. Распорядительная деятельность суда осуществляется посредством вынесения судебного определения (п. 44 постановления Пленума № 23). Содействие участниками судебного спора суду также не может приравниваться к их обязанности. К тому же такая обязанность возлагается на обе стороны судебного спора, а не на одну из них, что соответствует принципу состязательности и в случае разногласий дает повод для судебного исследования спорного вопроса. Арбитражный суд вправе считать содержание норм иностранного права установленным, если представленное одной из сторон заключение по вопросам содержания норм иностранного права содержит необходимые и достаточные сведения и не опровергнуто при этом другой стороной путем представления сведений, свидетельствующих об ином содержании норм иностранного права (п. 44 постановления Пленума № 23).

Не приняв представленные компанией заключение шведских адвокатов по вопросам права и текст закона Королевства Швеция, суды указали на пороки этих доказательств, лишаящие их достоверности: отсутствие надлежаще заверенного перевода, избирательность экспертов в выборе правовых норм, в то время как по шведскому законодательству допускается и трех- и десятилетний срок исковой давности, неосведомленность экспертов об обстоятельствах спора. В то же время, во-первых, компания оказывала содействие суду, а не выполняла возложенную на нее обязанность; во-вторых, компания безуспешно ходатайствовала об осуществлении судом действий, предписанных ему законом; в-третьих, ни общество, ни иные участники судебного спора в противовес позиции заявителя не представили суду никаких вариантов содержания и применения норм иностранного права; в-четвертых, анализ экспертом отношений сторон был бы явно излишен, так как он повлек бы неотносимость и недопустимость правового заключения (п. 46 постановления Пленума № 23, ст. 67, 68 АПК РФ).

7. Ссылка на длительность процесса (более пяти месяцев в первой инстанции) как оправдание невозможности разрешения вопроса о применимом праве несостоятельна, поскольку данный вопрос имел первоочередной характер и правовой механизм его разрешения должен был быть запущен самим судом еще в самом начале разрешения судебного спора. К тому же нельзя упрекнуть компанию в процессуальном бездействии.

Ввиду того, что при разрешении спора не предприняты достаточные меры для уяснения норм иностранного права, нет оснований и для применения п. 3 ст. 1191 ГК РФ, допускающего применение российского права, если содержание норм иностранного права в разумные сроки не установлено, несмотря на предпринятые меры.

8. Оснований для применения правила о праве страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано (п. 2 ст. 1186 ГК РФ), не имеется, так как в данном случае право, подлежащее применению, устанавливается достаточно определенно. Игнорирование судами оговорки о применимом праве противоречит принципам свободы договора и автономии воли участников гражданских правоотношений, подрывает разумные ожидания сторон сделки и стабильность внешнеторгового оборота, препятствует становлению и развитию партнерских деловых отношений.

Определение № 308-ЭС20-18927

Практика применения законодательства о юридических лицах

24. Решение о предстоящем исключении юридического лица из ЕГРЮЛ должно приниматься с учетом гарантий, направленных на защиту кредиторов и иных лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются таким исключением, и может быть принято только при фактическом прекращении деятельности хозяйствующего субъекта.

Трест (заказчик) и общество (исполнитель) заключили договор, по условиям которого исполнитель принял на себя обязательства в сроки и в порядке, определенном договором, оказать услуги по разработке и согласованию документации. В нарушение условий договора исполнитель не оказал услуги, денежные средства (аванс) не возвратил, что послужило основанием для обращения треста в арбитражный суд с иском о взыскании неосновательного обогащения и договорной неустойки.

Однако общество решением налогового органа было исключено из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо, в связи с чем трест обратился с требованием о признании недействительным решения об исключении общества из ЕГРЮЛ, об исключении из ЕГРЮЛ записи о прекращении деятельности общества и об обязании налогового органа устранить нарушения прав и законных интересов заявителя.

Решением арбитражного суда, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требований отказано. Суды исходили из соблюдения налоговым органом установленного порядка исключения из ЕГРЮЛ сведений о недействующем юридическом лице. Трест не направил в порядке, установленном п. 4 ст. 21¹ Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон № 129-ФЗ) заявление о нарушении своих прав и законных интересов как кредитора общества. Наличие у юридического лица задолженности перед кредиторами не является основанием, препятствующим исключению недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ. Кредитор вправе обратиться

в суд с заявлением о назначении процедуры распределения имущества должника, если у такого ликвидированного юридического лица осталось нереализованное имущество.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 64² ГК РФ, пп. 1 и 2 ст. 21¹ Закона № 129-ФЗ регистрирующий орган принимает решение о предстоящем исключении юридического лица из единого государственного реестра юридических лиц при наличии одновременно всех признаков недействующего юридического лица, к которым отнесены: непредставление в течение последних двенадцати месяцев, предшествующих моменту принятия регистрирующим органом соответствующего решения, документов отчетности, предусмотренных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, и неосуществление операций хотя бы по одному банковскому счету; такое юридическое лицо признается фактически прекратившим свою деятельность и может быть исключено из единого государственного реестра юридических лиц в порядке, предусмотренном указанным федеральным законом.

Согласно подп. «б» п. 5 ст. 21¹ Закона № 129-ФЗ данный порядок исключения юридического лица из ЕГРЮЛ применяется также в случае наличия в названном реестре сведений, в отношении которых внесена запись об их недостоверности, в течение более чем шести месяцев с момента внесения такой записи. Таким образом, в силу действующего правового регулирования юридическое лицо, в отношении которого в ЕГРЮЛ внесена запись о недостоверности сведений об адресе, фактически ликвидируется как недействующее юридическое лицо.

Исключение недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ влечет правовые последствия, предусмотренные ГК РФ и другими законами применительно к ликвидированным юридическим лицам (п. 2 ст. 64² ГК РФ).

Решение о предстоящем исключении юридического лица из ЕГРЮЛ должно приниматься с учетом предусмотренных пп. 3 и 4 ст. 21¹ Закона № 129-ФЗ гарантий, направленных на защиту кредиторов и иных лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются таким исключением. Так, решение о предстоящем исключении должно быть опубликовано в органах печати, в которых публикуются данные о государственной регистрации юридического лица, в течение трех дней с момента принятия такого решения; одновременно с решением о предстоящем исключении должны быть опубликованы сведения о порядке и сроках направления заявлений недействующим юридическим лицом, кредиторами или иными лицами, чьи права и законные интересы затрагиваются в связи с исключением недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ, с указанием адреса, по которому могут быть направлены заявления; заявления могут быть направлены в срок не позднее чем три месяца со дня опубликования решения о предстоящем исключении; в случае направления заявлений решение об

исключении недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ не принимается и такое юридическое лицо может быть ликвидировано в установленном гражданским законодательством порядке.

В соответствии с п. 8 ст. 22 Закона № 129-ФЗ исключение недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ может быть обжаловано кредиторами или иными лицами, чьи права и законные интересы затрагиваются этим актом, в течение года со дня, когда они узнали или должны были узнать о нарушении своих прав.

Из системного толкования указанных выше правовых норм следует, что наличие предусмотренных в ст. 21¹ Закона № 129-ФЗ условий для исключения юридического лица из ЕГРЮЛ само по себе не может являться безусловным основанием для принятия такого решения, которое может быть принято только при фактическом прекращении деятельности хозяйствующего субъекта.

Однако представители общества, действующие на основании доверенностей, участвовали в судебных заседаниях по спору с трестом, давали объяснения по делу, представили суду отзыв и письменные пояснения.

После вынесения налоговым органом решения о прекращении деятельности общества представитель последнего в судебном заседании передал суду доказательства, в отношении которых у треста возникли сомнения в их достоверности, в связи с чем протокольным определением суд обязал общество представить подлинные документы, указанные в заявлении о фальсификации, и соответствующие пояснения по поводу исключения данных документов из числа доказательств.

Таким образом, процессуальное поведение общества, от имени которого действовали уполномоченные лица (п. 3 ст. 53 ГК РФ), не давало тресту оснований полагать, что юридическое лицо фактически прекратило свою деятельность и исключено из ЕГРЮЛ в административном (внесудебном) порядке.

Судами не дана надлежащая оценка доводам треста, находящегося в процедуре банкротства, о том, что прекращение правоспособности юридического лица в административном порядке на основании ст. 21.1 Закона № 129-ФЗ при наличии неисполненных обязательств, размер которых в судебном порядке не установлен, и отсутствии доказательств фактического прекращения деятельности общества нарушает права треста, поскольку не позволяет взыскать дебиторскую задолженность, возвратить денежные средства в конкурсную массу, а также применить в должной мере альтернативные механизмы удовлетворения требований кредитора, установленные ст. 53¹, п. 5² ст. 64 и п. 3 ст. 64² ГК РФ.

Применение норм об исковой давности

25. Течение срока исковой давности по требованию о взыскании убытков, понесенных в связи с отказом в предоставлении субсидии, начинается со дня, когда лицо, право которого нарушено, узнало или должно было узнать о совокупности следующих обстоятельств: о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

В период с 2014 по 2017 г. общество оказывало услуги по аэропортовому и наземному обеспечению полетов воздушных судов пользователей воздушного пространства, освобожденных в соответствии с законодательством Российской Федерации от оплаты за эти услуги.

Общество неоднократно обращалось в Федеральное агентство воздушного транспорта (далее – Росавиация) с заявлениями о предоставлении субсидий из федерального бюджета на возмещение недополученных доходов от предоставления вышеназванных услуг, предусмотренных Правилами предоставления субсидий из федерального бюджета организациям на возмещение недополученных ими доходов от предоставления услуг по аэропортовому и наземному обеспечению полетов воздушных судов пользователей воздушного пространства, освобожденных в соответствии с законодательством Российской Федерации от платы за эти услуги, утвержденными постановлением Правительством Российской Федерации от 25 января 2013 г. № 37 (утратил силу с 1 января 2018 г. в связи с изданием постановления Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2017 г. № 1665).

По результатам рассмотрения заявлений общества Росавиацией приняты решения об отказе в предоставлении субсидий из федерального бюджета на возмещение недополученных доходов в 2014–2017 гг.

Основанием для отказа в возмещении обществу недополученных доходов послужило исчерпание лимитов бюджетных обязательств.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о взыскании с Росавиации убытков, понесенных в результате оказания услуг. Росавиация, в свою очередь, заявила о пропуске срока исковой давности на обращение в суд.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной и кассационной инстанций, требования общества удовлетворены.

Суды установили, что факт оказания аэропортовых услуг подтвержден документально, размер исковых требований представляет сумму неполученной субсидии, в связи с чем на основании ст. 15 ГК РФ пришли к выводу о правомерности требования общества о возмещении убытков.

Отклоняя доводы ответчика о пропуске обществом трехлетнего срока на обращение в суд с требованием о взыскании убытков, суды указали, что о

наличии права на возмещение стоимости оказанных услуг при ситуации исчерпания выделенных лимитов бюджетных обязательств, когда осуществление соответствующих выплат из бюджета является обязанностью публично-правового образования, обществу стало известно после вынесения постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2018 г. № 32-П (далее – постановление № 32-П), то есть после 16 июля 2018 г. Следовательно, трехлетний срок исковой давности должен исчисляться с указанной даты и не был пропущен обществом, обратившимся в суд 25 сентября 2019 г.

Исходя из изложенной правовой позиции относительно того, что само по себе исчерпание выделенных лимитов бюджетных обязательств не могло служить законным основанием для отказа в предоставлении субсидии обществу, поскольку возможность такого отказа с учетом природы рассматриваемой субсидии не вытекает из положений ст. 69 и 78 БК РФ, суды трех инстанций пришли к выводу, что трехлетний срок на подачу в суд заявления о взыскании убытков за спорный период в связи с неполученной субсидии, в данном случае не пропущен.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, учитывая следующее.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 1 постановления от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» (далее – постановление Пленума № 43) разъяснил, что исходя из нормы ст. 195 ГК РФ под правом лица, подлежащим защите судом, следует понимать субъективное гражданское право конкретного лица. Если иное не установлено законом, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо, право которого нарушено, узнало или должно было узнать о совокупности следующих обстоятельств: о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Если будет установлено, что сторона по делу пропустила срок исковой давности, то при наличии заявления надлежащего лица об истечении срока исковой давности суд вправе отказать в удовлетворении требования только по этим мотивам, без исследования иных обстоятельств дела (п. 15 постановления Пленума № 43).

Как следует из материалов дела, решение об отказе в предоставлении субсидии за 2014 г. принято Росавиацией 30 ноября 2015 г., направлено обществу почтовой связью 1 декабря 2015 г. и получено им 8 декабря 2015 г.; решение об отказе в предоставлении субсидии за 2015 г. принято Росавиацией 20 июня 2016 г., направлено обществу почтовой связью 24 июня 2016 г. и получено им 29 июня 2016 г.

В процессе рассмотрения указанных заявлений общество предоставляло дополнительные пояснения и документы, то есть непосредственно участвовало в проводимых Росавиацией проверках,

и было заинтересовано в получении субсидии на возмещение недополученных доходов за 2014 и 2015 гг.

О нарушении своего субъективного права на возмещение расходов, связанных с оказанием аэропортовых услуг за 2014 и 2015 гг., общество узнало 8 декабря 2015 г. и 29 июня 2016 г., и с указанного времени имело возможность реализовать право на судебную защиту, в том числе посредством предъявления требования о возмещения убытков за счет государственной казны. Следовательно, вопреки выводам суда, трехлетний срок исковой давности по вышеуказанным требованиям должен исчисляться с 9 декабря 2015 г. и 30 июня 2016 г., и к моменту обращения общества в суд в сентябре 2019 г. являлся пропущенным.

Само по себе принятие постановления № 32-П не является обстоятельством, изменяющим начало течения срока исковой давности, либо прерывающим течение срока исковой давности, начатое ранее, поскольку это не предусмотрено законом. Иное также не следует из содержания постановления № 32-П.

Таким образом, вывод судов о соблюдении обществом срока исковой давности является неправильным.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации также отметила, что суды оставили без внимания признание со стороны общества обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии у него убытков (обществу перечислены субсидии из федерального бюджета на возмещение недополученных доходов от предоставления услуг по аэропортовому и наземному обеспечению полетов воздушных судов пользователей воздушного пространства за 2015–2017 гг. по платежным поручениям), и фактически уклонились от оценки данных платежных поручений, что послужило причиной направления дела на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС20-18656

***Практика применения законодательства о вещных правах,
земельного и градостроительного законодательства***

26. Не является самовольной постройкой здание, построенное в соответствии с уточненным в установленном порядке видом разрешенного использования земельного участка и разрешением на строительство.

Предприниматель – арендатор земельного участка возвел на нем здание. Комитет, посчитав, что здание возведено с нарушением целевого использования земельного участка, обратился в арбитражный суд с иском об обязанности освободить земельный участок от объекта капитального строительства за счет ответчика.

Предприниматель заявил встречные требования, в которых просил обязать комитет произвести выдел из спорного земельного участка части, необходимой для размещения и эксплуатации объекта недвижимости, сформировать новый земельный участок и заключить договор аренды участка, расположенного под объектом недвижимости.

Суды удовлетворили первоначальный иск и отказали в удовлетворении встречных требований, поскольку пришли к выводам о несоответствии возведенного строения целевому назначению земельного участка, так как изначально земельный участок был согласован и передан в аренду для строительства спортивного комплекса.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В соответствии со ст. 222 ГК РФ самовольной постройкой является здание, сооружение или другое строение, возведенные или созданные на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные или созданные без получения на это необходимых в силу закона согласований, разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил, если разрешенное использование земельного участка, требование о получении соответствующих согласований, разрешений и (или) указанные градостроительные и строительные нормы и правила установлены на дату начала возведения или создания самовольной постройки и являются действующими на дату выявления самовольной постройки.

Постройка является созданной на земельном участке, не отведенном для этих целей, если она возведена с нарушением правил целевого использования земли (ст. 7 ЗК РФ) либо вопреки правилам градостроительного зонирования, предусматривающего установление территориальных зон и видов разрешенного использования применительно к каждой из них (ст. 35–40 ГрК РФ, ст. 85 ЗК РФ).

В соответствии с разрешением на строительство изначально предусмотренный к возведению спортивный комплекс должен был состоять из двух отдельных зданий, а именно: общественного здания многофункционального назначения и технического склада.

В процессе осуществления строительства предпринимателем выявлено, что значительная часть территории спорного земельного участка не может быть застроена, поскольку обременена наличием водопроводных и канализационных сетей с соответствующими охранными зонами.

По результатам обращения предпринимателя уполномоченными органами были внесены изменения в постановление о предоставлении земельного участка в аренду для строительства, договор аренды земельного участка, а также ранее выданное разрешение на строительство.

Уточнение вида разрешенного использования спорного земельного участка, относящегося к землям населенных пунктов (для размещения многофункционального здания), произведено администрацией в

соответствии со ст. 37, 39 ГрК РФ, Правилами землепользования и застройки, решением комиссии по подготовке проекта Правил землепользования.

Таким образом, разрешение на строительство, а также правоустанавливающие документы на земельный участок после внесения в них соответствующих корректировок давали предпринимателю возможность возведения лишь одного из разрешенных ранее к строительству зданий, а именно: общественного здания многофункционального назначения.

На основании ст. 55 ГрК РФ администрацией было дано разрешение на ввод в эксплуатацию построенного здания.

Доказательств того, что указанное здание возведено с нарушением целевого назначения земельного участка и видов разрешенного использования не представлено.

При указанных обстоятельствах выводы судов о наличии у многофункционального здания признаков самовольной постройки, применении положений ст. 222 ГК РФ и об отсутствии оснований для применения норм ст. 11³, пп. 9 п. 2 ст. 39⁶, п. 1 ст. 39²⁰ ЗК РФ не могут быть признаны верными.

Определение № 301-ЭС20-19064

27. К отношениям по уступке прав и обязанностей по договору аренды лесного участка подлежат применению правила Лесного кодекса Российской Федерации, действовавшие в момент заключения договора аренды.

Между Министерством лесного, охотничьего хозяйства и природопользования субъекта Российской Федерации (далее – Министерство, арендодатель) и обществом (арендатор) на основании протокола аукциона по продаже права на заключение договора аренды лесного участка был заключен договор аренды. Впоследствии с согласия арендодателя арендатор уступил права и обязанности по договору аренды лесного участка.

Во исполнение предписания Федерального агентства лесного хозяйства Министерство обратилось в арбитражный суд с иском о признании недействительным соглашения об уступке прав и обязанностей по договору аренды лесного участка.

Установив, что договор аренды лесного участка был заключен по результатам аукциона в период действия п. 7 ст. 448 ГК РФ в редакции Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 42-ФЗ), согласно которому победитель торгов не вправе уступать права и осуществлять перевод долга по обязательствам, возникшим из заключенного на торгах договора, суд первой инстанции удовлетворил

требования Министерства. Арбитражными судами апелляционной и кассационной инстанций решение оставлено без изменения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и отказала в удовлетворении иска, указав следующее.

В силу ч. 2 ст. 3 ЛК РФ имущественные отношения, связанные с оборотом лесных участков, лесных насаждений, древесины и иных добытых лесных ресурсов, регулируются гражданским законодательством, а также ЗК РФ, если иное не установлено указанным кодексом, другими федеральными законами.

Согласно положениям ст. 71 ЛК РФ предоставление юридическим лицам в аренду лесных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется в соответствии с названным кодексом (п. 3). К договору аренды лесного участка применяются положения об аренде, предусмотренные ГК РФ и ЗК РФ, если иное не установлено ЛК РФ (п. 4).

Согласно п. 2 ст. 615 ГК РФ арендатор вправе с согласия арендодателя передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем), если иное не установлено данным кодексом, другим законом или иными правовыми актами.

Соглашение о перенайме представляет собой сделку по передаче договора (ст. 392² ГК РФ), предусматривает в соответствии с п. 2 ст. 615 ГК РФ одновременную передачу всех прав и обязанностей по договору аренды и к такой сделке применяются правила об уступке требования и о переводе долга.

Суды, признавая по правилам п. 2 ст. 168 ГК РФ недействительным соглашение об уступке, руководствовались п. 7 ст. 448 ГК РФ. При этом ими не учтено, что лесное законодательство в соответствии с ч. 2 ст. 3 ЛК РФ имеет приоритет в отношениях, связанных с оборотом лесных участков; ч. 6 ст. 71 ЛК РФ о том, что победитель конкурса или единственный участник конкурса, с которыми заключен договор аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в соответствии с ч. 10 ст. 80² ЛК РФ не вправе уступать права и осуществлять перевод долга по обязательствам, возникшим из указанного договора, а также сдавать предоставленный лесной участок в субаренду, устанавливая запрет на уступку права и перевод долга в определенных случаях, была введена в ЛК РФ после заключения договора аренды лесного участка, а также соглашения об уступке. Кроме того, ч. 6 ст. 71 ЛК РФ был предусмотрен запрет на уступку прав по договорам аренды, заключенным по конкурсу, тогда как право на заключение договора аренды лесного участка по настоящему делу было реализовано Министерством посредством такого вида конкурентной процедуры, как аукцион, в связи с чем выводы судов о наличии оснований для удовлетворения иска нельзя признать законными и обоснованными.

Однако при этом следует отметить, что Федеральным законом от 4 февраля 2021 г. № 3-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования лесных отношений» ч. 6 ст. 71 ЛК РФ была изложена в новой редакции, содержащей запрет сдавать арендованный лесной участок в субаренду, передавать арендатору права и обязанности по договору аренды лесного участка другим лицам (перенаем), в случае заключения договора аренды не только посредством конкурса, но и аукциона на право заключения договора аренды лесного участка.

Определение № 306-ЭС20-21765

28. В отсутствие нормативного правового акта высшего органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации об установлении срока использования градостроительных планов земельных участков, выданных до 1 января 2017 г., срок их применения исчисляется со дня вступления в силу Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 373-ФЗ, установившего срок использования информации, указанной в градостроительном плане земельного участка.

Департамент градостроительства (далее – Департамент) отказал обществу в выдаче разрешения на строительство в связи с непредставлением градостроительного плана земельного участка, выданного не ранее чем за три года до дня представления заявления о получении разрешения на строительство (чч. 7, 13 ст. 51 ГрК РФ).

Полагая, что отказ Департамента противоречит ст. 9, 10 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 373-ФЗ «О внесении изменений в ГрК РФ, отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования подготовки, согласования и утверждения документации по планировке территории и обеспечения комплексного и устойчивого развития территорий и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее – Закон № 373-ФЗ), общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его недействительным.

Решением арбитражного суда первой инстанции оспариваемый отказ был признан недействительным. Постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом округа, решение отменено, в удовлетворении требований общества отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанции и оставила в силе решение арбитражного суда первой инстанций, указав следующее.

В силу п. 2 ч. 7 ст. 51 ГрК РФ (в редакции Закона № 373-ФЗ) в целях строительства, реконструкции объекта капитального строительства застройщик направляет заявление о выдаче разрешения на строительство

непосредственно в уполномоченный на выдачу разрешений на строительство орган, обязательно представляя градостроительный план земельного участка, выданный не ранее чем за три года до дня представления заявления на получение разрешения на строительство.

В п. 2 ч. 7 ст. 51 ГрК РФ в редакции, действовавшей до 1 января 2017 г. (дата вступления в силу Закона № 373-ФЗ), не было указания срока использования информации, содержащейся в градостроительном плане земельного участка, представляемого заинтересованным лицом в целях получения разрешения на строительство, как не было подобного указания и в ст. 44 ГрК РФ о градостроительном плане земельного участка, утратившей силу с 1 января 2017 г. Также Законом № 373-ФЗ в ГрК РФ введена ст. 57³, посвященная градостроительному плану земельного участка, согласно п. 10 которой информация, указанная в градостроительном плане земельного участка, может быть использована для подготовки проектной документации, для получения разрешения на строительство в течение трех лет со дня его выдачи. По истечении этого срока использование информации, указанной в градостроительном плане земельного участка, в предусмотренных данной частью целях не допускается.

В то же время ч. 1 ст. 9 Закона № 373-ФЗ предусмотрено, что информация, указанная в градостроительном плане земельного участка, утвержденном до дня вступления в силу названного Федерального закона, может быть использована в течение срока, который установлен нормативным правовым актом высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации и не может быть менее чем три года и более чем восемь лет со дня вступления в силу названного Федерального закона, для подготовки проектной документации применительно к объектам капитального строительства и (или) их частям, строящимся, реконструируемым в границах такого земельного участка, выдачи разрешений на строительство. По истечении установленного срока использование информации, указанной в таком градостроительном плане земельного участка, не допускается.

Таким образом, системное толкование приведенных выше норм ГрК РФ, а также Закона № 373-ФЗ дает основания полагать, что срок применения выданных до вступления в силу этого закона градостроительных планов земельного участка следует исчислять со дня вступления его в силу, то есть с 1 января 2017 г.

Отсутствие соответствующего нормативного правового акта высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации о сроке использования градостроительных планов земельных участков, выданных ранее 1 января 2017 г., позволяет применять положения ч. 1 ст. 9 Закона № 373-ФЗ как федерального закона, содержащего переходные положения, с указанными в этой статье сроками (не менее трех и не более восьми лет), но непринятие такого акта не может ухудшать

положение участников градостроительной деятельности и влиять на принцип действия правовых норм во времени.

На основании изложенного Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации сочла, что выводы суда первой инстанции об отсутствии оснований для отказа в выдаче разрешения на строительство по причине истечения трехлетнего срока градостроительного плана земельного участка до обращения с заявлением о выдаче разрешения на строительство являлись обоснованными и законными.

Определение № 302-ЭС20-16910

29. Восполнение утраченных запасов недр природной средой вследствие естественных процессов не может являться основанием для освобождения недропользователя от обязанности возместить причиненный вред государству как собственнику недр.

Уполномоченный орган по надзору в сфере природопользования обратился в арбитражный суд с иском к обществу о возмещении вреда, причиненного недрам вследствие добычи минерального сырья без оформленного в установленном законом порядке права пользования в виде лицензии на пользование недрами. В обоснование своих требований уполномоченный орган указывал на то, что нарушение обществом природоохранного законодательства повлекло существенное ухудшение качества подземных вод.

При рассмотрении дела было установлено, что в ходе производственного процесса общество производит кальцинированную, поваренную соду и основным сырьем для ее производства является рапа Сивашского месторождения. Общество не оспаривало факт добычи в спорный период полезного ископаемого без лицензии, указывая на принятие им мер к ее получению.

Постановлением административного органа общество признано виновным в совершении административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 7³ КоАП РФ с назначением штрафа, впоследствии отмененного в связи с отсутствием в действиях общества состава административного правонарушения, производство по делу об административном правонарушении прекращено.

Суд первой инстанции удовлетворил иск частично, руководствуясь положениями ст. 1064 ГК РФ, ст. 1.2, 11, 22 Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» (далее – Закон о недрах), ст. 77 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды), Правилами расчета размера вреда, причиненного недрам вследствие нарушения законодательства Российской Федерации о недрах, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 564 (далее – Правила) и исходя из разъяснений, содержащихся в п. 8

постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» (далее – постановление Пленума № 49), а также заключения проведенной по делу экспертизы, определившей размер вреда, причиненного самовольным использованием недрами (рапой) в спорный период.

Постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения арбитражным судом округа, решение суда отменено, в удовлетворении требований отказано. При этом суды исходили из того, что обществом были предприняты все зависящие от него своевременные меры по переоформлению лицензии; в период рассмотрения дела в суде первой инстанции ответчику была предоставлена лицензия на пользование недрами. Суды указали на отсутствие оснований для применения гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков, поскольку не доказан противоправный характер действий ответчика ввиду отмены постановления органа о привлечении его к административной ответственности, а также об отсутствии убытков в связи с недоказанностью факта причинения вреда окружающей среде.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Правовые и экономические основы комплексного рационального использования и охраны недр определены Законом о недрах.

В силу ст. 11 Закона о недрах предоставление недр в пользование, в том числе предоставление их в пользование органами государственной власти субъектов Российской Федерации, оформляется специальным государственным разрешением в виде лицензии. Лицензия является документом, удостоверяющим право ее владельца на пользование участком недр в определенных границах в соответствии с указанной в ней целью в течение установленного срока при соблюдении владельцем заранее оговоренных условий. Императивный метод регулирования пользования недрами проявляется в необходимости получения заинтересованными лицами специального государственного разрешения – лицензии.

Нарушение разрешительного порядка пользования природными ресурсами, использование недр без передачи их в пользование в соответствии с требованиями закона и на определенных лицензией условиях является противоправным поведением, согласно ст. 51 Закона о недрах, и влечет обязанность возместить вред государству, размер которого определяется в соответствии с Правилами.

Вредом, причиненным недрам, признается вред, повлекший утрату запасов полезных ископаемых, вызванный в том числе их загрязнением, затоплением, обводнением, пожарами, самовольным использованием недрами, а также нарушение свойств участка недр, вследствие которого невозможно строить и (или) эксплуатировать подземные сооружения, не связанные с

добычей полезных ископаемых, либо вред, причиненный особо охраняемым геологическим объектам, имеющим научное, культурное, эстетическое, санитарно-оздоровительное и иное значение (п. 2 Правил).

При рассмотрении дела общество, заявляя о недоказанности наличия вреда недрам ввиду отсутствия сведений об изменении свойств полезного ископаемого, не учло, что причинение вреда в настоящем случае обусловлено утратой запасов недр, которые оно извлекло. Восполнение недр самой природной средой не исключает обязанность возместить причиненный вред государству как собственнику недр в соответствии с предусмотренной в этих целях методикой расчета причиненного вреда недрам, размера вреда, повлекшего утрату запасов полезных ископаемых, вызванного в том числе их загрязнением, затоплением, обводнением, пожарами, самовольным использованием недрами по формуле, указанной в п. 4 Правил.

Согласно ст. 75 Закона об охране окружающей среды за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды устанавливается имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность. Вместе с тем, как разъяснено в п. 2 постановления Пленума № 49, непривлечение лица к административной, уголовной или дисциплинарной ответственности не исключает возможности возложения на него обязанности по возмещению вреда окружающей среде.

При определении размера вреда экспертом взят за основу документально подтвержденный объем полезного ископаемого, извлеченный обществом за период пользования недрами в отсутствие лицензии, определена среднерыночная стоимость 1 куб. м данного ископаемого.

На основании вышеизложенного выводы суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, положенные в основу отмены судебного акта суда первой инстанции, нельзя признать законными и обоснованными.

Определение № 310-ЭС20-15694

Споры, связанные с выполнением обязанности по надлежащему содержанию общего имущества многоквартирного дома

30. Сам по себе факт выявления строительных дефектов вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей застройщика и наличия у него обязанности по устранению допущенных нарушений в течение гарантийного срока не освобождает управляющую организацию от исполнения обязанностей, установленных законодательством и договором управления многоквартирным домом, по содержанию общего имущества такого дома в надлежащем состоянии.

На основании обращений жителей многоквартирного дома административным органом проведена внеплановая проверка по вопросу

ненадлежащего содержания общего имущества собственников помещений – стен, перекрытий, кровли.

В ходе проверки выявлены нарушения п. 7 Минимального перечня услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, порядке их оказания и выполнения, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2013 г. № 290 (далее – Минимальный перечень), а также п. 4.6.1.2 Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда, утвержденных постановлением Государственного комитета Российской Федерации по строительству и жилищно-коммунальному комплексу от 27 сентября 2003 г. № 170 (далее – Правила № 170): не произведены работы, выполняемые в целях надлежащего содержания крыши, не обеспечено надлежащее ее содержание (наличие повреждений, просветов, отверстий кровли над квартирами), в связи с чем управляющей организации выдано предписание об устранении вышеуказанных нарушений.

Не согласившись с указанным предписанием управляющая организация оспорила его в арбитражном суде.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суд кассационной инстанции отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд кассационной инстанции, исходил из того, что выявленные в кровле недостатки возникли не в результате ненадлежащего содержания общедомового имущества управляющей организацией, а являются строительными дефектами и вопрос об их устранении должен решаться между заказчиком и застройщиком в рамках гарантийных обязательств; оспариваемое предписание является неисполнимым ввиду отсутствия у управляющей организации денежных средств на проведение ремонтных работ кровли и возможности увеличить тариф, и, кроме того, для устранения выявленных нарушений необходимо проведение работ по капитальному ремонту кровли, что недопустимо в отсутствие соответствующего решения общего собрания собственников многоквартирного дома.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции, придя к следующим выводам.

В силу п. 3 ч. 1 ст. 36 ЖК РФ, а также подп. «б» п. 2 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491, крыши включены в состав общего имущества в многоквартирном доме.

По п. 7 Минимального перечня к работам, выполняемым в целях надлежащего содержания крыш многоквартирных домов относятся, кроме прочего: проверка кровли на отсутствие протечек, а при выявлении нарушений, приводящих к протечкам, – незамедлительное их устранение. В остальных случаях – разработка плана восстановительных работ (при необходимости), проведение восстановительных работ.

Согласно п. «в» ч. 6 Правил оказания услуг и выполнения работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2013 г. № 290, в целях обеспечения оказания услуг и выполнения работ, предусмотренных перечнем услуг и работ, лица, ответственные за содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме, обязаны своевременно заключать договоры оказания услуг и (или) выполнения работ по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме со сторонними организациями, в том числе специализированными, в случае, если лица, ответственные за содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме, не оказывают таких услуг и не выполняют таких работ своими силами, а также осуществлять контроль за выполнением указанными организациями обязательств по таким договорам.

Часть 2³ ст. 161 ЖК РФ предусматривает, что при управлении многоквартирным домом управляющей организацией она несет ответственность перед собственниками помещений в многоквартирном доме за оказание всех услуг и (или) выполнение работ, которые обеспечивают надлежащее содержание общего имущества в данном доме и качество которых должно соответствовать требованиям технических регламентов и установленных Правительством Российской Федерации правил содержания общего имущества в многоквартирном доме.

Кроме того, организация по обслуживанию жилищного фонда должна обеспечить исправное состояние кровли, защиту от увлажнения конструкций от протечек кровли, устранять, не допуская дальнейшего развития, деформации в различных кровельных конструкциях согласно Правилам № 170 (пп. 4.6.1.1, 4.6.1.2).

Таким образом, действующим законодательством предусмотрена безусловная обязанность управляющей организации выполнять работы, связанные с содержанием и ремонтом общего имущества, входящие в Минимальный перечень, вне зависимости от обязательств иных лиц в отношении такого имущества, а в определенных случаях – незамедлительно.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции правомерно пришел к выводу о том, что оспоренное предписание об устранении выявленных нарушений соответствует положениям действующего законодательства, не нарушает права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. При этом сам по себе факт возникновения недостатков

вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей застройщиком и наличия у него обязательств по устранению допущенных нарушений в течение гарантийного срока не устраняет установленные законодательством и договором управления обязанности управляющей организации по содержанию общего имущества в надлежащем состоянии.

Определение № 309-ЭС20-20751

***Практика применения законодательства
о правах на результаты интеллектуальной деятельности
и средства индивидуализации***

31. Суд в исключительных случаях при мотивированном заявлении ответчика вправе снизить компенсацию за нарушение исключительного права на товарный знак, определенную по правилам подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ.

Общество – правообладатель исключительного права на товарный знак обратилось в арбитражный суд с исковым заявлением к предпринимателю о взыскании компенсации за нарушение исключительного права в размере двукратной стоимости права использования товарного знака.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен частично. Суд снизил взыскиваемую компенсацию до 10 000 руб. с учетом правовой позиции, изложенной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2016 г. № 28-П.

Постановлением арбитражного апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением Суда по интеллектуальным правам, решение суда первой инстанции изменено, исковые требования удовлетворены в полном объеме. Суды сочли, что отсутствует основание для снижения размера компенсации ниже низшего предела – одновременное нарушение исключительных прав на несколько объектов интеллектуальной собственности, поскольку истцом предъявлено требование о защите исключительного права на один товарный знак.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации судебные акты отменила, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 4 ст. 1515 ГК РФ правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 61 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10

«О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», заявляя требование о взыскании компенсации в двукратном размере стоимости права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации либо в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров (товаров), истец должен представить расчет и обоснование взыскиваемой суммы, а также документы, подтверждающие стоимость права использования либо количество экземпляров (товаров) и их цену. В случае невозможности представления доказательств истец вправе ходатайствовать об истребовании таких доказательств у ответчика или третьих лиц.

Если правообладателем заявлено требование о выплате компенсации в двукратном размере стоимости права использования произведения, объекта смежных прав, изобретения, полезной модели, промышленного образца или товарного знака, то определение размера компенсации осуществляется исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное их использование тем способом, который использовал нарушитель.

Определение размера компенсации относится к прерогативе суда, рассматривающего спор по существу, который определяет размер компенсации в пределах, установленных ГК РФ, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости.

С учетом характера допущенного нарушения и тяжелого материального положения ответчика и при наличии соответствующего заявления от него суд вправе снизить размер компенсации ниже установленной подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ величины. Данная правовая позиция отражена в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июля 2020 г. № 40-П.

Поскольку формула расчета размера компенсации, определяемого исходя из двукратной стоимости права использования соответствующего товарного знака, императивно определена законом, то доводы ответчика о несогласии с заявленным истцом расчетом размера компенсации могут основываться на оспаривании указанной истцом цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование права, и подтверждаться соответствующими доказательствами, обосновывающими иной размер стоимости этого права.

Вместе с тем определение судом суммы компенсации в размере двукратной стоимости права в меньшем размере по сравнению с заявленным требованием, если суд определяет размер компенсации на основании установленной им стоимости права, которая оказалась меньше, чем заявлено истцом, не является снижением размера компенсации.

Представление в суд лицензионного договора (иных договоров) не предполагает, что компенсация во всех случаях должна быть определена судом в двукратном размере цены указанного договора (стоимости права

использования), поскольку с учетом норм п. 4 ст. 1515 ГК РФ за основу рассчитываемой компенсации должна быть принята цена, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование соответствующего товарного знака тем способом, который использовал нарушитель.

Ответчик вправе оспорить рассчитанный на основании лицензионного договора размер компенсации путем обоснования иной стоимости права использования соответствующего товарного знака, исходя из существа нарушения, условий этого договора либо иных доказательств, в том числе иных лицензионных договоров и заключения независимого оценщика.

В случае если размер компенсации рассчитан истцом на основании лицензионного договора, то суд соотносит условия указанного договора и обстоятельства допущенного нарушения: срок действия лицензионного договора; объем предоставленного права; способы использования права по договору и способ допущенного нарушения; перечень товаров и услуг, в отношении которых предоставлено право использования и в отношении которых допущено нарушение (применительно к товарным знакам); территория, на которой допускается использование (Российская Федерация, субъект Российской Федерации, или иная территория); иные обстоятельства.

Следовательно, арбитражный суд может определить другую стоимость права использования соответствующего товарного знака тем способом и в том объеме, в котором его использовал нарушитель, и, соответственно, иной размер компенсации по сравнению с размером, заявленным истцом.

При этом установление размера компенсации, рассчитанного на основании подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, ниже установленных законом пределов (в том числе двойной стоимости права использования товарного знака) возможно лишь в исключительных случаях и при мотивированном заявлении ответчика (с учетом абзаца третьего п. 3 ст. 1252 ГК РФ и правовой позиции, изложенной в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2016 г. № 28-П и 24 июля 2020 г. № 40-П).

Определение № 310-ЭС20-9768

Практика применения законодательства о защите конкуренции

32. Корректировка заказчиком цены контракта, предложенной лицом, применяющим упрощенную систему налогообложения, при проведении закупки, а также при заключении государственного или муниципального контракта с таким участником размещения заказа не допускается, и поставленные товары (выполненные работы, оказанные услуги) оплачиваются по цене, указанной в контракте.

Предъявляя претензии к закупочной документации учреждения, антимонопольный орган не вправе действовать вопреки публично-

правовым целям механизма защиты прав участников закупки, установленного главой 6 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и создавать необоснованные препятствия нормальной деятельности заказчика.

Учреждением проведен электронный аукцион на право заключения контракта на поставку оргтехники, победителем которого признано общество.

Проект контракта направлен учреждением в адрес общества с указанием предложенной им цены и выделенной из него суммой налога на добавленную стоимость (далее – НДС). Общество, в свою очередь, предложило исключить из контракта указание на то, что в его цене выделен НДС, поскольку общество не является плательщиком этого налога, а применяет упрощенную систему налогообложения.

Учреждение не согласилось с предлагаемыми изменениями, что послужило основанием для обращения общества с жалобой в антимонопольный орган.

Антимонопольный орган признал обоснованным доводы общества, посчитав, что отказ учреждения исключить из проекта контракта указание о сумме НДС в цене, не соответствует требованиям ч. 1 ст. 34 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (Закон № 44-ФЗ).

Кроме того, антимонопольным органом выявлен ряд нарушений в действиях учреждения. По мнению антимонопольного органа, учреждение допустило нарушение требований ч. 6 ст. 31, ч. 1 ст. 64, ч. 7 ст. 42, ч. 50 ст. 112 Закона № 44-ФЗ, включив в конкурсную документацию требование к участникам закупки о том, что подача заявок на участие в электронном аукционе осуществляется только лицами, зарегистрированными в единой информационной системе и аккредитованными на электронной площадке; предусмотрев в конкурной документации возможность внесения участниками закупки банковской гарантии в качестве обеспечения заявки на участие в аукционе.

Учреждение обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решений антимонопольного органа незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требований учреждения отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила требования учреждения по следующим основаниям.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 34 Закона № 44-ФЗ (в редакции, действующей в период проведения торгов), по общему правилу, контракт

заключается на условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки или приглашением принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), документацией о закупке, заявкой, окончательным предложением участника закупки, с которым заключается контракт.

При заключении контракта указывается, что цена контракта является твердой и определяется на весь срок исполнения контракта, а в случаях, установленных Правительством Российской Федерации, указываются ориентировочное значение цены контракта либо формула цены и максимальное значение цены контракта, установленные заказчиком в документации о закупке. При заключении и исполнении контракта изменение его условий не допускается, за исключением случаев, предусмотренных ст. 34 и 95 Закона № 44-ФЗ (ч. 2 ст. 34 Закон № 44-ФЗ).

С учетом приведенных положений Закона о контрактной системе любой участник закупки, в том числе тот, который освобожден от уплаты НДС и применяет упрощенную систему налогообложения, вправе участвовать в закупке для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Контракт по итогам процедур закупки заключается и оплачивается заказчиком по цене, предложенной участником закупки, с которым заключается контракт, вне зависимости от применяемой данным участником системы налогообложения.

При этом указание заказчиком в проекте контракта цены, включающей НДС, не возлагает на участника закупки, применяющего упрощенную систему налогообложения, безусловной обязанности по исчислению и уплате НДС. В силу п. 5 ст. 173 НК РФ и правовой позиции, выраженной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июня 2014 г. № 17-П, такого рода обязанность может возникнуть лишь при выставлении налогоплательщиком по своей инициативе счета-фактуры с выделенной в нем суммой налога.

Таким образом, указание учреждением в проекте контракта цены, включающей НДС, не противоречит законодательству о контрактной системе и законодательству о налогах и сборах, и не могло нарушить права победителя закупки, применяющего упрощенную систему налогообложения.

Согласно чч. 46 и 47 ст. 112 Закона № 44-ФЗ ведение единого реестра участников закупок осуществляется с 1 января 2019 г. и в период с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2019 г. включительно аккредитованные ранее на электронных площадках участники закупок для участия в электронных процедурах обязаны пройти регистрацию в единой информационной системе.

В силу ч. 50 ст. 112 Закона № 44-ФЗ по 31 декабря 2019 г. включительно подача заявок на участие в электронных процедурах и участие в таких процедурах осуществляются в том числе лицами, которые аккредитованы до 1 января 2019 г. на электронной площадке, информация и документы которых включены в реестр, предусмотренный ст. 62 Закона

№ 44-ФЗ. При этом регистрация в единой информационной системе не требуется.

Вышеприведенные положения Закона № 44-ФЗ позволяют сделать вывод о том, что заявки на участие в спорном аукционе могли быть поданы как лицами, зарегистрированными в единой информационной системе, так и аккредитованными на электронной площадке до 1 января 2019 г.

В данном случае спорное положение аукционной документации не противоречит законодательству о контрактной системе, поскольку содержит общее правило для участников электронного аукциона, установленное ч. 1 ст. 66 Закона № 44-ФЗ. Оно не повлияло на результаты определения поставщика (подрядчика, исполнителя), участниками закупки не обжаловано, отсутствует нарушение прав и законных интересов третьих лиц.

Таким образом, у антимонопольного органа отсутствовали правовые основания для признания учреждения нарушившим положения ч. 6 ст. 31 Закона № 44-ФЗ.

Согласно ч. 2 ст. 44 Закона № 44-ФЗ обеспечение заявки на участие в конкурсе или аукционе может предоставляться участником закупки в виде денежных средств или банковской гарантии.

Подпунктом 1 п. 9 разд. 2 «Общие сведения о закупке» документации об электронном аукционе предусмотрено, что обеспечение заявки на участие в аукционе может предоставляться участником закупки в виде денежных средств или банковской гарантии. При этом положением документации отмечено, что выбор способа обеспечения заявки на участие в аукционе осуществляется участником закупки, если такой способ обеспечения заявок применим в соответствии с Законом № 44-ФЗ.

В подпункте 8 п. 9 разд. 2 «Общие сведения о закупке» документации об электронном аукционе предусмотрено, что при проведении электронного аукциона денежные средства, предназначенные для обеспечения заявок, вносятся участниками закупок на специальные счета, открытые ими в банках, перечень которых установлен Правительством Российской Федерации.

Следовательно, указание в аукционной документации на наличие специального счета и обеспечение заявки в виде банковской гарантии с примечанием о том, что «если такой способ обеспечения заявки применим в соответствии с Законом № 44-ФЗ», не входит в противоречие с законодательством. Положения аукционной документации сформированы способом, не приводящим к ограничению прав участников закупки, поскольку участник спорной закупки, руководствуясь требованиями Закона № 44-ФЗ, должен был предоставить обеспечение заявки на участие в рассматриваемом аукционе только путем внесения денежных средств.

При этом из материалов дела не следует, что кто-либо из участников конкурса вместо внесения денежных средств представил обеспечение в виде банковской гарантии. Равным образом, антимонопольным органом не представлены сведения, подтверждающие невозможность подачи заявки на

участие в аукционе именно из-за указания в аукционной документации на обеспечение заявки в виде банковской гарантии.

Таким образом, положения документации электронного аукциона об обеспечении заявки в виде банковской гарантии не могли повлиять на результаты проведения аукциона, поскольку по указанным основаниям заявки участников не отклонялись, всеми участниками аукциона представлены надлежащие подтверждения обеспечения заявок.

Определение № 305-ЭС20-18251

Практика применения законодательства о налогах и сборах

33. Получение лизинговой компанией иных доходов помимо лизинговых платежей само по себе не может являться основанием для отказа в применении специальных правил определения коэффициента капитализации, установленных в п. 2 ст. 269 НК РФ для лизинговых компаний, применяемого для исчисления предельной величины процентов, учитываемых по налогу на прибыль организаций.

Между иностранной компанией (далее – кредитор) и обществом (далее – налогоплательщик) заключены генеральные кредитные соглашения, по условиям которых налогоплательщик вправе запрашивать у кредитора отдельные суммы на возвратной основе (кредитные линии). Названные соглашения предусматривали, что кредит не является целевым и будет использоваться налогоплательщиком как для финансирования новых арендных продуктов, займов и (или) любых иных финансовых продуктов, так и для финансирования повседневных потребностей налогоплательщика. При этом кредитор являлся «сестринской» иностранной компанией по отношению к налогоплательщику.

В рамках исполнения генеральных кредитных соглашений налогоплательщик получал денежные средства в долг, начислял и уплачивал проценты по долговым обязательствам, выраженные в долларах США и в российских рублях соответственно.

По результатам налоговой проверки налоговый орган пришел к выводу, что задолженность налогоплательщика по указанным кредитным соглашениям является контролируемой и к данной задолженности подлежат применению положения п. 2 ст. 269 НК РФ.

По мнению налогового органа, налогоплательщиком не были соблюдены установленные п. 2 ст. 269 НК РФ ограничения для вычета процентов, начисленных по соглашениям, а также не исполнена обязанность налогового агента при выплате процентов, что послужило основанием для доначисления соответствующих сумм налога на прибыль организаций (налога на доходы иностранных организаций), пени и штрафов, а также отказа в переносе накопленного убытка.

Свои выводы налоговый орган обосновал расчетом коэффициента капитализации, определенного путем деления величины непогашенной контролируемой задолженности по соглашениям по состоянию на конец соответствующего налогового периода (календарного года) на величину собственного капитала налогоплательщика, и деления полученного результата на три.

Налогоплательщик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды пришли к выводу, что применение коэффициента капитализации с применением делителя, равного двенадцати с половиной, применяются при условии, что налогоплательщиком осуществляется исключительно лизинговая деятельность, в то время как налогоплательщик в охваченный период проверки имел доходы от иной деятельности. Кроме того, положения п. 2 ст. 269 НК РФ не ставят применение специальных правил определения коэффициента капитализации в зависимость от объема доходов, полученных лизинговой организацией от иных операций. В этой связи суд признал несостоятельным довод налогоплательщика о том, что доходы в виде лизинговых платежей в рассматриваемый период составили более 90 процентов от общей величины доходов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, отметив следующее.

Согласно п. 2 ст. 269 НК РФ при наличии у налогоплательщика – российской организации непогашенной задолженности по долговому обязательству перед иностранной организацией, прямо или косвенно владеющей более чем 20 процентами уставного (складочного) капитала (фонда) этой российской организации, либо по долговому обязательству перед российской организацией, признаваемой в соответствии с законодательством Российской Федерации аффилированным лицом указанной иностранной организации, а также по долговому обязательству, в отношении которого такое аффилированное лицо и (или) непосредственно эта иностранная организация выступают поручителем, гарантом или иным образом обязуются обеспечить исполнение долгового обязательства российской организации, такая задолженность в целях обложения налогом на прибыль организаций признается контролируемой задолженностью перед иностранной организацией.

В соответствии с абзацем первым п. 3 и п. 4 ст. 269 НК РФ в состав расходов при исчислении налога на прибыль российской организации включаются проценты по контролируемой задолженности, рассчитанные в соответствии с п. 2 ст. 269 НК РФ, но не более фактически начисленных процентов (предельные проценты), а положительная разница между

начисленными процентами и предельными процентами приравнивается в целях налогообложения к дивидендам.

Воля законодателя в данном случае состоит в исключении возможности вывода прибыли из-под налогообложения в иностранные юрисдикции в результате манипулирования способами привлечения капитала, а именно: в ситуациях, когда источником происхождения финансирования выступает иностранная организация, доминирующая в различных формах в деятельности российской организации-заемщика, и капитализация российской организации-заемщика признается недостаточной для привлечения долгового финансирования.

Из установленных п. 2 ст. 269 НК РФ правил определения коэффициента капитализации при этом следует, что законодатель признает допустимость более высокого уровня долговой нагрузки для банков и лизинговых компаний, не усматривая признаки манипулирования формой финансирования (предоставление финансовых средств в долг вместо увеличения капитала) в ситуациях, когда величина привлеченных в долг средств по контролируемой задолженности соотносится с собственным капиталом налогоплательщика в пределах двенадцати с половиной раз.

Следовательно, установление в п. 2 ст. 269 НК РФ особого порядка определения коэффициента капитализации для банков и лизинговых компаний обусловлено особенностями природы экономической деятельности данной категории налогоплательщиков, состоящей в привлечении финансовых средств, их размещении с намерением получить прибыль – предоставлении финансирования иным участникам оборота в денежной форме (займы и кредиты), либо в натуральной форме (приобретение имущества в интересах иных лиц с последующей передачей им для пользования и (или) выкупа).

Принимая во внимание изложенное, если налогоплательщик является лизинговой компанией в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)», отказ налогового органа от применения специальных правил определения коэффициента капитализации (применение делителя, равного трем вместо двенадцати с половиной) не должен быть произвольным, и в отношении налоговых периодов до 1 января 2017 г. допустим при условии, что по результатам мероприятий налогового контроля установлен факт ведения налогоплательщиком иной экономической деятельности, не связанной с извлечением прибыли от предоставления финансирования иным участникам оборота. Это предполагает необходимость исследования обстоятельств получения налогоплательщиком соответствующих доходов от реализации товаров (работ, услуг), их связи с достижением целей лизинга, оценки действительного экономического смысла совершенных операций.

Вопреки позиции налогового органа само по себе получение лизинговой компанией иных доходов помимо лизинговых платежей не означает,

что одновременно налогоплательщиком велась иная экономическая деятельность, а соответствующие доходы – являются результатом ее ведения.

В равной мере для лизинговых компаний не исключается возможность получения внереализационных доходов (например, дивидендов, договорных неустоек и штрафов, процентов по банковским депозитам, курсовых разниц), которые по смыслу ст. 250 НК РФ возникают при ведении экономической деятельности любого хозяйствующего субъекта, но, как правило, не образуют самостоятельного вида экономической деятельности.

Таким образом, выводы судов о правомерности отказа налогового органа в применении специальных правил определения коэффициента капитализации (исчислении названного коэффициента с применением делителя, равного трем вместо двенадцати с половиной) и соблюдении установленного законом порядка определения доначислений, произведенных по результатам выездной налоговой проверки, сделаны при неправильном применении п. 2 ст. 269 НК РФ и при существенном нарушении судами положений ч. 3 ст. 9, ст. 71, ч. 1 ст. 168, ч. 4 ст. 170 и ч. 4 ст. 200 АПК РФ.

Определение № 305-ЭС20-16100

34. Применение налоговых вычетов НДС не допускается, если налогоплательщик участвовал в согласованных с иными лицами действиях, направленных на неправомерное уменьшение налоговой обязанности за счет искусственного наращивания стоимости товаров (работ, услуг) без формирования источника вычета (возмещения) налога, или во всяком случае, если ему было известно о действиях иных лиц, уклоняющихся от уплаты НДС в процессе обращения товаров (работ, услуг).

По результатам налоговой проверки общества налоговым органом вынесено решение, согласно которому обществу доначислен налог на добавленную стоимость (НДС) и налог на доходы физических лиц, начислены суммы пеней, а также взысканы штрафы, предусмотренные ст. 122 и 123 НК РФ. Кроме того, решением установлено неправомерное излишнее возмещение обществом НДС из бюджета.

Основанием для вынесения указанного решения послужил вывод налогового органа о том, что не все из перечисленных налогоплательщиком в оплату зерна денежные средства направлялись обществом на закупку кормов у реальных поставщиков. Часть из указанных средств перечислялись на расчетные счета юридических лиц, обладающих признаками не уплачивающих налоги «технических» организаций, после чего в течение нескольких дней направлялись на расчетные счета иных организаций, подконтрольных налогоплательщику, и в итоге возвращались налогоплательщику в виде займа.

Не согласившись с решением налогового органа, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды признали правомерным решение налогового органа в части доначисления НДС по эпизодам взаимоотношений налогоплательщика с двумя организациями и исходили из того, что хозяйственные операции в части средств, впоследствии перечисленных «техническим» компаниям, подконтрольным обществу, направлены на искусственное увеличение стоимости приобретаемых товаров (работ) и получение необоснованной налоговой выгоды за счет неправомерного вычета (возмещения) НДС в отсутствие экономического источника.

Суд кассационной инстанции отменил в указанной части судебные акты, отметив, что налоговым органом не представлены доказательства того, что налогоплательщик не произвел закупку сырья в соответствующих объемах (доказательства нереальности хозяйственной деятельности с «поставщиком первого звена»), в связи с чем обществом соблюдены установленные ст. 171–172 НК РФ условия для вычета налога.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, учитывая следующее.

По своей экономико-правовой природе НДС является косвенным налогом на потребление товаров (работ, услуг), взимаемым на каждой стадии их производства и реализации субъектами хозяйственного оборота до передачи потребителю, исходя из стоимости (цены), добавленной на каждой из указанных стадий, и перелагаемым на потребителей в цене реализуемых им товаров, работ и услуг.

Обусловленная природой НДС стадийность взимания данного налога в процессе производства и коммерческой реализации товаров (работ, услуг) предполагает, что использование права на вычет налога покупателем предопределяется непрерывным предъявлением налога по мере движения товаров (работ, услуг) от одного хозяйствующего субъекта к другому (п. 1 ст. 168 НК РФ) и принятием в связи с этим каждым из участников оборота обязанности по уплате в бюджет предъявляемых сумм налога (п. 1 ст. 173 НК РФ). Соответственно, отказ в праве на налоговый вычет может иметь место, если процесс реализации товаров (работ, услуг) не сопровождается соблюдением корреспондирующей этому праву обязанности по уплате НДС в бюджет в денежной форме, на что обращено внимание в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 4 ноября 2004 г. № 324-О.

Таким образом, поскольку применение налогоплательщиками – покупателями вычетов НДС влечет уменьшение размера их налоговой обязанности и является формой налоговой выгоды, обоснованность получения этой выгоды может являться предметом оспаривания по основаниям, связанным со злоупотреблением правом, допущенным лицами, участвующими в обращении товаров (работ, услуг), и подлежит оценке судом с учетом необходимости реализации в правоприменительной практике таких публичнозначимых целей, вытекающих из положений пп. 1 и 3 ст. 3 НК РФ, как поддержание стабильности налоговой системы, стимулирование участников оборота к вступлению в договорные отношения преимущественно с контрагентами, ведущими реальную хозяйственную деятельность и уплачивающими налоги, обеспечение нейтральности налогообложения по отношению ко всем плательщикам НДС, которые действовали осмотрительно в хозяйственном обороте и не участвовали в уклонении от налогообложения.

Как указано в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» (далее – постановление Пленума № 53), в признании обоснованности получения налоговой выгоды может быть отказано, если судом установлено, что главной целью, преследуемой налогоплательщиком, являлось получение дохода исключительно или преимущественно за счет налоговой выгоды в отсутствие намерения осуществлять реальную экономическую деятельность (пп. 4 и 9) или в случаях, когда налоговым органом будет доказано, что налогоплательщик действовал без должной осмотрительности и осторожности и ему должно было быть известно о нарушениях, допущенных контрагентом (п. 10).

Принимая во внимание изложенное, к обстоятельствам, подлежащим установлению при оспаривании правомерности применения налоговых вычетов по основаниям, связанным с отсутствием экономического источника для вычета (возмещения) НДС налогоплательщиком-покупателем, помимо данного факта также относится реальность приобретения товаров (работ, услуг) налогоплательщиком для осуществления своей облагаемой налогом деятельности, и то, преследовал ли налогоплательщик-покупатель цель уклонения от налогообложения в результате согласованных с иными лицами действий, знал или должен был знать о допущенных этими лицами нарушениях.

Суды первой и апелляционной инстанций установили обстоятельства, дающие основания полагать, что экономический источник вычета (возмещения) НДС налогоплательщиком в части стоимости товаров и строительно-монтажных работ, сформированной организациями, участвовавшими в транзитном перечислении денежных средств, в бюджете не создан, поскольку за незначительным налоговым бременем этих

организаций стоял вывод денежных средств по фиктивным документам, а не реальная экономическая деятельность.

В сложившейся ситуации при рассмотрении вопроса о том, могут ли негативные последствия неуплаты НДС «техническими» компаниями быть возложены на налогоплательщика-покупателя в соответствии с пп. 4 и 9 постановления Пленума № 53, в частности, имеет значение установление факта причастности налогоплательщика к нарушениям, допущенным в процессе обращения товаров (работ, услуг), то есть направленность действий налогоплательщика на получение экономического эффекта за счет непосредственного участия в уклонении от уплаты НДС совместно с лицами, не осуществлявшими реальной экономической деятельности, а равно информированность налогоплательщика о допущенных этими лицами нарушениях. При установлении названных обстоятельств само по себе реальное исполнение операций по реализации товаров (работ, услуг) непосредственным контрагентом налогоплательщика («контрагентом первого звена») не позволяет налогоплательщику-покупателю претендовать на получение налоговой выгоды в отсутствие экономического источника вычета (возмещения) налога.

Вышеназванный подход, выработанный в судебной практике, по существу, не был изменен федеральным законодателем, определившим пределы осуществления прав налогоплательщиками в ст. 54¹ НК РФ (введена Федеральным законом от 18 июля 2017 г. № 163-ФЗ), по смыслу п. 1 которой налогоплательщик отвечает за искажения сведений о фактах хозяйственной деятельности (совокупности таких фактов), в которых он участвовал.

Следовательно, как и ранее, в условиях действующего в настоящее время законодательного регулирования исключается возможность применения налоговых вычетов НДС полностью или в соответствующей части в ситуациях, когда налогоплательщик участвовал в согласованных с иными лицами действиях, направленных на неправомерное уменьшение налоговой обязанности за счет искусственного наращивания стоимости товаров (работ, услуг) без формирования источника вычета (возмещения) налога, или во всяком случае, если ему было известно о действиях иных лиц, уклоняющихся от уплаты НДС в процессе обращения товаров (работ, услуг).

В данном случае налоговая выгода в форме вычета (возмещения) НДС рассматривалась обществом в качестве самостоятельной неправомерной цели при том, что ее достижение было сопряжено с допущенными в предшествующих звеньях обращения товаров (работ, услуг) нарушениями при уплате НДС, организованными с участием самого налогоплательщика. В соответствии с пп. 4 и 9 постановления Пленума № 53 это свидетельствует о необоснованности налоговой выгоды, полученной обществом при применении налоговых вычетов в соответствующей части.

35. Приобретение товаров у организации, признанной несостоятельной (банкротом), само по себе не лишает покупателя права на вычеты предъявленных ему сумм НДС, если не установлено участие налогоплательщика в получении необоснованной налоговой выгоды в результате совместных с поставщиком и иными лицами действий.

При исчислении НДС за отчетный период общество приняло к вычету сумму налога, предъявленную при приобретении у организации молока на основании договора поставки. На момент заключения договора организация была признана несостоятельной (банкротом), и в отношении нее открыто конкурсное производство.

По результатам налоговой проверки налоговым органом установлено, что спорная сумма НДС принята к вычету с нарушением требований подп. 15 п. 2 ст. 146 НК РФ (в редакции Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 366-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»), согласно которому не признаются объектом обложения НДС операции по реализации имущества и (или) имущественных прав должника, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации несостоятельными (банкротами). На основании изложенного налоговый орган пришел к выводу об отсутствии предусмотренных п. 2 ст. 171 НК РФ оснований для вычета сумм НДС у общества по необлагаемым операциям и принял решение о привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения по п. 1 ст. 122 НК РФ в виде штрафа, а также доначислении НДС и пеней.

Не согласившись с вынесенным решением налогового органа, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного решения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды исходили из того, что на момент совершения хозяйственных операций общество было информировано о том, что товар приобретается им у организации, признанной банкротом, и при должной степени осмотрительности общество имело возможность из общедоступных источников получить сведения о финансовом положении контрагента. В частности, на сайте Единого федерального реестра сведений о банкротстве размещен отчет арбитражного управляющего организации, согласно которому сумма предъявленных требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, свидетельствует о недостаточности имущества поставщика для удовлетворения требований кредиторов. Кроме того, суды сослались на то обстоятельство, что организация не уплатила в бюджет сумму НДС, предъявленную обществом при реализации

молока, поскольку в уточненных налоговых декларациях поставщика по НДС соответствующие начисления сумм налога исключены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, обратив внимание на следующее.

Вопрос о правомерности применения налоговых вычетов покупателями в случаях, когда поставщик в соответствии с законодательством Российской Федерации признан несостоятельным (банкротом), являлся предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации при принятии постановления от 19 декабря 2019 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности подпункта 15 пункта 2 статьи 146 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Центрального округа» (далее – постановление № 41-П), которым положения подп. 15 п. 2 ст. 146 НК РФ признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст. 1 (ч. 1), 2, 8, 19 (чч. 1 и 2), 34 (ч. 1), 35 (чч. 1 и 2) и 57, в той мере, в какой неопределенность их нормативного содержания не обеспечивает в правоприменительной практике его единообразного понимания и, следовательно, истолкования и применения во взаимосвязи с законодательством Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве), чем порождает возможность неоднозначного решения вопроса о праве налогоплательщика воспользоваться налоговым вычетом в отношении сумм НДС, предъявленных организацией, признанной несостоятельной (банкротом), при реализации ему продукции, произведенной в процессе текущей хозяйственной деятельности данной организации.

Как отмечено в постановлении № 41-П, право налогоплательщика на налоговый вычет не может быть обусловлено исполнением непосредственными контрагентами (продавцами, поставщиками) и предшествующими им лицами своей обязанности по уплате налога на добавленную стоимость, а также финансово-экономическим положением и поведением третьих лиц. Иное, вопреки конституционному принципу равенства (ст. 19 Конституции Российской Федерации) и связанному с ним принципу поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, могло бы лишить налогоплательщиков предсказуемости последствий исполнения ими закона.

Констатируя применимость данной правовой позиции к ситуациям, когда налог предъявлен поставщиком, находящимся в процедуре конкурсного производства, Конституционный Суд Российской Федерации указал в постановлении № 41-П (п. 5 мотивировочной части), что отказ в праве на вычет по НДС покупателям продукции организации-банкрота, когда сумма налога была предъявлена покупателям в счете-фактуре, может иметь для них неоднозначные социально-экономические последствия, в том числе в нарушение конституционных установлений о правовом и социальном государстве, о равенстве всех перед законом и судом и об обязанности

каждого платить лишь законно установленные налоги. В качестве средства, позволяющего в данном случае предотвратить злоупотребления налогоплательщиков, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, могут выступать положения ст. 54¹ «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов» НК РФ. Так, в частности, основания для налоговых вычетов отсутствуют, если имеют место искажения сведений о фактах хозяйственной жизни, об объектах налогообложения, подлежащих отражению в соответствующем учете налогоплательщика, а равно если основной целью сделки (операции) являются неуплата (неполная уплата) и (или) зачет (возврат) суммы налога.

Принимая во внимание изложенное, судам следовало установить, являлось ли для налогоплательщика-покупателя заведомо ясным, что организация, продолжившая ведение своей хозяйственной деятельности после открытия конкурсного производства, не имеет объективной возможности уплатить НДС при реализации молока, и в том случае, когда имущества должника оказалось недостаточно для уплаты НДС по текущим обязательствам – дать оценку поведению уполномоченного налогового органа в ходе производства по делу о банкротстве, установив, принимались ли уполномоченным органом меры к прекращению организацией, признанной несостоятельной (банкротом), хозяйственной деятельности, в процессе которой производилось и реализовывалось молоко.

При этом из содержания постановления № 41-П следует, что вывод о заведомой неуплате НДС поставщиком-банкротом не может вытекать из самого факта открытия в отношении поставщика процедуры конкурсного производства, а допустим при условии, что налоговым органом будет установлено участие покупателя в получении необоснованной налоговой выгоды в результате совместных с поставщиком и иными лицами действий, с учетом критериев обоснованности налоговой выгоды, закрепленных в ст. 54.1 НК РФ и в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды».

Это подразумевает необходимость доказывания налоговым органом факта причастности налогоплательщика к нарушениям, допущенным в процессе обращения товаров (работ, услуг) – направленность действий налогоплательщика на получение экономического эффекта за счет непосредственного участия в уклонении от уплаты НДС совместно с лицами, не осуществлявшими реальной экономической деятельности, а равно информированность налогоплательщика о допущенных этими лицами нарушениях. Например, исключается возможность применения налоговых вычетов НДС полностью или в соответствующей части в ситуациях, когда налогоплательщик участвовал в согласованных с иными лицами действиях, направленных на неправомерное уменьшение налоговой обязанности за счет

искусственного наращивания стоимости товаров (работ, услуг) без формирования источника вычета (возмещения) налога, или, если ему было известно о действиях иных лиц, уклоняющихся от уплаты НДС в процессе обращения товаров (работ, услуг).

В данном случае налогоплательщик последовательно указывал, что приобретал молоко у организации для ведения облагаемой НДС деятельности, а именно – в целях оптовой продажи молока и производства молочной продукции, что в соответствии с п. 2 ст. 171 НК РФ является основанием для принятия к вычету сумм налога, предъявленных контрагентом в уплаченной ему цене.

Какие-либо обстоятельства, подтверждающие участие налогоплательщика в совместных с организацией действиях, направленных на получение необоснованной налоговой выгоды за счет применения вычетов НДС при приобретении молока, суды не установили. В частности, из материалов дела не следует, что налогоплательщик является взаимозависимым (заинтересованным) лицом по отношению к организации, а равно по отношению к контролирующим лицам поставщика и (или) выступает бенефициаром (выгодоприобретателем) незаконных сделок, совершенных с участием поставщика.

Таким образом, ссылаясь на недостаточность имущества должника для удовлетворения требований кредиторов, суды не учли позицию Конституционного Суда Российской Федерации, вменив в вину обществу сам факт вступления в хозяйственные отношения с организацией-банкротом, что в силу постановления № 41-П является недопустимым.

Определение № 301-ЭС20-19679

36. Застройщик, осуществляющий строительство многоквартирного дома в рамках договора участия в долевом строительстве, вправе определять налоговую базу по налогу на прибыль организаций, исходя из итоговой величины финансового результата от использования средств дольщиков по целевому назначению, который рассчитывается в целом по объекту строительства.

По результатам налоговой проверки уточненной налоговой декларации по налогу на прибыль за отчетный период налоговый орган вынес решение, в соответствии с которым обществу доначислен налог на прибыль организаций, пени, а также общество привлечено к ответственности на основании п. 1 ст. 122 НК РФ в виде штрафа.

Основанием для вынесения указанного решения послужил вывод инспекции о том, что, являясь застройщиком многоквартирного дома, для строительства которого привлекались денежные средства дольщиков в соответствии с положениями Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и

иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ), общество в целях исчисления налога на прибыль по завершении строительства спорного дома неправомерно определило налоговую базу по объекту строительства в целом как совокупную разницу доходов и расходов, связанных со строительством жилого комплекса за налоговый период. По мнению налогового органа, застройщик обязан определять финансовый результат по каждому отдельному объекту договора долевого участия в строительстве – помещению (квартире). При этом средства, полученные по договорам долевого участия, являются источником целевого финансирования, следовательно, сумма экономии по результатам строительства является платой за услуги, включаемой в налоговую базу, а убытки в связи с превышением затрат над суммой целевого финансирования, не включаются в состав расходов. При суммировании экономии по каждому дольщику отрицательный результат принимается равным нулю, так как недостаточность целевых средств застройщик восполнил своими средствами, отнести которые к расходам, уменьшающим доходы, не было оснований.

Не согласившись с указанным решением налогового органа, общество оспорило его в арбитражном суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано. Суды согласились с выводом налогового органа об обязанности застройщика определять финансовый результат по каждому договору долевого участия, при этом убытки, полученные в виде превышения затрат на строительство объекта недвижимости над суммой средств целевого финансирования по каждому участнику долевого строительства в состав расходов не включаются.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила требования общества в связи со следующим.

Согласно ст. 247 НК РФ объектом налогообложения по налогу на прибыль организаций признается прибыль, полученная налогоплательщиком. При этом прибылью для российских организаций, не являющихся участниками консолидированной группы налогоплательщиков, признаются полученные доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов.

На основании подп. 14 п. 1 ст. 251 НК РФ при определении налоговой базы не учитываются доходы в виде имущества, полученного налогоплательщиком в рамках целевого финансирования, к которым, в частности, относятся аккумулированные на счетах организации-застройщика средства дольщиков и (или) инвесторов.

Подпунктом 17 ст. 270 НК РФ установлено, что расходы в виде стоимости имущества, переданного в рамках целевого финансирования,

при определении налоговой базы по налогу на прибыль организаций не учитываются.

Средства, использованные не по целевому назначению, образуют внереализационный доход налогоплательщика (п. 14 ст. 250 НК РФ).

Анализ вышеназванных положений законодательства позволяет сделать вывод о том, что для организаций-застройщиков установлены специальные правила налогообложения, предполагающие отражение в регистрах налогового учета не доходов и расходов от реализации помещений (квартир), а определение налоговой базы исходя из итоговой величины финансового результата (прибыли или убытка). При этом критерием определения финансового результата является использование полученных от дольщиков средств по целевому назначению.

Закон № 214-ФЗ определяет объект долевого строительства как жилое или нежилое помещение, машино-место, подлежащее передаче участнику долевого строительства и входящее в состав многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости, строящихся (создаваемых) также с привлечением денежных средств участника долевого строительства (п. 2 ст. 2) и устанавливает право застройщика на привлечение денежных средств участников долевого строительства для строительства (создания) многоквартирного дома или нескольких многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, в состав которых входят объекты долевого строительства (п. 1 ст. 3).

Согласно п. 1 ст. 18 Закона № 214-ФЗ денежные средства, уплачиваемые участниками долевого строительства по договору, подлежат использованию застройщиком на ограниченный перечень целей, в том числе на строительство (создание) одного многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости, в состав которых входят объекты долевого строительства, в соответствии с проектной документацией или возмещение затрат на их строительство (создание).

В Законе № 214-ФЗ отсутствуют положения, которые бы определяли целевой характер использования средств дольщиков с оплатой строительства (возмещением расходов застройщика на строительство) только тех объектов (помещений), которые подлежат передаче конкретным дольщикам.

Таким образом, указанные положения НК РФ и Закона № 214-ФЗ свидетельствуют о том, что финансовый результат застройщика от использования средств дольщиков по целевому назначению определяется в целом по объекту строительства (многоквартирному дому).

Определение № 309-ЭС20-17578

***Практика применения положений Кодекса Российской Федерации
об административных правонарушениях***

37. Срок давности привлечения к административной ответственности за правонарушение, ответственность за которое установлена ч. 1 ст. 10.6 КоАП РФ, при вынесении постановления об административном правонарушении административным органом, составляет два месяца.

Административным органом проведена внеплановая выездная проверка индивидуального предпринимателя, по результатам которой составлен акт от 28 марта 2019 г. о нарушении предпринимателем ряда требований ветеринарного законодательства, содержащихся в том числе в Законе Российской Федерации от 14 мая 1993 г. № 4979-1 «О ветеринарии», в Федеральном законе от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», в Ветеринарных правилах организации работы по оформлению ветеринарных сопроводительных документов, порядком оформления ветеринарных сопроводительных документов в электронной форме и порядком оформления ветеринарных сопроводительных документов на бумажных носителях, утвержденных приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 589, выразившихся в том, что предпринимателем выданы ветеринарные справки по формам № 2, 4 в отношении подконтрольной рыбопродукции (иной продукции морского промысла) в транспортной упаковке, однако такие справки в подобной ситуации могут выдавать только сотрудники системы Государственной ветеринарной службы.

По данному факту административным органом в отношении предпринимателя составлен протокол об административном правонарушении и вынесено постановление по делу об административном правонарушении от 30 мая 2019 г., которым предприниматель привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 10.6 КоАП РФ.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным и отмене указанного постановления.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды пришли к выводу, что в деянии предпринимателя имеют место признаки состава вменяемого административного правонарушения. Срок давности привлечения к ответственности, установленный в ст. 4.5 КоАП РФ, и составляющий за нарушение законодательства Российской Федерации в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения один год, по мнению судов, административным органом соблюден.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и отменила постановление административного органа на основании следующего.

Часть 1 ст. 10.6 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение правил карантина животных или других ветеринарно-санитарных правил, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 указанной статьи.

В силу общих положений ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении двух месяцев (по делу об административном правонарушении, рассматриваемому судьей, – по истечении трех месяцев) со дня совершения административного правонарушения. Виды нарушений законодательства, которые соответствуют диспозиции ч. 1 ст. 10.6 КоАП РФ и предусматривают более длительные сроки давности, в ст. 4.5 КоАП РФ прямо не указаны. При этом наказания за ряд административных правонарушений, посягающих на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, предусмотрены в гл. 6 КоАП РФ.

Соответственно, срок давности привлечения к административной ответственности за совершение правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 10.6 КоАП РФ, при вынесении постановления административным органом составляет два месяца.

Согласно п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое подлежит прекращению в случае истечения установленных ст. 4.5 КоАП РФ сроков давности привлечения к административной ответственности.

В связи с тем, что предприниматель привлечен административным органом к ответственности оспариваемым постановлением за совершение именно того правонарушения, которое описано в акте проверки, на момент принятия данного постановления срок давности являлся пропущенным. По данной причине постановление является незаконным.

Определение № 303-ЭС20-18228

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

38. Уголовная ответственность за незаконное производство наркотических средств наступает в случае совершения лицом умышленных действий, направленных на серийное изготовление наркотического средства с использованием специального оборудования, прекурсоров, химических реактивов и приспособлений.

По приговору Хабаровского краевого суда от 13 марта 2020 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Т. признан виновным в незаконном производстве в период с 1 сентября 2018 г. по 2 марта 2019 г. наркотического средства в особо крупном размере – 125,09 г мефедрона (4-метилметкатинона) и 724,7 г мефедрона (4-метилметкатинона), содержащегося в растворе, и осужден по ч. 5 ст. 228¹ УК РФ.

Адвокат в защиту интересов осужденного Т. и сам осужденный просили отменить состоявшиеся судебные решения и квалифицировать действия Т. по ч. 2 ст. 228 УК РФ как изготовление наркотических средств. По мнению защитника, производство наркотических средств состоит в незаконных действиях, направленных на цикличное (непрерывное или систематическое) получение партий (серийное получение) готовых к потреблению наркотических средств, однако таких данных по делу не установлено.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 20 января 2021 г. оставила без изменения приговор и апелляционное определение, указав следующее.

Суд установил, что Т. виновен в незаконном производстве наркотических средств в особо крупном размере, при этом выводы суда основаны на приведенной в приговоре совокупности исследованных в судебном заседании доказательств – показаниях осужденного Т., пояснившего, что, используя химическую посуду, он изготавливал в домашних условиях наркотическое средство по инструкции из сети «Интернет». Необходимые для этого химические компоненты приобретал посредством посылок по паспорту на имя Р.; показаниях свидетелей, проводивших на основе имеющейся оперативной информации о производстве и сбыте наркотических средств оперативно-розыскное мероприятие «наблюдение» за домом, где проживал Т.

При осмотре изъятых у Т. ноутбуков обнаружена содержащаяся в них информация по изготовлению наркотического средства, многочисленные поисковые запросы, связанные с приобретением различных химических реагентов, химического оборудования и систем вентиляции; сведения о проведенных расчетах; инструкция по работе «курьера» по «закладкам» наркотического средства.

Согласно выводам экспертов изъятые по месту жительства Т. порошкообразное вещество и кристаллы содержат наркотическое средство мефедрон (4-метилметкатинон) в количестве 125,09 г, жидкости в канистре (10 200 мл) и стеклянном флаконе содержат наркотическое средство мефедрон (4-метилметкатинон), масса которого в высушенном виде составляет 724,2 и 0,5 г соответственно, жидкости, находящиеся в емкостях, являются различными химическими реактивами, в том числе прекурсорами, которые могут применяться при изготовлении наркотического средства

мефедрон. На предметах, изъятых в ходе обыска, обнаружены следы наркотического средства мефедрона и следы прекурсора.

Из показаний эксперта следует, что представленные на экспертизу предметы предназначены для проведения химических реакций (синтеза), в том числе для получения наркотического средства мефедрона, использование различных приспособлений позволяет частично механизировать химический процесс и увеличить объем производимого наркотического средства.

Фактические обстоятельства дела позволили суду прийти к выводу, что Т., обладая определенными познаниями в области химии, по месту своего жительства на переоборудованной под химическую лабораторию кухне с системой выведения загрязненного воздуха за пределы дома и с приспособлениями, позволяющими частично механизировать процесс и увеличить количество получаемого наркотического средства, используя обнаруженные в значительном объеме химические реагенты и прекурсоры, которые он получал по паспорту на имя Р., наладил серийное производство наркотического средства мефедрона.

Юридическая оценка содеянного осужденным и квалификация его действий по ч. 5 ст. 228¹ УК РФ является правильной, поскольку ответственность за производство наркотического средства наступает независимо от наличия цели последующего сбыта наркотического средства.

Определение №58-УД20-15-А5

Назначение наказания

39. Согласно ст. 53 УК РФ при назначении наказания в виде ограничения свободы суд устанавливает перечисленные в законе определенные ограничения и обязанности, которые осужденный должен выполнять в установленный приговором срок.

По приговору Барун-Хемчикского районного суда Республики Тыва от 27 апреля 2017 г. К. осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ к 2 годам ограничения свободы, по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 11 годам лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний К. назначено окончательное наказание 11 лет 6 месяцев лишения свободы.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Тыва от 19 июля 2017 г. приговор изменен: исключено предусмотренное п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ отягчающее наказание обстоятельство «совершение преступления с использованием оружия» и наказание по ч. 1 ст. 105 УК РФ смягчено до 10 лет 6 месяцев лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений назначено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок 11 лет. В остальном приговор оставлен без изменения.

Постановлением президиума Верховного Суда Республики Тыва от 18 апреля 2019 г. приговор и апелляционное определение изменены: смягчено назначенное К. наказание по ч. 1 ст. 105 УК РФ с применением ч. 1 ст. 62 УК РФ до 9 лет 6 месяцев. Наказание, назначенное на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ, смягчено до 10 лет лишения свободы. В остальном судебные решения оставлены без изменения.

В кассационной жалобе осужденный оспаривал приговор в части назначенного ему наказания на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ, поскольку по ч. 1 ст. 222 УК РФ наказание в виде лишения свободы ему не назначалось.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 14 января 2021 г. изменила приговор и последующие судебные решения, указав следующее.

Согласно ст. 53 УК РФ ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному перечисленных в законе определенных ограничений и обязанностей, которые он должен выполнять в установленный приговором суда срок.

Как следует из приговора, суд признал К. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, за которое назначил ему наказание в виде 2 лет ограничения свободы.

Однако, вопреки требованиям ст. 53 УК РФ, суд не возложил на осужденного какую-либо обязанность и не установил конкретных ограничений, указанных в данной статье.

Таким образом, наказание по ч. 1 ст. 222 УК РФ осужденному судом фактически не назначено.

Указанное нарушение уголовного закона при назначении наказания является существенным, повлиявшим на исход дела.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и последующие судебные решения: исключила указание о назначении К. по ч. 1 ст. 222 УК РФ наказания в виде 2 лет ограничения свободы, а также о назначении наказания по совокупности преступлений на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ. Определила считать К. осужденным по ч. 1 ст. 105 УК РФ к лишению свободы на срок 9 лет 6 месяцев.

Определение № 92-УД20-2

40. При назначении наказания на основании ст. 70 УК РФ суд не вправе к вновь назначенному наказанию присоединить неотбытую часть наказания по предыдущему приговору в большем размере, чем присоединил суд первой инстанции.

По приговору Батайского городского суда Ростовской области от 13 февраля 2019 г. К. (ранее судимый 3 ноября 2015 г. по ч. 2 ст. 228 УК РФ к 3 годам лишения свободы; 18 июля 2017 г. на основании постановления суда неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена более

мягким видом наказания – исправительными работами на срок 1 год 3 месяца 27 дней с удержанием из заработной платы осужденного в доход государства в размере 10%; неотбытый срок наказания в виде исправительных работ на момент вынесения приговора составил 4 месяца 12 дней) осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (по факту хищения имущества Я.) к 1 году 9 месяцам лишения свободы, по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (по факту хищения имущества Ф.) к 1 году 8 месяцам лишения свободы. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено 2 года лишения свободы. На основании ст. 70 УК РФ путем частичного присоединения неотбытой части наказания по приговору от 3 ноября 2015 г. назначено окончательное наказание 2 года 1 месяц лишения свободы.

В апелляционном порядке приговор не обжаловался.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13 мая 2020 г. приговор изменен: смягчено назначенное наказание в виде лишения свободы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (по факту хищения имущества Я.) до 1 года 6 месяцев, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (по факту хищения имущества Ф.) до 1 года 5 месяцев. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначено наказание в виде 1 года 7 месяцев лишения свободы. На основании ст. 70 УК РФ путем частичного присоединения неотбытой части наказания по приговору от 3 ноября 2015 г. назначено окончательное наказание в виде 1 года 10 месяцев лишения свободы.

В кассационной жалобе осужденный просил кассационное определение изменить и смягчить назначенное ему наказание.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 17 ноября 2020 г. удовлетворила кассационную жалобу осужденного по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 70 УК РФ при назначении наказания по совокупности приговоров к наказанию, назначенному по последнему приговору, частично или полностью присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 55 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», при решении вопроса о назначении наказания по совокупности приговоров следует выяснять, какая часть основного или дополнительного наказания реально не отбыта лицом по предыдущему приговору на момент постановления приговора, и указать это во вводной части приговора.

В силу п. «в» ч. 1 ст. 71 УК РФ при частичном или полном сложении наказаний по совокупности преступлений и совокупности приговоров одному дню лишения свободы соответствуют три дня исправительных работ.

Как следует из приговора от 13 февраля 2019 г., суд первой инстанции в порядке ст. 70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоединил неотбытый срок наказания по приговору от 3 ноября 2015 г. (4 месяца 12 дней исправительных работ) в виде 1 месяца лишения свободы.

Суд кассационной инстанции, проверяя по кассационной жалобе осужденного законность вступившего в законную силу указанного приговора, внеся в приговор соответствующие изменения и смягчив осужденному наказание как за каждое преступление, так и по совокупности преступлений, в соответствии со ст. 70 УК РФ к вновь назначенному наказанию присоединил неотбытую часть наказания в размере 3 месяцев лишения свободы, то есть в большем размере, чем присоединил суд первой инстанции, тем самым допустил нарушение вышеуказанных требований закона.

Допущенные нарушения закона, в соответствии со ст. 401¹⁵ УПК РФ, являются основанием для изменения кассационного определения и смягчения назначенного осужденному наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила кассационное определение от 13 мая 2020 г. и назначенное осужденному по приговору от 13 февраля 2019 г. на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров наказание смягчила до 1 года 8 месяцев лишения свободы.

Определение №41-УД20-31-К4

Процессуальные вопросы

41. Рассмотрение судом кассационной инстанции уголовного дела в отсутствие потерпевшего и его представителя при заявлении ходатайств об участии в судебном заседании признано существенным нарушением уголовно-процессуального закона, повлекшим отмену кассационного определения.

По приговору мирового судьи судебного участка № 2 Кусинского района Челябинской области от 2 декабря 2019 г. Б. осужден по ч. 1 ст. 118 УК РФ.

Апелляционным постановлением Кусинского районного суда Челябинской области от 17 февраля 2020 г. приговор оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 сентября 2020 г. приговор и апелляционное постановление оставлены без изменения.

В кассационной жалобе представитель потерпевшего Д. – адвокат К. оспаривал состоявшиеся судебные решения, обращая внимание на то, что судебное заседание суда кассационной инстанции состоялось в отсутствие потерпевшего и его как представителя потерпевшего Д., несмотря на то, что

он ходатайствовал об отложении судебного заседания в связи с его занятостью в другом судебном заседании.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2021 г. отменила кассационное определение от 10 сентября 2020 г. и уголовное дело передала на новое кассационное рассмотрение в Седьмой кассационный суд общей юрисдикции иным составом, указав следующее.

В силу положений ч. 1 ст. 401² и ч. 2 ст. 401¹³ УПК РФ в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела по кассационным жалобе, представлению могут принимать участие потерпевшие при условии заявления ими ходатайства об этом.

Из материалов уголовного дела усматривается, что представитель потерпевшего Д. – адвокат К. обратился в суд кассационной инстанции с кассационной жалобой, в которой выразил несогласие с состоявшимися в отношении Б. судебными решениями.

Постановлением судьи от 24 июля 2020 г. судебное заседание суда кассационной инстанции назначено на 10 сентября 2020 г., о чем было направлено извещение участникам производства по делу, в том числе потерпевшему Д. и адвокату К.

Согласно телефонограммам от 7 августа 2020 г., потерпевший Д. и его представитель сообщили о своем желании лично участвовать в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Из содержания телефонограммы от 9 сентября 2020 г. следует, что адвокат К. сообщил, что не сможет принять участие в судебном заседании суда кассационной инстанции 10 сентября 2020 г. в связи с занятостью в другом процессе, указав, что ходатайство об отложении судебного заседания он отправил почтой. При этом потерпевший Д. объяснил свою неявку информацией, полученной от своего представителя, об отложении предстоящего судебного заседания.

Сведения об участии адвоката К. в другом судебном заседании 10 сентября 2020 г. были проверены и подтверждены.

Согласно телефонограмме, адвокат К. явился в Челябинский областной суд в 9 часов 47 минут для участия в рассмотрении уголовного дела в отношении С.

Из протокола судебного заседания суда кассационной инстанции от 10 сентября 2020 г. усматривается, что, ознакомившись с вышеприведенными обстоятельствами, суд принял решение рассмотреть кассационную жалобу представителя потерпевшего в отсутствие потерпевшего Д. и адвоката К. в связи с тем, что о дате, месте и времени судебного заседания они были извещены, в судебное заседание не прибыли, что является их правом, сведений, подтверждающих уважительность причин их неявки в судебное заседание, не сообщили, что, как следует из изложенного, не соответствует действительности.

Следовательно, суд кассационной инстанции рассмотрел кассационную жалобу без участия потерпевшего и его представителя, несмотря на наличие подтвержденной информации о занятости адвоката К. в другом процессе, его просьбы об отложении рассмотрения уголовного дела, а также сообщенной в связи с этими обстоятельствами позиции потерпевшего по делу, то есть нарушил права потерпевшего, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, которое искажает саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Определение № 48-УД21-7-К7

42. Адвокат не вправе занимать по уголовному делу позицию, противоречащую интересам своего подзащитного, за исключением случаев, когда он убежден в наличии самоговора.

По приговору Керченского городского суда Республики Крым от 1 ноября 2017 г., постановленному в особом порядке судебного разбирательства в порядке гл. 40¹ УПК РФ, Л. осужден по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228⁴, ч. 1 ст. 228 и п. «б» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ.

В апелляционном порядке приговор не обжаловался.

Постановлением президиума Верховного Суда Республики Крым от 7 августа 2019 г. указанный приговор оставлен без изменения.

В кассационной жалобе осужденный просил отменить постановление суда кассационной инстанции ввиду нарушения его права на защиту, поскольку назначенный ему защитник в судебном заседании выразил позицию, которая противоречила его интересам.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 6 октября 2020 г. отменила кассационное постановление, указав следующее.

Согласно чч. 1 и 7 ст. 49 УПК РФ защитником является лицо, осуществляющее в установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. При этом адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого.

В соответствии с положениями подп. 3 и 4 п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (с последующими изменениями) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда он убежден в наличии самоговора доверителя; делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает.

Как следует из материалов уголовного дела, на приговор суда первой инстанции осужденным Л. в суд кассационной инстанции была подана

кассационная жалоба, в которой в качестве первого основания для изменения приговора осужденным были приведены доводы о неверной юридической оценке содеянного, необходимости исключения из приговора указания на его осуждение по п. «б» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ и о квалификации его действий по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹ и ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228⁴ УК РФ.

Также в кассационной жалобе осужденным ставился вопрос об отмене приговора в части его осуждения по ч. 1 ст. 228 УК РФ на основании примечания к указанной статье ввиду его добровольного сообщения о преступлении в явке с повинной, данной до возбуждения уголовного дела. Кроме того, осужденный утверждал, что судом при постановлении приговора не были учтены все смягчающие обстоятельства, и указывал на необоснованное неприменение при назначении наказания положений ст. 64 УК РФ.

Между тем адвокат, осуществлявшая защиту осужденного в суде кассационной инстанции в порядке ст. 51 УПК РФ, выступая в судебном заседании и указывая, что поддерживает доводы кассационной жалобы, в то же время высказалась о том, что Л. заключил досудебное соглашение, но при этом оспаривает квалификацию своих действий, с чем она не совсем согласна как юрист. Кроме того, в своей речи адвокат не привела доводы осужденного, касающиеся необходимости отмены приговора в части его осуждения по ч. 1 ст. 228 УК РФ, а просила изменить приговор лишь в части назначенного осужденному наказания.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что позиция адвоката противоречила позиции и интересам защищаемого ею лица, чем было нарушено гарантированное Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законом право осужденного на защиту. При таких обстоятельствах кассационное постановление не соответствует требованиям уголовно-процессуального закона.

Кассационная жалоба осужденного вместе с уголовным делом передана на новое судебное разбирательство в суд кассационной инстанции.

Суд кассационной инстанции, рассмотрев 28 декабря 2020 г. уголовное дело по кассационным жалобам осужденного Л. и его защитника, оставил приговор суда первой инстанции от 1 ноября 2017 г. без изменения.

Определение № 127-УД20-9

43. С учетом положений п. 1¹ ч. 2 ст. 131 УПК РФ расходы потерпевшего, связанные с выплатой им вознаграждения своему представителю, оплачиваются из средств федерального бюджета. Суммы, выплаченные потерпевшему на покрытие этих расходов, являются процессуальными издержками и взыскиваются с осужденных или относятся на счет средств федерального бюджета.

По приговору Советского районного суда г. Владивостока (оставленному без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций) Г. осуждена по п. «б» ч. 3 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ. На основании п. «а» ч.1 ст. 78 УК РФ Г. освобождена от назначенного по п.«в» ч. 2 ст.115 УК РФ наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

По делу разрешены гражданские иски в части компенсации морального вреда потерпевшим Ф. и Ю.

С осужденной в пользу потерпевшей Ф. в счет возмещения расходов, связанных с производством по уголовному делу, взыскано 80 тыс. руб.

Г. признана виновной и осуждена за умышленное причинение Ф. и Ю. тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, совершенное с применением предмета, используемого в качестве оружия, и за умышленное причинение В. легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья, совершенное с применением предмета, используемого в качестве оружия.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденной, отменила приговор суда первой инстанции и все последующие судебные решения в части взыскания с осужденной в пользу потерпевшей Ф. 80 тыс. руб. в счет возмещения расходов, связанных с производством по уголовному делу, и уголовное дело в этой части передала на новое судебное рассмотрение в порядке ст. 397 – 399 УПК РФ, указав следующее.

Суд первой инстанции обоснованно пришел к выводу о том, что потерпевшей Ф. должны быть возмещены средства, затраченные на представителя.

Между тем суд не принял во внимание, что расходы потерпевшего по оплате услуг представителя подлежат возмещению из средств федерального бюджета с последующим решением вопроса о взыскании этих процессуальных издержек с осужденной в доход государства.

Взыскание процессуальных издержек с участников судебного разбирательства, а не из средств федерального бюджета, противоречит требованиям закона. Данное нарушение является существенным, повлиявшим на исход дела.

Определение № 56-УД20-23-К9

44. Суд кассационной инстанции возвратил уголовное дело прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом, поскольку уголовно-процессуальный закон не предполагает возможность осуждения лица за преступление, по которому уголовное дело не было возбуждено.

По приговору Центрального районного суда г. Тюмени (с учетом последующих изменений) Б. осужден по ч.1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ

(приготовление к незаконному сбыту наркотических средств в особо крупном размере) и по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ (покушение на незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере).

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в кассационном представлении поставил вопрос об отмене судебных решений в части осуждения Б. по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ и о направлении уголовного дела в этой части прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ в связи с отсутствием в материалах дела постановления о возбуждении в отношении Б. уголовного дела по признакам указанного преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор и последующие судебные решения в части осуждения Б. по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ, а уголовное дело в этой части возвратила прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, указав следующее.

Как следует из приговора, Б. признан виновным в приобретении с целью последующего сбыта смеси, содержащей в своем составе героин, массой 3452,2 г, которую он 20 мая 2012 г. передал на хранение Х., а последний поместил ее в тайник.

Также Б. признан виновным в покушении на незаконный сбыт наркотических средств – смеси, содержащей в своем составе героин массой 48,757 г, часть из которой, массой 25,887 г и 7,33 г, он передал В., который в свою очередь реализовал данное наркотическое средство К. 25 и 26 августа 2012 г. Остальная часть наркотического средства массой 11,84 г была 26 августа 2012 г. изъята у Б., а героин массой 3,7 г был обнаружен и изъят по месту его проживания.

При этом из материалов дела следует, что уголовное дело, по которому производилось задержание Б., было выделено 26 августа 2012 г. из уголовного дела, возбужденного по ч. 2 ст. 228 УК РФ 25 августа 2012 г. в отношении К. по факту незаконного приобретения и хранения им смеси, содержащей героин массой 25,887 г, и возбуждено по п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ в отношении неустановленных лиц, сбывших 25 августа 2012 г. наркотические средства К.

27 августа 2012 г. по факту обнаружения у Б. в ходе личного досмотра наркотических средств массой 11,84 г ему предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ.

В ходе расследования уголовного дела 29 октября 2012 г. в следственную часть следственного управления УМВД России по Тюменской области обратился Х. с заявлением о том, что он желает добровольно выдать наркотическое средство героин, которое ему в мае 2012 г. оставил на хранение его знакомый Б.

В ходе осмотра места происшествия – участка местности дер. Соколовка Тобольского района Тюменской области – был обнаружен и изъят полиэтиленовый пакет с наркотическим средством массой 3 452,2 г.

После этого, 12 марта 2013 г., в рамках ранее выделенного уголовного дела, возбужденного по факту сбыта в г. Тюмени К. наркотических средств, Б. предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ и по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ, то есть по событиям, произошедшим как 25 и 26 августа 2012 г. в г. Тюмени, так и в мае 2012 г. в г. Тобольске.

При этом из материалов уголовного дела усматривается, что решение о возбуждении уголовного дела в отношении Б. по факту приобретения им и передачи на хранение Х. в мае 2012 г. наркотических средств массой 3452,2 г не принималось, а инкриминируемое осужденному указанное преступление не является частью ранее возбужденного и расследуемого дела по факту незаконного сбыта наркотических средств К., поскольку данные преступления отличаются конкретными фактическими обстоятельствами, направленностью умысла осужденного при совершении в разное время преступлений и с разными лицами.

Между тем ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 108, ст. 171 и 172 УПК РФ не предполагают возможность привлечения лица в качестве подозреваемого или обвиняемого и применения в отношении его меры пресечения в связи с подозрением (обвинением), уголовное дело по поводу которого не было возбуждено.

Вынесение постановления о возбуждении уголовного дела в соответствии с требованиями ст. 140 – 146 УПК РФ является обязательным, поскольку именно этот процессуальный документ порождает правовые основания и последствия для осуществления уголовного преследования конкретного лица и возникновение у того соответствующих прав, в том числе и право на его обжалование прокурору, в суд с целью предупреждения необоснованного ограничения прав и свобод личности.

Таким образом, следователем предъявлено обвинение Б. по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ в отношении новых событий, установленных в ходе расследования ранее возбужденного уголовного дела, по которым уголовное дело не возбуждалось.

Определение № 89-УДП20-10

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

45. Факт реализации гражданином своего права на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности жилым помещением сам по себе не может рассматриваться в качестве осуществления им предпринимательской деятельности.

В отношении деятельности, связанной с приобретением и реализацией объектов недвижимости, вывод о ее предпринимательском характере может быть сделан с учетом конкретных обстоятельств дела,

в том числе с учетом множественности (повторяемости) данных действий, а также иных признаков предпринимательской деятельности.

Налоговый орган обратился в суд с административным иском к Ч. о взыскании задолженности и пеней по налогу на доходы физических лиц, ссылаясь на то, что Ч. в отсутствие законных оснований уменьшила сумму дохода, полученного от продажи объектов недвижимости, в том числе квартиры, на сумму фактически произведенных и документально подтвержденных расходов, связанных с их приобретением. При этом налоговый орган полагал, что Ч. фактически осуществляла предпринимательскую деятельность, связанную с реализацией объектов недвижимого имущества.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление удовлетворено. Кассационным судом общей юрисдикции указанные судебные акты оставлены без изменения.

При этом суды исходили из того, что реализованное Ч. недвижимое имущество использовалось ею в предпринимательской деятельности, в связи с чем у нее отсутствовало право на уменьшение дохода от продажи этого имущества на сумму фактически произведенных и документально подтвержденных расходов, связанных с его приобретением.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 209 НК РФ объектом налогообложения для физических лиц, являющихся налоговыми резидентами Российской Федерации, признается доход, полученный налогоплательщиками от источников в Российской Федерации и (или) от источников за пределами Российской Федерации.

Как следует из положений ст. 210 НК РФ, при определении налоговой базы НДФЛ учитываются все доходы налогоплательщика, полученные им как в денежной, так и в натуральной формах.

Налоговая база, по общему правилу, определяется как денежное выражение таких доходов, уменьшенных на сумму налоговых вычетов, предусмотренных ст. 218–221 поименованного кодекса с учетом особенностей, установленных гл. 23 этого кодекса (пп. 1 и 3).

Подпунктом 1 п. 1 ст. 220 НК РФ закреплено право на получение имущественного налогового вычета, в том числе при продаже недвижимого и иного имущества.

В п. 2 названной статьи предусмотрены особенности предоставления такого имущественного вычета, а именно вместо получения имущественного налогового вычета налогоплательщик вправе уменьшить сумму своих облагаемых налогом доходов на сумму фактически произведенных им и

документально подтвержденных расходов, связанных с приобретением этого имущества.

При этом в силу подп. 4 п. 2 ст. 220 НК РФ положения подп. 1 п. 1 указанной статьи не применяются в отношении доходов, полученных от продажи недвижимого имущества и (или) транспортных средств, которые использовались в предпринимательской деятельности.

Согласно ст. 2 ГК РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Следовательно, ведение предпринимательской деятельности связано с хозяйственными рисками, в связи с чем для отнесения деятельности к предпринимательской существенное значение имеет направленность действий лица на получение прибыли. Самого факта совершения гражданином сделок на возмездной основе для признания гражданина предпринимателем недостаточно.

О наличии в действиях гражданина признаков предпринимательской деятельности могут свидетельствовать, в частности, изготовление или приобретение имущества с целью последующего извлечения прибыли от его использования или реализации, хозяйственный учет операций, связанных с осуществлением сделок, взаимосвязанность всех совершенных гражданином в определенный период сделок.

В пп. 1 и 2 ст. 209 ГК РФ установлено, что собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом.

Таким образом, факт реализации гражданином своего права на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности недвижимым имуществом (жилым помещением) сам по себе не может рассматриваться в качестве осуществления им предпринимательской деятельности.

В отношении деятельности по приобретению и реализации объектов недвижимости вывод о ее предпринимательском характере также может быть сделан с учетом множественности (повторяемости) данных операций.

Вместе с тем часть приобретенного Ч. недвижимого имущества, за реализацию которого ей впоследствии доначислен налог, а именно жилое помещение, используется, как правило, для удовлетворения личных потребностей.

В силу п. 2 ст. 288 ГК РФ жилые помещения предназначены для проживания граждан.

В то же время законодательством предусмотрены исключения из общего правила, позволяющие использовать квартиру в предпринимательской деятельности без ее перевода в состав нежилого фонда.

В соответствии с ч. 2 ст. 17 ЖК РФ допускается использование жилого помещения для осуществления профессиональной деятельности или индивидуальной предпринимательской деятельности проживающими в нем на законных основаниях гражданами, если это не нарушает права и законные интересы других граждан, а также требования, которым должно отвечать жилое помещение.

Таким образом, для вывода о предпринимательском характере деятельности налогоплательщика необходимо установить эксплуатацию им квартиры в целях извлечения дохода, а не для удовлетворения жилищных потребностей.

Суды, ссылаясь на то, что деятельность Ч. является предпринимательской, указывали на отсутствие фактического проживания и регистрации по месту жительства административного ответчика в упомянутой квартире.

Между тем указанные обстоятельства не свидетельствуют об использовании недвижимого имущества в предпринимательской деятельности, поскольку гражданское законодательство не запрещает физическим лицам иметь в собственности несколько жилых помещений, а также производить их отчуждение в целях улучшения жилищных условий.

Само по себе обстоятельство непроживания Ч. в названной квартире без установления факта ее эксплуатации в целях извлечения прибыли не позволяет прийти к выводу об использовании административным ответчиком этого помещения в предпринимательской деятельности.

В обоснование оценки деятельности административного ответчика как предпринимательской налоговый орган указал на реализацию Ч. ранее приобретенных объектов недвижимости.

Отклоняя возражения Ч. о том, что продажа указанных объектов, в том числе вспомогательного значения, носила личный характер, и совершение сделок было направлено на удовлетворение личных и семейных нужд, суды ограничились общим указанием на то, что сделки направлены на получение прибыли, заключались систематически и носили однородный характер, а срок владения объектами недвижимости составлял от двух до шести месяцев.

Обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для взыскания обязательных платежей и санкций, возлагается на административного истца (ч. 4 ст. 289 КАС РФ).

Между тем в материалах административного дела отсутствуют документы по совершенным административным ответчиком сделкам,

образующим, по мнению налогового органа, предпринимательскую деятельность. Судами не дана оценка систематичности сделок с учетом обстоятельств приобретения недвижимого имущества в различные налоговые периоды, характера и назначения объектов недвижимости с учетом их расположения в одном жилом комплексе, а также допустимости единого подхода при отнесении к предпринимательской деятельности как сделок, связанных с реализацией нежилых строений (помещений, сооружений), так и сделок в отношении жилого помещения.

С учетом изложенного Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение.

Определение № 39-КАД21-1-К1

46. Ежемесячная доплата к пенсии депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, осуществляющих полномочия на постоянной основе, предоставляемая за счет средств местного бюджета помимо назначаемой на общих или льготных основаниях пенсии, является дополнительной гарантией осуществления полномочий указанных лиц.

В связи с этим законодатель субъекта Российской Федерации вправе вводить и изменять порядок и условия предоставления такой дополнительной гарантии, в том числе вводить и изменять критерии, при наличии которых у данной категории граждан возникает право на ее получение наряду с назначенной им в установленном порядке по любому из оснований пенсией.

Введение подобного порядка, условий и критериев, а также их последующее уточнение само по себе федеральному законодательству не противоречит и прав данной категории граждан на социальное обеспечение, в том числе их конституционное право на получение пенсии в установленных законом случаях и размерах, не нарушает.

В закон субъекта Российской Федерации о ежемесячной доплате к пенсии лицам, замещавшим государственные и муниципальные должности субъекта Российской Федерации, были внесены изменения, согласно которым право на доплату к пенсии в соответствии с уставом муниципального образования имеют лица, освобожденные от должности в связи с прекращением полномочий (в том числе досрочно), осуществлявшие не менее одного года полномочия депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления на постоянной основе и в этот период достигшие пенсионного возраста 55 и 60 лет (женщины и мужчины соответственно) или потерявшие трудоспособность, за исключением лиц, освобожденных от замещаемой муниципальной должности по основаниям, предусмотренным

абзацем седьмым ч. 16 ст. 35, пп. 2¹, 3, 6–9 ч. 6, ч. 6¹ ст. 36, ч. 7¹, пп. 5–8 ч. 10, ч. 10¹ ст. 40, чч. 1 и 2 ст. 73 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ).

Б. обратился в суд с административным иском о признании недействительным правового регулирования в части, предусматривающей возникновение права на ежемесячную доплату к пенсии только для лиц, которые на период освобождения от должности достигли возраста 55 и 60 лет (женщины и мужчины соответственно) и исполняли полномочия депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления на постоянной основе. Полагал, что такое регулирование противоречит нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, поскольку носит дискриминационный характер, нарушает право указанных лиц на получение доплаты к пенсии, так как отменяет такое право, приобретенное в соответствии с ранее действовавшим законодательством.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанное решение суда оставила без изменения по следующим основаниям.

В соответствии с пп. «ж» и «н» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации социальная защита, включая социальное обеспечение, а также установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Согласно чч. 2 и 5 ст. 76 Конституции Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, которые не могут противоречить федеральным законам. В случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон.

В п. 2 ст. 3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» закреплено, что субъекты Российской Федерации вправе осуществлять собственное правовое регулирование по предметам совместного ведения до принятия федеральных законов. После принятия федерального закона законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации подлежат приведению в соответствие с данным федеральным законом в течение трех месяцев.

Как установлено абзацем первым ч. 5¹ ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, гарантии осуществления полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления устанавливаются уставами муниципальных образований в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 446-ФЗ «О внесении изменений в ст. 2¹ и 19 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и статью 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 446-ФЗ) ч. 5¹ ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ была дополнена абзацем вторым, в силу положений которого в уставах муниципальных образований в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации также могут устанавливаться дополнительные социальные и иные гарантии в связи с прекращением полномочий (в том числе досрочно) депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления. Такие гарантии, предусматривающие расходование средств местных бюджетов, устанавливаются только в отношении лиц, осуществлявших полномочия депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления на постоянной основе и в этот период достигших пенсионного возраста или потерявших трудоспособность, и не применяются в случае прекращения полномочий указанных лиц по основаниям, предусмотренным абзацем седьмым ч. 16 ст. 35, пп. 2¹, 3, 6–9 ч. 6, ч. 6¹ ст. 36, ч. 7¹, пп. 5–8 ч. 10, ч. 10¹ ст. 40, чч. 1 и 2 ст. 73 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

Положений, которыми были бы установлены гарантии осуществления полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, касающихся порядка и условий их пенсионного обеспечения (ежемесячной доплаты к пенсии), Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, равно как и иные федеральные законы, не содержит.

Из изложенного следует, что, реализуя полномочия по установлению мер социальной поддержки отдельным категориям граждан, включая установление гарантий осуществления полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в виде ежемесячной доплаты к пенсии, субъекты Российской Федерации вправе осуществлять собственное нормативное правовое регулирование, которое, вместе с тем, в случае принятия на федеральном уровне нормы, регулирующие соответствующие

правоотношения, подлежит приведению в соответствие с федеральным законодательством.

На территории субъекта Российской Федерации принят и действует закон, регулирующий правоотношения, связанные с установлением ежемесячной доплаты к пенсии лицам, замещавшим государственные и муниципальные должности данного субъекта Российской Федерации, за счет средств бюджета области и местных бюджетов соответственно.

В развитие положений абзаца первого ч. 5¹ ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ и в отсутствие в федеральном законодательстве соответствующего нормативного правового регулирования указанных выше гарантий для депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, названный закон субъекта Российской Федерации был дополнен оспариваемым правовым регулированием, на основании которого административному истцу было отказано в установлении ежемесячной доплаты к пенсии.

Отказывая в удовлетворении административного искового заявления, суд первой инстанции правомерно исходил из того, что оспариваемый в части нормативный правовой акт, принятый уполномоченным органом в установленном порядке, не противоречит нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, и не нарушает права, свободы и законные интересы административного истца в указанном им аспекте.

Вместе с тем, приходя к выводу об отсутствии оснований для признания оспариваемого положения недействующим, суд ошибочно исходил из того, что в данном случае субъект Российской Федерации привел закон субъекта Российской Федерации в соответствие с нормами Федерального закона от 30 декабря 2015 г. № 446-ФЗ.

В силу абзаца первого ч. 5¹ ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ гарантии, к которым относится пенсионное обеспечение депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, устанавливаются в связи с осуществлением указанными лицами их полномочий.

Предметом же правового регулирования абзаца второго ч. 5¹ ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, введенного Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 446-ФЗ, являются дополнительные социальные и иные гарантии, которые связаны с фактом прекращения полномочий (в том числе досрочно) указанных лиц.

Поскольку порядок и условия пенсионного обеспечения данной категории граждан в виде ежемесячной доплаты к пенсии как одного из видов гарантий осуществления ими полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления федеральным законодателем не определены, данный вопрос (вплоть до его разрешения на федеральном уровне) может быть урегулирован законами субъектов Российской Федерации.

Именно в развитие положений абзаца первого ч. 5¹ ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (гарантии в связи с осуществлением полномочий), а не в целях приведения в соответствие с абзацем вторым указанного пункта (гарантии в связи с прекращением полномочий), соответствующие положения закона субъекта Российской Федерации были дополнены оспариваемым правовым регулированием.

Реализуя право субъекта Российской Федерации по определению порядка и условий пенсионного обеспечения указанных лиц в виде ежемесячной доплаты к пенсии, региональный законодатель установил критерии, которым они должны соответствовать для получения такого права. К числу критериев он отнес, в частности, достижение пенсионного возраста 55 и 60 лет (женщины и мужчины соответственно) в период исполнения полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления на постоянной основе.

В связи с этим Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что, определив в оспариваемой норме такой порядок и условия пенсионного обеспечения указанных лиц, субъект Российской Федерации не вышел за пределы своей компетенции и нарушения положений нормативных правовых актов, имеющих большую юридическую силу, не допустил.

Так, из системного толкования положений ст. 8 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», п. 3¹ ст. 7 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», ст. 32 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» во взаимосвязи с нормами абзаца первого ч. 5¹ ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, а также оспариваемых положений закона субъекта Российской Федерации следует, что ежемесячная доплата к пенсии депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, работающих на постоянной основе, предоставляемая за счет средств местного бюджета, является дополнительной, помимо назначаемой на общих или льготных основаниях пенсии, гарантией осуществления их полномочий.

Следовательно, обладая в системе действующего правового регулирования всей широтой полномочий, законодатель субъекта Российской Федерации вправе вводить и изменять порядок и условия предоставления такой дополнительной гарантии, в том числе вводить и изменять критерии, при наличии которых у данной категории граждан возникает право на ее получение наряду с назначенной им в установленном порядке по любому из оснований пенсией.

С учетом изложенного введение подобных порядка, условий и критериев, а также их последующее уточнение, что в указанном случае является усмотрением субъекта Российской Федерации, само по себе федеральному законодательству не противоречит и прав данной категории граждан на социальное обеспечение, в том числе их конституционное право на получение пенсии в установленных законом случаях и размерах, не нарушает.

Оспариваемое правовое регулирование не нарушает права, свободы и законные интересы административного истца, в том числе его право на предоставление ежемесячной доплаты к пенсии, которая до введения в действие указанных изменений ему не назначалась и не выплачивалась.

То обстоятельство, что приведенные в оспариваемой норме критерии частично воспроизводят положения абзаца второго ч. 5¹ ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, само по себе основанием для удовлетворения административного искового заявления являться не может, поскольку каким-либо нормативным правовым актом, имеющим большую юридическую силу, это не противоречит и не свидетельствует о том, что ежемесячная доплата к пенсии в данном случае относится к дополнительным гарантиям в связи с прекращением, а не в связи с исполнением полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления на постоянной основе.

Реализация субъектом Российской Федерации предоставленных ему полномочий и установление не противоречащего нормам федерального законодательства нормативного правового регулирования рассматриваемых правоотношений не порождает правовую неопределенность, не может рассматриваться как нарушение права на получение пенсии в установленных законом случаях и размерах, не носит дискриминационный характер.

При таких обстоятельствах правовых оснований для удовлетворения административного искового заявления не имелось.

Определение № 38-АПГ17-1

***Практика применения положений Кодекса Российской Федерации
об административных правонарушениях***

47. Действия лица по управлению транспортным средством в состоянии опьянения подлежат квалификации по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, а не по ч. 3 указанной ст. в том случае, если это лицо после истечения срока ранее назначенного лишения права управления транспортными средствами не выполнило условия, необходимые для возврата сданного водительского удостоверения (ч. 4¹ ст. 32.6 КоАП РФ), однако уже не считается лицом, подвергнутым административному наказанию с учетом положений ст. 4.6 названного кодекса.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи вышестоящего суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, М. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного ареста.

Согласно материалам дела 20 октября 2019 г. водитель М. в нарушение требований пп. 2.1.1, 2.7 Правил дорожного движения управлял транспортным средством, находясь в состоянии опьянения и не имея права управления транспортными средствами.

Приведенные обстоятельства послужили основанием для привлечения М. к административной ответственности по ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ.

С таким решением не согласился судья Верховного Суда Российской Федерации.

В ходе производства по делу было установлено, что М. имеет водительское удостоверение сроком действия по май 2021 г.

Постановлением мирового судьи, вступившим в силу 30 ноября 2015 г., М. был привлечен к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа с лишением права управления транспортными средствами сроком на полтора года.

Срок назначенного административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами истек в августе 2017 г.

Таким образом, 20 октября 2019 г. М. не являлся лицом, лишенным права управления транспортными средствами. При этом он не выполнил условия, установленные ч. 4¹ ст. 32.6 КоАП РФ и необходимые для возврата ранее сданного водительского удостоверения по истечении срока административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами.

Пунктом 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъяснено, что по истечении срока назначенного административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами или наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами лицо не является лишенным права управления транспортными средствами. Вместе с тем следует учитывать, что ч. 4¹ ст. 32.6 КоАП РФ установлены условия, выполнение которых необходимо для возврата ранее сданного удостоверения по истечении срока указанного административного наказания: проверка знаний Правил дорожного движения, уплата административных

штрафов за административные правонарушения в области дорожного движения, а также прохождение медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством в случае совершения административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 12.8, ч. 1 ст. 12.26 и ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ.

В связи с этим управление транспортным средством водителем, подвергнутым административному наказанию в виде лишения права управления транспортными средствами и не выполнившим названных выше условий после истечения срока назначенного наказания, образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ.

В то же время согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Таким образом, с учетом положений ст. 4.6 КоАП РФ действия М., не являвшегося лицом, подвергнутым административному наказанию, и управлявшего 20 октября 2019 г. транспортным средством в состоянии опьянения, подлежали квалификации по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ и по ч. 2 ст. 12.3 указанного кодекса, так как у него не имелось при себе водительского удостоверения, срок действия которого не истек.

При таких обстоятельствах состоявшиеся в отношении М. судебные акты отменены, поскольку санкцией ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ предусмотрено административное наказание в виде административного штрафа с лишением права управления транспортными средствами, а постановление мирового судьи о назначении М. административного ареста исполнено, что исключает возможность переквалификации действий названного лица.

Постановление № 70-АД20-3

***Практика применения судами общей юрисдикции
ст. 5.61 КоАП РФ***

Верховным Судом Российской Федерации совместно с кассационными судами общей юрисдикции проведен мониторинг практики применения положений Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 513-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», в связи с чем обращается внимание судов на следующее.

48. Оскорбления, совершенные путем направления СМС-сообщений либо личных сообщений, в том числе голосовых,

в мессенджерах или социальных сетях, подлежат квалификации по ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ.

Так, О., используя принадлежащий ей мобильный телефон, записала голосовое сообщение и с назначенного ей оператором сотовой связи абонентского номера отправила его посредством мессенджера Ш.

В данном сообщении О. с использованием ненормативной лексики высказала недовольство организацией Ш. фотосессии воспитанников детского сада, чем оскорбила последнюю.

Постановлением мирового судьи О. привлечена к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ и ей назначено административное наказание.

49. Размещение оскорблений на страницах в социальных сетях, доступных для неопределенного круга лиц, либо в групповых чатах мессенджеров подлежит квалификации по ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ.

Постановлением мирового судьи М. привлечена к административной ответственности, установленной названной нормой, за то, что она в сети Интернет на сайте родильного дома разместила комментарий, в котором оскорбительно высказывалась о враче А., сообщив пользователям сети о некачественно оказанных ей данным врачом медицинских услугах с использованием выражений, противоречащих общепринятым нормам морали и нравственности и унижающих честь и достоинство потерпевшей.

В другом случае постановлением мирового судьи Г. привлечена к административной ответственности за совершение административного правонарушения, выразившегося в размещении в социальной сети доступной для просмотра неограниченным кругом лиц видеозаписи, обращенной к А. и сопровождающейся высказыванием в неприличной форме, унижающим честь и достоинство последней.

50. Административные правонарушения, предусмотренные, в частности, ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ, с учетом конкретных фактических обстоятельств дела могут быть признаны малозначительными (ст. 2.9 КоАП РФ).

В отношении С. было возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ, поскольку он в личной переписке с К. в социальной сети высказал в адрес последнего оскорбления.

При вынесении постановления о прекращении производства по делу в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения мировой судья исходил из того, что деяние лица, в отношении которого ведется производство по делу, формально содержит

признаки указанного административного правонарушения, но с учетом фактических обстоятельств дела (совершения оскорбления в ходе взаимной ссоры между С. и К.), характера правонарушения, степени его общественной опасности, размера вреда и тяжести наступивших последствий, а также с учетом позиции потерпевшего не представляет существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений.

51. Унижение чести и достоинства нескольких лиц в результате одного оскорбительного действия подлежит квалификации по ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ как одно административное правонарушение.

Постановлением мирового судьи С. был привлечен к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ.

В ходе рассмотрения дела было установлено, что С., проходя мимо компании молодых людей, охарактеризовал их нецензурным словом, унизив честь и достоинство.

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

52. Обязательным условием выплаты денежной компенсации вместо предоставления дополнительных суток отдыха является необходимость проведения мероприятий без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени, и такая необходимость должна быть указана в соответствующем приказе о выплате компенсации.

Решением Волгоградского гарнизонного военного суда от 21 января 2020 г., оставленным без изменения апелляционным определением Южного окружного военного суда от 15 апреля 2020 г., С. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконным отказ начальника финансового органа согласовать проект приказа командира воинской части о выплате ему денежной компенсации вместо предоставления дополнительных суток отдыха за участие в период с 26 июня по 22 сентября 2019 г. в мероприятиях, которые проводятся при необходимости без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени.

Кассационным определением Кассационного военного суда от 25 ноября 2020 г. судебные акты по результатам рассмотрения кассационной жалобы административного истца отменены, по делу принято новое решение об удовлетворении заявленных С. требований.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе начальника финансового органа, Судебная коллегия по делам военнослужащих кассационное определение отменила, оставила в силе судебные акты гарнизонного и окружного военных судов по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что С. в период с 21 июня по 25 сентября 2019 г. находился в служебной командировке в н.п. Ханкала Чеченской Республики, где исполнял обязанности начальника отделения связи и автоматизации Оперативной группы в составе объединенного пункта управления командующего Объединенной группировки войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации.

Приказами руководителя названной Оперативной группы от 10 июля, 5 августа, 5 сентября и 24 октября 2019 г. С. в периоды с 26 по 30 июня, с 1 по 31 июля, с 1 по 31 августа и с 1 по 22 сентября 2019 г. полагался принимавшим непосредственное участие в контртеррористической операции.

После прибытия из служебной командировки административный истец обратился по команде с рапортом о выплате денежной компенсации вместо предоставления дополнительных суток отдыха.

Проектом приказа командира войсковой части 65363 названная денежная компенсация С. определена к выплате. Однако начальник финансового органа в согласовании проекта приказа отказал.

Признавая такой отказ законным, суды первой и апелляционной инстанций посчитали, что право административного истца на предоставление дополнительных суток отдыха и, как следствие, на получение денежной компенсации надлежащим образом не подтверждено.

Отменяя судебные акты и возлагая на начальника финансового органа обязанность по повторному рассмотрению вопроса о согласовании проекта приказа относительно выплаты С. денежной компенсации, суд кассационной инстанции на основе анализа положений п. 3 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», п. 5 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», п. 15 Перечня мероприятий, которые проводятся при необходимости без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени военнослужащих, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 10 ноября 1998 г. № 492, пришел к выводу, что участие в контртеррористических операциях само по себе является привлечением военнослужащего к исполнению обязанностей военной службы без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени, в связи с чем административный истец вправе претендовать на выплату денежной компенсации.

Такие выводы суда кассационной инстанции основаны на неправильном применении норм материального права.

Основания выплаты денежной компенсации вместо предоставления дополнительных суток отдыха определены Федеральным законом «О статусе военнослужащих».

В соответствии с п. 3 ст. 11 названного федерального закона военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, участвующим в мероприятиях, которые проводятся при необходимости без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени, по их просьбе вместо предоставления дополнительных суток отдыха может выплачиваться денежная компенсация. Порядок и условия выплаты денежной компенсации устанавливаются руководителем федерального органа исполнительной власти или федерального государственного органа, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Перечень мероприятий, которые проводятся при необходимости без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержден приказом Министра обороны Российской Федерации от 10 ноября 1998 г. № 492 (далее – Перечень мероприятий), а порядок и условия выплаты денежной компенсации установлены приказом Министра обороны Российской Федерации от 14 февраля 2010 г. № 80.

В силу п. 15 Перечня мероприятий при необходимости без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени производится выполнение в том числе боевых и (или) специальных задач, определенных законодательством и (или) иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно п. 2 приказа Министра обороны Российской Федерации от 14 февраля 2010 г. № 80 выплата денежной компенсации производится на основании приказов должностных лиц от командира соединения (ему равного) и выше о привлечении военнослужащих к исполнению обязанностей военной службы без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени с обоснованием в них необходимости и обозначением периода проведения мероприятий.

Содержание названных правовых норм указывает на то, что обязательным условием выплаты денежной компенсации является необходимость проведения мероприятий без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени и такая необходимость должна быть отражена в соответствующем приказе о выплате компенсации.

Из проекта приказа о выплате С. денежной компенсации вместо предоставления дополнительных суток отдыха следует, что в нем не обоснована необходимость проведения мероприятий, в которых участвовал административный истец, без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени. Отсутствует такое указание и в приказах о непосредственном участии С. в контртеррористической операции.

С учетом изложенного участие административного истца в контртеррористической операции, понятие которой определено в п. 5 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», само по себе не является безусловным основанием для выплаты денежной компенсации

вместо предоставления дополнительных суток отдыха по основаниям, установленным Федеральным законом «О статусе военнослужащих».

Кроме того, согласно ч. 2 ст. 20 Федерального закона «О противодействии терроризму» социальная защита лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, осуществляется с учетом правового статуса таких лиц, устанавливаемого федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, а в силу ст. 23 названного закона время непосредственного участия в контртеррористической операции засчитывается в льготное исчисление выслуги лет и для установления повышенных должностных окладов, а также дополнительных гарантий и компенсаций.

В развитие Федерального закона «О противодействии терроризму» Правительством РФ изданы постановления от 9 февраля 2004 г. № 65 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти, участвующим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» и от 29 декабря 2011 г. № 1174 «О дополнительных выплатах отдельным категориям военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти».

Как следует из приказов руководителя Оперативной группы в составе объединенного пункта управления командующего Объединенной группировки войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации в отношении С., именно для целей реализации указанных гарантий и компенсаций определялись периоды его непосредственного участия в контртеррористической операции.

При таких данных отказ финансового органа в согласовании проекта приказа командира воинской части прав административного истца не нарушает.

Определение № 224-КА21-5-К10

По гражданским делам

53. В случае выплаты военнослужащему на основании приказа ежемесячных выплат, входящих в состав денежного довольствия, эти денежные средства при отсутствии при их начислении счетной ошибки или недобросовестных действий самого военнослужащего не могут считаться неосновательным обогащением и не подлежат возврату в качестве такового.

Решением Курильского гарнизонного военного суда от 16 января 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением

Дальневосточного окружного военного суда от 23 апреля 2019 г., удовлетворено исковое заявление представителя федерального казенного учреждения «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации» (далее – ЕРЦ) о взыскании с Б. излишне выплаченных 368 795 руб. 94 коп. в качестве процентной надбавки в размере 50 процентов к денежному довольствию за военную службу в районах Крайнего Севера.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила судебные постановления и приняла по делу новое решение, которым отказала в удовлетворении искового заявления ЕРЦ о взыскании с Б. излишне выплаченных денежных сумм.

В обоснование принятого решения Судебная коллегия указала, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что после окончания в июне 2010 года военно-учебного заведения Б., родившийся 22 января 1988 г. в г. Елизово Камчатской области, прибыл для дальнейшего прохождения военной службы в воинскую часть, дислоцированную в г. Южно-Сахалинске Сахалинской области, которая является местностью, приравненной к районам Крайнего Севера.

В судебном заседании суда первой инстанции Б. пояснил, что в связи с проживанием ранее в отдаленной местности ему с первого дня военной службы была установлена процентная надбавка к денежному довольствию за службу в районах Крайнего Севера в размере 50 процентов на основании действовавшей в тот период редакции ст. 13 Федерального закона «О статусе военнослужащих», как военнослужащему в возрасте до 30 лет, который более пяти лет прожил в этих районах до поступления на военную службу.

Приказом Министра обороны Российской Федерации от 10 января 2012 г. Б. с 1 января 2012 г. установлен ряд выплат, в том числе процентная надбавка к денежному довольствию за службу в отдаленной местности (далее – процентная надбавка) в размере 50 процентов.

Надбавка в указанном размере продолжала выплачиваться ответчику до 21 июля 2015 г., после чего на основании приказа командира воинской части 23641 от 20 мая 2016 г. ему были установлены иные размеры процентной надбавки: с 1 января 2012 г. – 10 процентов, с 22 июля 2012 г. – 20 процентов, с 22 июля 2013 г. – 30 процентов, с 22 июля 2014 г. – 40 процентов, с 22 июля 2015 г. – 50 процентов.

Полагая, что за период с 1 января 2012 г. по 21 июля 2015 г. у ответчика отсутствовало право на получение процентной надбавки в максимальном размере, ЕРЦ обратился в суд с иском о взыскании с Б. излишне выплаченных сумм, составляющих разницу между размерами процентной надбавки, указанными в приказе Министра обороны Российской Федерации и приказе командира воинской части.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что право на получение процентной надбавки в повышенном размере Б. не имел, в связи с чем излишне выплаченные денежные суммы не могли быть отнесены к денежному довольствию и приравнены к заработной плате. На основании этого вывода суд посчитал, что выплаченные суммы не относятся к неосновательному обогащению, не подлежащему возврату.

В апелляционном определении окружной военный суд пришел к выводу, что неправильное начисление ответчику денежного довольствия произошло вследствие счетной ошибки. Ошибочный вывод гарнизонного военного суда о том, что излишне выплаченные Б. суммы не могли быть отнесены к денежному довольствию, по мнению суда апелляционной инстанции, не является основанием для отмены правильного по существу решения.

При этом судами оставлены без внимания иные имеющие значение обстоятельства, что привело к неприменению норм материального права, подлежащих применению в данном деле.

В суде установлено, что после прибытия Б. (в возрасте до 30 лет) в июне 2010 года к новому месту военной службы в воинскую часть, дислоцированную в г. Южно-Сахалинске Сахалинской области, ему была установлена процентная надбавка в размере 50 процентов, как ранее проживавшему в районе Крайнего Севера не менее пяти лет. Установление процентной надбавки в указанном размере соответствовало действовавшему на тот период законодательству. Впоследствии, с 1 января 2012 г., выплата процентной надбавки в том же размере продолжена Б. на основании приказа Министра обороны Российской Федерации от 10 января 2012 г. О том, что данный приказ в отношении ответчика издавался, следует из сообщения начальника Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации от 2 февраля 2021 г. и приложенной к сообщению выписки из приказа. Таким образом, с 1 января 2012 г. выплата Б. процентной надбавки производилась на основании приказа Министра обороны Российской Федерации.

Данных о том, что при начислении названной надбавки допущена счетная ошибка либо в действиях военнослужащего имеются признаки недобросовестности при ее получении, в материалах дела не содержится.

Эти обстоятельства имеют существенное значение для дела.

Согласно подп. 25 п. 10 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, Министр обороны Российской Федерации решает вопросы прохождения военной службы военнослужащими Вооруженных Сил и в соответствии с подп. 7 п. 10 Положения издает приказы, организует и проверяет их исполнение. Понятие приказа, издаваемого в порядке реализации командиром (начальником) распорядительной власти по отношению к подчиненным, содержится в гл. 2 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

(далее – Устав внутренней службы), утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495. Согласно ст. 39 Устава внутренней службы приказ – распоряжение командира (начальника), обращенное к подчиненным и требующее обязательного выполнения определенных действий, соблюдения тех или иных правил или устанавливающее какой-либо порядок, положение. Отменить приказ в силу ст. 44 Устава внутренней службы имеет право только командир (начальник), его отдавший, либо вышестоящий прямой начальник.

Как следует из материалов дела, приказ Министра обороны Российской Федерации от 10 января 2012 г. об установлении Б. процентной надбавки в размере 50 процентов на момент издания командиром воинской части приказа от 20 мая 2016 г. об установлении ответчику надбавки в меньшем размере и в настоящее время отменен не был.

Названные нормы права в совокупности с установленными обстоятельствами подлежали применению в данном деле. Оставление их судами без внимания привело к неправильному выводу о правомерности требований финансового органа о взыскании с ответчика денежных сумм, составляющих разницу между размерами процентной надбавки, установленными в неотмененном приказе Министра обороны Российской Федерации и приказе командира воинской части.

Определение № 225-КГ21-1

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. Может ли суд при определении размера компенсации за нарушение исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации снизить его ниже пределов, установленных п. 3 ст. 1252 ГК РФ, в случае одновременного нарушения прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, если объекты нарушения неоднородны?

ОТВЕТ. В том случае, если имеется несколько принадлежащих одному лицу результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, связанных между собой: произведение и товарный знак, в котором использовано это произведение, товарный знак и наименование места происхождения товара, товарный знак и промышленный образец, компенсация за нарушение прав на каждый объект определяется самостоятельно (п. 63 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой

Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10).

Согласно абзацу третьему п. 3 ст. 1252 ГК РФ, если одним действием нарушены права на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, то размер компенсации определяется судом за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации. При этом в случае, если права на соответствующие результаты или средства индивидуализации принадлежат одному правообладателю, общий размер компенсации за нарушение прав на них с учетом характера и последствий нарушения может быть снижен судом ниже пределов, установленных ГК РФ, но не может составлять менее пятидесяти процентов суммы минимальных размеров всех компенсаций за допущенные нарушения.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 64 постановления от 23 апреля 2019 г. № 10 разъяснил, что положения абзаца третьего п. 3 ст. 1252 ГК РФ о снижении размера компенсации подлежат применению, в частности, когда одним действием нарушены права на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, связанных между собой: музыкальное произведение и его фонограмма; произведение и товарный знак, в котором использовано это произведение; товарный знак и наименование места происхождения товара; товарный знак и промышленный образец; а также на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, не связанных между собой (например, в случае продажи одним лицом товара с незаконно нанесенными на него разными товарными знаками или распространения материального носителя, в котором выражено несколько разных экземпляров произведений).

Таким образом, положения абзаца третьего п. 3 ст. 1252 ГК РФ об определении размера и снижении компенсации применимы в том числе к случаям нарушения одним действием прав на несколько любых из указанных в абзаце первом данного пункта результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, при нарушении исключительного права на которые может быть взыскана компенсация.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 13 декабря 2016 г. № 28-П, проверяя конституционность положений о взыскании компенсации в случаях, предусмотренных подп. 1 ст. 1301, подп. 1 ст. 1311 и подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, пришел к выводу о несоответствии этих законоположений Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системной связи с п. 3 ст. 1252 ГК РФ и другими его положениями они не позволяют суду при определении размера компенсации, подлежащей выплате правообладателю в случае нарушения индивидуальным предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности одним действием прав на несколько объектов интеллектуальной собственности, определить с учетом фактических

обстоятельств конкретного дела общий размер компенсации ниже минимального предела, установленного данными законоположениями, если размер подлежащей выплате компенсации, исчисленной по установленным ими правилам с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков (при том что эти убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и если при этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер. Приведенная правовая позиция была высказана Конституционным Судом Российской Федерации применительно к случаям взыскания компенсации за незаконное использование произведений, объектов смежных прав и товарных знаков.

В постановлении от 24 июля 2020 г. № 40-П Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая дело о проверке конституционности подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, констатировал, что сформулированные в его постановлении от 13 декабря 2016 г. № 28-П правовые позиции имеют общий (универсальный) характер в том смысле, что должны учитываться не только при применении тех же самых норм Гражданского кодекса Российской Федерации, которые стали непосредственным предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации, и лишь в контексте идентичных обстоятельств дела, но и в аналогичных ситуациях. Соответственно, и в случае взыскания за нарушение исключительного права на один товарный знак компенсации, определенной по правилам подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, должна быть обеспечена возможность ее снижения, если размер подлежащей выплате компенсации многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков (при том что убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и если при этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер.

С учетом изложенного суд вправе определить размер компенсации за нарушение исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации ниже пределов, установленных п. 3 ст. 1252 ГК РФ, и в случае одновременного нарушения прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, если объекты нарушения неоднородны (например, одним действием нарушены права на товарные знаки и на произведения).

ВОПРОС 2. Какой федеральный закон подлежит применению при оспаривании результатов государственной кадастровой оценки на основании установления рыночной стоимости объекта недвижимости в связи с принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»?

ОТВЕТ. Порядок оспаривания результатов определения кадастровой стоимости регулируется в настоящее время Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 135-ФЗ) и Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» (далее – Федеральный закон № 237-ФЗ) с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 269-ФЗ).

Как следует из ч. 1 ст. 24 Федерального закона № 237-ФЗ, к отношениям, возникающим в связи с проведением государственной кадастровой оценки, пересмотром и оспариванием ее результатов, устанавливается переходный период применения данного закона с 1 января 2017 г. до 1 января 2023 г. (далее – переходный период).

В течение переходного периода государственная кадастровая оценка может проводиться в соответствии с Федеральным законом № 237-ФЗ или Федеральным законом № 135-ФЗ с учетом особенностей, предусмотренных федеральными законами (ч. 2 ст. 24 Федерального закона № 237-ФЗ).

При этом, как следует из ч. 6 ст. 24 и ч. 1 ст. 25 Федерального закона № 237-ФЗ, положения данного закона не применяются к государственной кадастровой оценке и оспариванию результатов государственной кадастровой оценки, проведение которой начато до 1 января 2017 г.

Таким образом, оспаривание результатов государственной кадастровой оценки, проведение которой начато до названной даты, осуществляется в соответствии с Федеральным законом № 135-ФЗ.

Частью 3 ст. 24 Федерального закона № 237-ФЗ предусмотрено, что решение о дате перехода к проведению государственной кадастровой оценки в соответствии с этим законом принимается высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Следовательно, если государственная кадастровая оценка проведена после принятия указанного решения в соответствии с положениями Федерального закона № 237-ФЗ, оспаривание результатов определения кадастровой стоимости осуществляется по правилам ст. 22 Федерального закона № 237-ФЗ.

Аналогичным образом решается вопрос об оспаривании решений комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости.

Федеральным законом № 269-ФЗ в Федеральный закон № 237-ФЗ введена статья 22¹, регулирующая вопросы установления кадастровой стоимости в размере рыночной стоимости и оспаривания ее результатов, которая вступила в силу 11 августа 2020 г.

При этом ч. 2 ст. 6 Федерального закона № 269-ФЗ до 1 января 2023 г. устанавливается переходный период применения ст. 22 и 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 6 Федерального закона № 269-ФЗ в течение переходного периода высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации может быть принято решение о дате перехода к применению положений ст. 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ для целей установления кадастровой стоимости объектов недвижимости в размере их рыночной стоимости (далее – Решение).

В силу п. 3 ч. 2 ст. 6 Федерального закона № 269-ФЗ с даты, указанной в Решении (в случае отсутствия Решения – с 1 января 2023 г.), в субъекте Российской Федерации:

1) применяются положения ст. 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ в отношении всех объектов недвижимости, учтенных в ЕГРН;

2) не применяются положения ст. 22 Федерального закона № 237-ФЗ;

3) рассмотрение споров о результатах определения кадастровой стоимости на основании установления в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости на дату, по состоянию на которую установлена его кадастровая стоимость, в соответствии со ст. 24¹⁸ Федерального закона № 135-ФЗ не осуществляется.

Таким образом, оспаривание результатов определения кадастровой стоимости, установленной в рамках государственной кадастровой оценки, проведенной до 1 января 2017 г. по правилам Федерального закона № 135-ФЗ, осуществляется в соответствии с этим законом; оспаривание результатов определения кадастровой стоимости, установленной в рамках государственной кадастровой оценки, проведенной по правилам Федерального закона № 237-ФЗ до окончания переходного периода (до 1 января 2023 г. либо до даты принятия Решения), осуществляется в соответствии со ст. 22 Федерального закона № 237-ФЗ. Если в субъекте Российской Федерации принято решение о дате перехода к применению положений ст. 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ для целей установления кадастровой стоимости объектов недвижимости в размере их рыночной стоимости, то независимо от того, на основании какого закона была определена кадастровая стоимость объекта недвижимости, оспаривание результатов определения такой кадастровой стоимости возможно только по правилам ст. 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ, то есть после 1 января 2023 г. или с даты, указанной в Решении, может быть оспорено только

решение бюджетного учреждения, принятое в соответствии со ст. 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ.

ВОПРОС 3. На какую дату устанавливается кадастровая стоимость объектов недвижимости в размере рыночной стоимости в соответствии со ст. 22 Федерального закона № 237-ФЗ?

ОТВЕТ. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 3 Федерального закона № 237-ФЗ кадастровая стоимость объекта недвижимости представляет собой полученный на определенную дату результат оценки объекта недвижимости, определяемый на основе ценообразующих факторов в соответствии с названным законом и методическими указаниями о государственной кадастровой оценке.

Год проведения государственной кадастровой оценки указывается в решении о проведении государственной кадастровой оценки, которое принимается уполномоченным органом субъекта Российской Федерации (п. 1 ч. 5 ст. 11 Федерального закона № 237-ФЗ).

Согласно ч. 5 ст. 13 Федерального закона № 237-ФЗ в перечень объектов недвижимости, подлежащих государственной кадастровой оценке, включаются сведения ЕГРН, актуальные по состоянию на 1 января года проведения государственной кадастровой оценки. Определение кадастровой стоимости осуществляется бюджетным учреждением в отношении всех объектов недвижимости, включенных в перечень, в соответствии с методическими указаниями о государственной кадастровой оценке (ч. 1 ст. 14 названного закона).

В силу п. 1.2 Методических указаний о государственной кадастровой оценке, утвержденных приказом Минэкономразвития России от 12 мая 2017 г. № 226 (далее – Методические указания), датой, по состоянию на которую определяется кадастровая стоимость, является 1 января года проведения государственной кадастровой оценки.

Результаты определения кадастровой стоимости могут быть оспорены в комиссии или в суде на основании установления в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости, определенной на дату, по состоянию на которую определена его кадастровая стоимость (ч. 7 ст. 22 Федерального закона № 237-ФЗ).

Таким образом, при рассмотрении дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости в порядке ст. 22 Федерального закона № 237-ФЗ рыночная стоимость объектов недвижимости устанавливается на 1 января года проведения государственной кадастровой оценки.

ВОПРОС 4. На какую дату устанавливается кадастровая стоимость объектов недвижимости в размере рыночной стоимости в соответствии со ст. 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ?

ОТВЕТ. Как следует из ч. 2 ст. 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ, заявление об установлении кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере его рыночной стоимости (далее – заявление об установлении рыночной стоимости) может быть подано в период с даты постановки объекта недвижимости на государственный кадастровый учет до даты снятия его с государственного кадастрового учета.

При этом заявление об установлении рыночной стоимости может быть подано в течение шести месяцев с даты, по состоянию на которую проведена рыночная оценка объекта недвижимости и которая указана в приложенном к такому заявлению отчете об оценке рыночной стоимости объекта недвижимости (ч. 7 ст. 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ).

Анализ приведенных норм позволяет сделать вывод о том, что рыночная стоимость, устанавливаемая по правилам ст. 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ, определяется на дату, которая указана в отчете об оценке. Этой датой является дата, указанная сторонами договора на проведение рыночной оценки объекта недвижимости (ст. 10 и 11 Федерального закона № 135-ФЗ).

При оспаривании в суде решения бюджетного учреждения и установлении рыночной стоимости такая стоимость должна определяться на дату, указанную в отчете.

ВОПРОС 5. На какую дату устанавливается кадастровая стоимость объектов недвижимости в размере рыночной стоимости в соответствии со ст. 16 Федерального закона № 237-ФЗ?

ОТВЕТ. В соответствии с ч. 7 ст. 15 Федерального закона № 237-ФЗ подведомственное органу регистрации прав федеральное государственное бюджетное учреждение в течение десяти рабочих дней со дня начала применения кадастровой стоимости, полученной по результатам проведения государственной кадастровой оценки, обеспечивает формирование и предоставление бюджетному учреждению перечня вновь учтенных, ранее учтенных в Едином государственном реестре недвижимости объектов недвижимости, в сведения Единого государственного реестра недвижимости о которых внесены изменения в период с 1 января года проведения государственной кадастровой оценки до даты начала применения кадастровой стоимости, полученной по результатам проведения государственной кадастровой оценки.

Определение кадастровой стоимости вновь учтенных объектов недвижимости, ранее учтенных объектов недвижимости в случае внесения в ЕГРН сведений о них, и объектов недвижимости, в сведения ЕГРН о которых внесены изменения, влекущие за собой изменение их кадастровой стоимости, осуществляется бюджетным учреждением, созданным субъектом Российской Федерации и наделенным полномочиями, связанными с определением

кадастровой стоимости, в порядке, предусмотренном Методическими указаниями.

Подведомственное органу регистрации прав федеральное государственное бюджетное учреждение в течение трех рабочих дней со дня внесения в ЕГРН сведений об объекте недвижимости формирует и направляет в бюджетное учреждение такие сведения в соответствии с порядком формирования и предоставления перечней объектов недвижимости (чч. 1 и 2 ст. 16 Федерального закона № 237-ФЗ).

Согласно п. 12.1 Методических указаний определение кадастровой стоимости осуществляется по алгоритмам, предусмотренным данными указаниями, с применением подходящей по виду использования объекта недвижимости модели оценки кадастровой стоимости на основе результатов последней государственной кадастровой оценки, действовавших по состоянию на дату возникновения основания пересчета кадастровой стоимости.

С учетом изложенного датой определения кадастровой стоимости объектов недвижимости, указанных в ст. 16 Федерального закона № 237-ФЗ, является дата внесения сведений в ЕГРН о вновь учтенных объектах недвижимости, ранее учтенных объектах недвижимости и внесения изменений в сведения ЕГРН об объектах недвижимости, повлекших за собой изменение их кадастровой стоимости.

ВОПРОС 6. Нужно ли в решении суда указывать дату подачи заявления в суд в связи с исключением этого положения из ст. 24²⁰ Федерального закона № 135-ФЗ?

ОТВЕТ. Ранее действующая редакция ст. 24²⁰ Федерального закона № 135-ФЗ предусматривала, что в случае изменения кадастровой стоимости по решению комиссии или суда в порядке, установленном ст. 24¹⁸ Федерального закона № 135-ФЗ, сведения о кадастровой стоимости, установленной решением комиссии или суда, применяются для целей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, с 1 января календарного года, в котором подано соответствующее заявление о пересмотре кадастровой стоимости, но не ранее даты внесения в ЕГРН кадастровой стоимости, являвшейся предметом оспаривания.

С 11 августа 2020 г. вступили в силу изменения в ст. 24²⁰ Федерального закона № 135-ФЗ, согласно которым кадастровая стоимость объекта недвижимости применяется для целей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, со дня начала применения кадастровой стоимости, изменяемой вследствие:

исправления технической ошибки в сведениях ЕГРН, послужившего основанием для такого изменения;

внесения изменений в акт об утверждении результатов определения кадастровой стоимости, изменяющий кадастровую стоимость объекта недвижимости в сторону уменьшения;

установления кадастровой стоимости в результате рассмотрения споров о результатах определения кадастровой стоимости объекта недвижимости.

Поскольку вопрос применения кадастровой стоимости в размере рыночной, установленной решением суда, урегулирован ст. 24²⁰ Федерального закона № 135-ФЗ, указание в резолютивной части решения суда даты подачи заявления при оспаривании результатов определения кадастровой стоимости по правилам Федерального закона № 135-ФЗ не требуется.

ВОПРОС 7. Нужно ли в решении суда указывать дату подачи заявления в суд в случае оспаривания результатов определения кадастровой стоимости в размере рыночной в соответствии со ст. 22 Федерального закона № 237-ФЗ?

ОТВЕТ. В соответствии с ч. 4 ст. 6 Федерального закона № 269-ФЗ сведения о кадастровой стоимости объекта недвижимости, которые внесены в ЕГРН в результате оспаривания результатов определения кадастровой стоимости в порядке, установленном ст. 22 Федерального закона № 237-ФЗ, применяются с 1 января года, в котором в суд или в комиссию по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости подано заявление об оспаривании, но не ранее даты внесения в ЕГРН сведений о кадастровой стоимости, которая являлась предметом оспаривания.

Исходя из этого в решении суда об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости на основании ст. 22 Федерального закона № 237-ФЗ отражается дата подачи заявления о пересмотре кадастровой стоимости.

ВОПРОС 8. Каковы процессуальные особенности рассмотрения административных дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости по ст. 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ?

ОТВЕТ. Существо спора об обжаловании решения бюджетного учреждения сводится к оспариванию кадастровой стоимости, поэтому порядок рассмотрения данной категории регулируется гл. 25 КАС РФ.

Подсудность споров определяется в соответствии с п. 15 ч. 1 ст. 20 КАС РФ, то есть дело по первой инстанции рассматривается областными и приравненным к ним судами.

Сроки рассмотрения дел установлены ст. 141 КАС РФ для споров об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости (ст. 247 КАС РФ) и составляют 2 месяца для первой инстанции.

Госпошлина уплачивается по требованию об оспаривании решения бюджетного учреждения независимо от того, заявлено ли также требование об установлении рыночной стоимости на основании подп. 3 ч. 1 ст. 333¹⁹ НК РФ как при подаче искового заявления имущественного характера, не подлежащего оценке, а также искового заявления неимущественного характера. По требованию об установлении рыночной стоимости государственная пошлина не уплачивается, так как такое требование не носит самостоятельный характер.

ВОПРОС 9. Подлежат ли рассмотрению в судебном порядке требования об установлении рыночной стоимости объекта недвижимости, если лицо ранее не обращалось с соответствующим заявлением в бюджетное учреждение по правилам ст. 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ?

ОТВЕТ. Статьей 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ предусмотрен механизм внесудебного установления кадастровой стоимости в размере рыночной стоимости – рассмотрение заявления об установлении рыночной стоимости объекта недвижимости в государственных бюджетных учреждениях субъектов Российской Федерации, осуществляющих определение кадастровой стоимости.

Таким образом, законом установлен внесудебный порядок определения рыночной стоимости.

Часть 15 ст. 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ предусматривает возможность оспаривания в суде решения бюджетного учреждения. Требование об установлении рыночной стоимости может быть заявлено только одновременно с таким требованием и не носит самостоятельного характера.

В том случае, если в суд подано административное исковое заявление об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости и установлении рыночной стоимости минуя обращение в бюджетное учреждение, в принятии такого заявления следует отказать применительно к подп. 1 п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ (заявление не подлежит рассмотрению в судах).

ВОПРОС 10. Каким образом подлежат распределению судебные расходы при установлении рыночной стоимости объекта недвижимости по ст. 22 и 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ о государственной кадастровой оценке?

ОТВЕТ. В соответствии с ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 237-ФЗ государственная кадастровая оценка проводится по решению исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации (далее – уполномоченный орган субъекта Российской Федерации).

Уполномоченный орган субъекта Российской Федерации наделяет полномочиями, связанными с определением кадастровой стоимости, бюджетное учреждение, созданное субъектом Российской Федерации (далее – бюджетное учреждение) (ч. 2 ст. 6 Федерального закона № 237-ФЗ).

Полномочиями бюджетных учреждений в сфере государственной кадастровой оценки являются в том числе: определение кадастровой стоимости при проведении государственной кадастровой оценки; определение кадастровой стоимости вновь учтенных объектов недвижимости, ранее учтенных объектов недвижимости в случае внесения в Единый государственный реестр недвижимости сведений о них и объектов недвижимости, в отношении которых произошло изменение их количественных и (или) качественных характеристик (пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона № 237-ФЗ). Результаты определения кадастровой стоимости при проведении государственной кадастровой оценки утверждаются уполномоченным органом субъекта Российской Федерации путем принятия соответствующего акта об утверждении результатов определения кадастровой стоимости (ч. 1 ст. 15 Федерального закона № 237-ФЗ).

Частью 6 ст. 16 Федерального закона № 237-ФЗ установлено, что по результатам определения кадастровой стоимости в отношении объектов, кадастровая стоимость которых установлена не в порядке государственной кадастровой оценки, а в связи с образованием объектов либо изменением их характеристик, бюджетным учреждением составляется акт об определении кадастровой стоимости.

Таким образом, результаты определения кадастровой стоимости содержатся в актах об их утверждении.

Согласно ч. 1 ст. 22 Федерального закона № 237-ФЗ результаты определения кадастровой стоимости могут быть оспорены в комиссии или в суде по заявлению юридических и физических лиц, если результаты определения кадастровой стоимости затрагивают права или обязанности этих лиц, а также органами государственной власти и органами местного самоуправления в отношении объектов недвижимости, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

Часть 3 ст. 22¹ Федерального закона № 237-ФЗ предусматривает обращение с заявлением об установлении рыночной стоимости объекта недвижимости в бюджетное учреждение или многофункциональный центр. В силу ч. 15 указанной статьи решение бюджетного учреждения может быть оспорено в суде в порядке административного судопроизводства. Одновременно с оспариванием решения бюджетного учреждения в суд

может быть также заявлено требование об установлении кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере его рыночной стоимости.

При этом следует учитывать разъяснения, содержащиеся, в частности, в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», о том, что принципом распределения судебных расходов выступает возмещение судебных расходов лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу (например, решение суда первой инстанции, определение о прекращении производства по делу или об оставлении заявления без рассмотрения, судебный акт суда апелляционной, кассационной, надзорной инстанции, которым завершено производство по делу на соответствующей стадии процесса).

Вопросы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

ВОПРОС 11. Как следует квалифицировать действия лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и управляющего в связи с осуществлением такой деятельности транспортным средством, в отношении которого не выполнена предусмотренная законом обязанность по его регистрации (постановке на государственный учет)?

ОТВЕТ. Административное правонарушение, выражающееся в управлении транспортным средством, в отношении которого не выполнена предусмотренная законом обязанность по его регистрации (постановке на государственный учет), подлежит квалификации по ч. 1 ст. 12.1 КоАП РФ.

При этом выпуск на линию транспортного средства, не зарегистрированного в установленном порядке, влечет административную ответственность по ч. 1 ст. 12.31 КоАП РФ.

В соответствии с п. 1 Основных положений по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения (далее – Основные положения по допуску), утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090, механические транспортные средства (кроме мопедов) и прицепы должны быть зарегистрированы в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации или иных органах, определяемых Правительством Российской Федерации, в течение срока действия регистрационного знака «Транзит» или 10 суток после их приобретения или таможенного оформления.

В силу п. 12 Основных положений по допуску должностным и иным лицам, ответственным за техническое состояние и эксплуатацию

транспортных средств, запрещается выпускать на линию транспортные средства, в частности, не зарегистрированные в установленном порядке.

Исходя из того, что административные правонарушения, предусмотренные названными выше статьями КоАП РФ, выражаются в различных действиях: административной ответственности по ч. 1 ст. 12.1 КоАП РФ подлежит лицо, управляющее не зарегистрированным в установленном порядке транспортным средством, а административная ответственность по ч. 1 ст. 12.31 КоАП РФ наступает за выпуск на линию транспортного средства, не зарегистрированного в установленном порядке, такие действия подлежат самостоятельной квалификации по каждой из перечисленных норм КоАП РФ и в том случае, когда лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, осуществив выпуск на линию транспортного средства, не зарегистрированного в установленном порядке, управляет им в связи с осуществлением указанной деятельности.

ВОПРОС 12. Вправе ли судья вышестоящего суда, пересматривая в порядке ст. 30.9 КоАП РФ вынесенное по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении не вступившее в законную силу решение судьи районного суда, изменить основание прекращения производства по делу об административном правонарушении?

ОТВЕТ. Решение судьи районного суда, принятое по жалобе на постановление, вынесенное органом (должностным лицом), уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, может быть обжаловано в соответствии с чч. 1 и 2 ст. 30.9 КоАП РФ в вышестоящий суд.

Виды решений, которые выносятся по результатам рассмотрения жалобы, протеста на не вступившие в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов, перечислены в ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ.

Пересматривая в порядке ст. 30.9 КоАП РФ вынесенное по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении не вступившее в законную силу решение судьи районного суда о прекращении производства по делу в связи с отсутствием состава административного правонарушения (п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ) либо в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых вынесено постановление по делу об административном правонарушении, судья вышестоящего суда вправе вынести решение об отмене решения судьи районного суда и прекращении производства по делу в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности (п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ), если установит, что производство по делу об административном правонарушении было необоснованно прекращено по одному из указанных выше оснований.

При этом решение судьи вышестоящего суда во всяком случае не должно содержать выводов о виновности лица, в отношении которого производство по делу об административном правонарушении прекращено.

Данный подход согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой федеральный законодатель, реализуя свое полномочие по правовому регулированию административной ответственности, вправе определять пределы целесообразности публичного преследования таким образом, чтобы обеспечить наряду с эффективной государственной, в том числе судебной, защитой прав граждан процессуальную экономию, оперативность при рассмотрении дел и профилактику правонарушений. Этим, в частности, обусловлено установление в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях в качестве основания прекращения дела истечение сроков давности привлечения к административной ответственности (п. 6 ч. 1 ст. 24.5). При этом в силу презумпции невиновности (ст. 1.5 КоАП РФ) лицо, в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено ввиду истечения сроков давности, считается невиновным, то есть государство, отказываясь от преследования лица за административное правонарушение, не ставит более под сомнение его статус в качестве невиновного и, более того, признает, что не имеет оснований для опровержения его невиновности.

Следовательно, положение п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, предполагая прекращение производства по делу об административном правонарушении в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности, не допускает необоснованного ухудшения правового положения лица и не может рассматриваться как противоречащее целям защиты его прав и свобод (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1998 г. № 2-П, от 18 февраля 2000 г. № 3-П, от 16 июня 2009 г. № 9-П).

ВОПРОС 13. Является ли длящимся административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.9¹ КоАП РФ и выразившееся в невыполнении лицом возложенной на него судьей в постановлении о назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ?

ОТВЕТ. При назначении административного наказания за совершение административных правонарушений в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах лицу, признанному больным наркоманией либо потребляющему

наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, судья может возложить на такое лицо обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ (ч. 2¹ ст. 4.1 КоАП РФ).

В силу ч. 2 ст. 29.10 КоАП РФ при назначении административного наказания с возложением указанной обязанности в постановлении по делу об административном правонарушении судья устанавливает срок, в течение которого лицо обязано обратиться в соответствующую медицинскую организацию или учреждение социальной реабилитации. Указанный срок исчисляется со дня вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении.

За уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации лицом, на которое судьей возложена обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, ст. 6.9¹ КоАП РФ установлена административная ответственность.

Согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 (в редакции от 19 декабря 2013 г.) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» длящимся является такое административное правонарушение (действие или бездействие), которое выражается в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении предусмотренных законом обязанностей. При этом следует учитывать, что такие обязанности могут быть возложены и иным нормативным правовым актом, а также правовым актом ненормативного характера, например представлением прокурора, предписанием органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль). Невыполнение предусмотренной названными правовыми актами обязанности к установленному сроку свидетельствует о том, что административное правонарушение не является длящимся.

С учетом изложенного административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.9¹ КоАП РФ и выражающееся в том, что лицо, на которое при назначении административного наказания возложена названная обязанность, не обратилось в соответствующие организацию или учреждение до истечения установленного судьей в постановлении периода, не является длящимся.